ББК 87
С 34

Л.Н. СИДНЕВ

ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ ВЕКА: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ ЭССЕИСТИКИ

В этой книге современный философ, писатель и педагог, известный не только своими научными трудами, но и художественными произведениями, ведет захватывающий и поучительный разговор с великими мыслителями прошлого о познании, о смысле жизни, добре и зле, о судьбах мира и человека.

Книга обращена ко всем интересующимся историей философии, она убеждает читателя, что философское наследие прошлого жизненно, актуально и может способствовать осмыслению проблем современности.

ISBN 966-8227-86-7

Посвящается моим сыновьям

Меня сожгут, но это лишь эпизод.
Мы продолжим нашу дискуссию в вечности.
Мигель Сервет.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.
Глава 1. **ЧТО Я МОГУ ЗНАТЬ?.....4**
Глава 2. **ЧТО Я ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ?.....88**
Глава 3. **НА ЧТО Я СМЕЮ НАДЕЯТЬСЯ?.....139**
Глава 4. **ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК?.....169**
ПЕРСОНАЛИЙ……232
ЛИТЕРАТУРА……..237

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Философия… есть… наука об отношении всякого познания и употребления разума к конечной цели человеческого разума, которой, как наивысшей, подчиняются все другие цели и в которой они должны составить единство. Поле философии в этом всемирно гражданском значении можно свести к следующим вопросам:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я смею надеяться?
4. Что такое человек?

На первый вопрос отвечает *метафизика*, на второй – *мораль*, на третий – *религия* и на четвертый – *антропология*. Но, по существу, все это можно было бы причислить к антропологии, потому что первые три вопроса относятся к последнему (*Кант И.* Соч.: в 6 т. / И. Кант. – М. – 1965. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 145).

Наверное, можно спорить с фактическим сведением поля философского знания к гносеологии, этике, религии и антропологии. Но показательно и, на мой взгляд, правомерно то, что И. Кант исключил из сферы философии и логику, и натурфилософию, которой он занимался в первый, так называемый докритический период своего творчества. По поводу последних у меня тоже большие сомнения в их философском статусе. Однако бесспорно, что любой философский вопрос не может быть ограничен рассуждением об объекте; предметом философии выступают субъектно-объектные отношения, отношения Я – не Я. И это присутствие Я, присутствие человека в любой философской проблеме позволяет объявить философское знание антропологическим, поскольку в центре внимания философии всегда стоит человек.

Как бы там ни было, но нет сомнений, что Кант не будет в обиде, если его вопросы я использую в качестве названий разделов своих диалогов с мыслителями минувших веков.

ГЛАВА 1
ЧТО Я МОГУ ЗНАТЬ?

По астрономии он находил желательным знать настолько, чтобы по небесным приметам узнавать часы ночи, дни месяца и времена года, уметь не потерять дорогу, держать направление в море и сменять сторожей. «Эта наука настолько легка, – прибавлял он, – что она доступна всякому охотнику, всем мореплавателям, вообще всякому, кто хочет сколько-нибудь ею заняться». Но доходить в ней до того, чтобы изучать различные орбиты, описываемые небесными телами, высчитывать величину планет и звезд, их отдаленность от земли, их движения и изменения, – это он крайне осуждал, потому что не видел в таких занятиях никакой пользы. Он был такого низкого мнения о них не по неведению, так как сам изучал эти науки, а потому, что не хотел, чтоб на излишние занятия тратилось время и силы, которые могли быть употреблены на самое нужное человеку: на его нравственное совершенствование (Ксенофонт. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 57).

Эти мысли приписывает Сократу его ученик Ксенофонт. Если Ксенофонт не искажает взглядов учителя, то можно сказать лишь одно: великим тоже свойственно ошибаться. То, что сегодня кажется пустым знанием, завтра может обеспечить прогресс всего человечества. Нельзя ограничивать науку только практическими задачами сегодняшнего дня, заботиться о развитии исключительно прикладной науки и игнорировать науку фундаментальную, не связанную с сиюминутной пользой.

Однако если речь вести о системе обучения, о всеобщем образовании, то я мог бы согласиться с Сократом: человеку, который не намерен быть ученым, заниматься наукой, важнее практическое знание о том, например, как сделать искусственное дыхание, нежели знание механизмов дыхания и устройства дыхательных путей.

Кто в самом деле ратует за справедливость, тот, если ему суждено уцелеть хоть на малое время, должен оставаться частным человеком, а вступать на общественное поприще не должен (Платон. Избранные диалоги / Платон. – М., 1963. – С. 294).

Эти слова Платон в «Апологии Сократа» вкладывает в уста своего великого учителя. В них сразу две мысли. Первая есть констатация бесспорного факта, что тем, кто борется за справедливость, трудно

уцелеть в этом мире. Другая сложнее и не столь бесспорна: нельзя ратовать за справедливость, не будучи частным лицом. В этом тезисе заложено действительное противоречие. С одной стороны, примыкая к какому-либо общественному движению, какой-либо партии, человек неизбежно становится тенденциозным, вынужден подчинять свою свободу господствующим в этом общественном движении установкам. С другой стороны, один в поле не воин и, следовательно, для того, кто хотел бы утвердить в реальной жизни свое стремление к справедливости, естественно искать единомышленников, присоединяться к определенному общественному движению, вступать в ряды определенной партии. Однако надежды личности воплотить свои идеалы, опираясь на какую-либо общественную группу, как правило, неосуществимы. В толпе идеалы имеют свойство превращаться в идолы.

◈ ◈ ◈

Насколько лучше было бы восхвалять дела природы, нежели опустошительные набеги какого-нибудь Филиппа или Александра и других, которые, сделавшись знаменитыми благодаря бедствиям народов, были не меньшими бичами человечества, чем наводнения, опустошающие целые страны, или пожар, поглощающий множество живых существ! (Сенека. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 557).

Такова подлая особенность людской памяти и людских восторгов. Люди легко и быстро забывают добро, но долго помнят зло. Созидательный повседневный труд их не восторгает, их приводят в восторг разрушения, катастрофы и бедствия. Людей не восхищает мудрость, кротость и доброта, но восхищает грубая сила и тирания.

◈ ◈ ◈

После того, как тело расслабили тяжкие удары времени, после того, как руки и ноги отяжелели, утратили силу, разум тоже начинает прихрамывать, язык заплетается и ум убывает (Лукреций. Цит по: Казаченко Т.Г. Античные афоризмы: тематический сборник / Т.Г. Казаченко, И.Н. Громыко. – Минск, 1987. – С. 257).

Хуже если тело расслабили удары времени, руки и ноги отяжелели и лишились сил, а разум не только не пошел на убыль, а обогащенный опытом, стал глубже, зорче и добрее. И этот разум вполне сознает, что должен скоро распасться вместе с телом, что в борьбе с телом ему не быть победителем, что эта бренная плоть не даст ему осуществить величественные замыслы, сбыться надеждам, не позволит ощутить безмятежное счастье. Вот величайшая несправедливость! Вот наказание

слепых природных сил! А может быть, они не так слепы? Быть может, это месть материи духу за то, что он пытается руководить ею. Она как бы говорит духу: «Ну что, хвастунишка? Скоро я избавлюсь от тебя. Ты исчезнешь. А я не уменьшусь ни на йоту, мой конец – это только начало новых форм и новых жизней».

◈ ◈ ◈

Власть и свобода неотделимы друг от друга, так как в противном случае получается либо деспотизм, либо анархия (Цицерон. Цит. по: Казаченко Т.Г., Античные афоризмы: тематический сборник/ Т.Г. Казаченко, И.Н. Громыко. Минск, 1987. – С. 165).

Блестящий пример диалектического мышления. Противоположности едины, власть и свобода должны находиться в гармонии друг с другом. К сожалению, как показывает исторический опыт, даже в демократических обществах эта гармония столь неустойчива, столь зыбка, что часто нарушается. И хорошо, если нарушение ведет только к незначительному крену в сторону одной или другой противоположности, и общественный корабль остается на плаву, а не перевертывается и не идет ко дну.

◈ ◈ ◈

Двадцать три года, и ничего не сделано для бессмертия (Ю. Цезарь. Цит. по: Герцен А.И. Былое и думы / А.И. Герцен. – М., 1958. – Ч. 4–5. – С. 4).

Мечтая о бессмертии, подумай, достоин ли ты его. Пока мир полон негодяев, идея бессмертия будет противоречить справедливости.

◈ ◈ ◈

Ад вымощен благими намерениями (Бернар Клервоский. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 23).

Справедливо утверждение, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Но, согласитесь, из этого вовсе не следует, что злыми намерениями может быть вымощена дорога в рай. Следовательно, все дороги ведут в ад?

◈ ◈ ◈

Именно благодаря философии мы достигаем блаженной жизни, почти уподобляясь богам (Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве / Л.Б. Альберти. – М., 1935. – Т. 1. – С. 145).

Философия в буквальном смысле есть любовь к мудрости. Как объясняет Пифагор, это не сама мудрость, обладать которой могут только

боги, а стремление к ней. Но сказано: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Как же можно достичь блаженной жизни, умножая печаль? Кто ищет мудрости, должен сознавать, что она не принесет ему блаженства.

Но, может быть, под блаженством Альберти понимал то же, что Пиррон под атараксией. Когда разыгралась буря и на корабле началась паника, он указал на спокойно жрущую свинью и изрек: «Вот в такой атараксии должен пребывать мудрец».

И странное дело, эти самые государи, властвующие по выбору народа, превосходят всех других тиранов пороками и даже жестокостью. Помимо усиления рабства – урезывания свободы у своих подданных, той свободы, которой и без того так мало у них осталось, – они не видят иных средств утверждения своей власти (Э. Ла Боэти. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 407).

Тираны, которые властвуют по воле народа и от имени его, сами, как правило, вышли из народа. Они его знают не со стороны, а изнутри, и потому не питают относительно народа никаких иллюзий; не только не превозносят, но даже презирают его. Судя о народе по себе, по собственной своей подлой натуре, они считают, что его следует держать в «ежовых рукавичках», иначе он обнаглеет и возомнит себя господином. Не только в нашей истории, но и в современности тому можно найти немало ярких примеров. Я мог бы назвать имена некоторых современных тиранчиков, но поминать их здесь было бы для них слишком большой честью. Пройдет десяток–другой лет и никто не вспомнит их имен.

Людское раболепие возносит до небес любого политического шарлатана и карлика, сами эти карлики всегда мнят себя великими. На деле же очень немногие политики и так называемые государственные деятели достойны уважения и тем более доброй памяти. Действительно цивилизованные народы научились рассматривать своих политических лидеров не как вождей, а как чиновников и требуют от них не фейерверков и помпезных демонстраций, а скромной повседневной работы на благо общества. Но мы, к сожалению, еще очень далеки от этих народов, Понтий Пилат и Ирод для нас неизмеримо выше апостола Петра и даже самого Христа.

...В начале всякой философии лежит удивление, ее развитием является исследование, ее концом – незнание. Надо сказать, что

существует незнание, полное силы и благородства, в мужестве и чести ничем не уступающее знанию, незнание, для постижения которого надо ничуть не меньше знания, чем для права называться знающим… (Монтень М. Об искусстве жить достойно : философские очерки / М. Монтень. – М., 1975. – С. 189).

Самое первое впечатление моей жизни было таким. Я жил в большом доме, занимавшем целый квартал. Парадные подъезды выходили на широкую улицу. На тротуаре в специальных лунках, покрытых металлическими решетками, росли деревья. И вот рядом с одним из деревьев я увидел пробившийся росток. Этот маленький силач в своем стремлении к свету поднял и разворотил толстый пласт асфальта. Я был потрясен. Я помню, что в голову мне пришла мысль о фантастической силе жизни. Думаю, мне было года три, может быть, четыре. Должно быть, это была моя самая первая философская идея, и связана она была с *удивлением*.

С детства мне был свойственен философский склад ума. На бытовом уровне он проявлялся в критичности мышления. Уже моя первая учительница рассказывала моей маме, что я подмечаю любые противоречия и задаю вопросы, которые порой ставят ее в тупик. Сколько себя помню, я всегда стремился из частных и незначительных событий выводить общие принципы, делать абстрагирующие обобщения. Вот один из самых ранних тому примеров. В детском саду между воспитанниками шла борьба за *особенные* чайные ложки. Собственно, ложки все были одинаковые, но у некоторых имелось отличное от остальных клеймо. Дежурные всегда брали себе именно эти ложки. Однажды дежурный, который сидел напротив меня положил себе такую ложку, а когда он отошел, я заменил ее на свою, *обыкновенную*. Тот ничего не заметил и пользовался ею с превеликим удовольствием. Я сделал вывод, что ценность предмета определяется не его свойствами, а нашим к нему отношением. Разумеется, вывод этот я не выразил именно такими словами, какими-то попроще, доступными ребенку, но по сути это был именно такой вывод. Думаю это хороший пример наблюдения, своего рода психологического *исследования*, если хотите, рефлексии совсем юного сознания. Такого рода наблюдения с непременными выводами и обобщениями в детстве я сделал немало.

Однажды, я поехал в спортивно-оздоровительный лагерь с громким названием «Юные таланты». Лагерь размещался в сосновом бору на берегу рукотворного Жигулевского моря. Среди участников драматического коллектива, членом которого я был, выделялся своей любвеобильностью Юра Бабанин, юноша некрасивый, но очень талантливый. Был он года на два старше меня. Мне же было четырнадцать лет. До тех пор, пока Бабанин оттачивал свои донжуанские

способности на девочках нашего коллектива, все было относительно спокойно, но когда он перебросился на девчонок танцевального кружка, терпение наших девиц лопнуло. Каким-то образом они обработали нашего руководителя и та устроила собрание, темой которого стал «отрыв некоторых товарищей от коллектива». В разряд обвиняемых, кроме Бабанина попал и я с Колькой Страждиным, за то, что мы жили не в общей палатке, а в двухместной и тем, якобы, противопоставили себя коллективу. Хотя главным отщепенцем, истинным виновником громкого разбирательства был Бабанин, в силу деликатного характера его вины больше досталось мне со Страждиным. Колька потом всячески потешался над этим случаем. Стоит мнется: «Очень в сортир хочу. Но как же без товарищей. Надо товарищей позвать».

Волга в том месте, где находился наш лагерь была шириной не меньше двух километров. И вот мы со Страждиным решили ее переплыть на перегонки. Потом мне случалось заплывать в море и на большие расстояния, но это в зрелые годы и при температуре воды 25, а не 18 градусов.

Течением нас снесло далеко вниз, когда доплыли до средины, поняли что выбиваемся из сил, но противоположный берег казался ближе. В полуобморочном состоянии я выбрался на бревна (нас отнесло к лесосплаву). Лежу почти бездыханный на бревнах и думаю, спокойно так думаю, на эмоции не было сил: «А Колька, наверное, утонул». Тут появляется Колька, такой же обессилевший. Когда очухались, стали искать возможность переправиться назад, о том, чтобы плыть своим ходом не могло быть и речи.

На счастье, нас подвез какой-то лодочник на своей моторке. По берегу пешком пошли в лагерь. У лагеря на нас набросилась взволнованная руководительница, она же режиссер. Ей кто-то сказал, что мы поплыли на тот берег. Но мы сделали большие глаза, заявили ей, что она, наверное, нас за дураков считает или за самоубийц, но мы не таковы, мы просто пошли по берегу, наткнулись на кусты ежевики и не могли оторваться. Такое объяснение ее вполне устроило и проступок сошел нам с рук.

Эти два случая убедили меня в том, что возмездие часто неадекватно вине, обычно наказание тем больше, чем меньше вина. Особенно же велико наказание тогда, когда вины вовсе нет.

Я потому так много рассказываю и еще намереваюсь рассказать о себе, о своей жизни, что не предполагаю писать мемуары, и если кого-нибудь когда-нибудь будут интересовать обстоятельства моей жизни, то никакого другого источника у него не будет.

Кстати, читатель еще не забыл, что поводом для этих воспоминаний явилась мысли Монтеня о том, что в начале философии лежит удивление, ее развитием является рефлексия, а концом – незнание.

Так вот о конце.

Теперь, прожив большую часть своей жизни, я готов сказать вслед за Омаром Хайямом:

«Много дней размышлял я над жизнью земной,
Непонятного нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего неизвестно,
Вот известная истина, открытая мной».

Действительно, философия начинается с удивления и заканчивается незнанием.

◈ ◈ ◈

Разве не могу я составить себе мнение об Александре на основании того, как ведет он себя за столом, как беседует и пьет или как он играет в шахматы? Каких только струн его души не затрагивала эта пустая детская игра? Я лично терпеть ее не могу и всячески избегаю именно за то, что она недостаточно игра и захватывает нас слишком всерьез; мне совестно уделять ей столько внимания, которое следовало бы отдать на что-либо лучшее (Монтень М. Опыты / М. Монтень. – М., 1981. – Кн. 1, 2. – с. 269–270).

Кажется, Т. Кампанелла в своем «Городе Солнца» запретил игру в шахматы. В юности я убил на нее немало времени, но сомневаюсь, что она способна много дать для развития человеческого ума. Такой вывод напрашивается, когда наблюдаешь за публичной деятельностью иных наших шахматных чемпионов.

◈ ◈ ◈

Но ничтожна философия, ничего не свершающая. Ибо как вера, так и философия должны оцениваться только по их делам (Ф. Бэкон. Цит. по: Фейербах Л. История философии / Л. Фейербах // собр. произв.: в 3 т. – М., 1967. – Т. 1. – С. 99).

По Ф. Бэкону, философия должна уподобиться науке и быть, как и она, практически значимой. Это, на мой взгляд, идея ложная. Философия призвана прежде всего размышлять, а не действовать. Философия потому далее науки и веры отстоит от практического действия, что ее глубинной сутью является сомнение. А сомнение много меньше стимулирует деятельность, нежели вера или знание.

◈ ◈ ◈

Как верно подмечает Макиавелли, если государь, обязанный быть отцом всем своим подданным, отождествляет себя с какой-либо из партий и склоняется к одной из сторон, он уподобляет свое правление кораблю, который опрокидывается от неравного размещения груза (Бэкон Ф. Опыты и наставления нравственные и политические: в 2 т. / Ф. Бэкон. – М., 1978. – С. 381).

Полагаю, президент В. Ющенко ни Ф. Бэкона, ни Н. Маккиавелли не читал, это не для сельских бухгалтеров. Потому и *государь* из него никакой. Попытка вещать от имени «нацистов» или немногих «любих друзів» ни к чему хорошему не приведет. Кстати, Ф. Бэкон далее приводит пример французского короля Генриха III, который сначала «сам присоединился к Лиге для истребления протестантов, а вскоре затем эта же Лига обратилась против него самого». Уверен, что В. Ющенко не избежит той же участи, если не докажет своему окружению, что он хоть и не очень легитимный, но все-таки Президент, а не их ставленник и наймит.

◈ ◈ ◈

...Должно стремиться к истине и предпочитать ее самой жизни – даже тогда, когда она отвергнута всеми (Т. Кампанелла. Цит. по: Горфункель А.Х. Томмазо Кампанелла / А.Х. Горфункель. –М., 1969. – С. 231).

Двадцать семь лет, проведенных в страшных подвалах неаполитанских тюрем, жестокие пытки инквизиции – вот цена, которую заплатил Т. Кампанелла за это убеждение, за то, что любил истину больше жизни. Многие ли из нас сегодня готовы платить такую цену? Очень немногие, почти никто! Значит ли это, что мы стали умнее? Или трусливее? Или не стало идеалов, достойных такой цены?

◈ ◈ ◈

В Украйне начальные и подначальные, духовные и мирские, как разные колеса, не в единомышленном находятся согласии: одним хорошо в протекции московской, другие склонны к протекции турецкой, третьи любят побратимство татарское, по природной к полякам антипатии. (И. Мазепа. Цит. по: С.М. Соловьев. Чтения и рассказы по истории России / И. Мазепа. – М., 1989. – С. 611–612).

Так описывал королю Станиславу умонастроение украинцев гетман Мазепа. К этому описанию следовало бы добавить желание самого Мазепы и его сотоварищей пойти на поклон к шведам. Были, конечно же,

и те, кто чаял независимости. Но не в этой ли спокон веку присущей нам «разноколесности» причины того, что так противоречиво и трудно складывается современная украинская государственность?

Сегодня, слава Богу, тяготеющих к татарам или туркам сыскать мудрено, но единства как не было, так и нет; страна расколота на Левобережную Украину, готовую разрушить всякие границы с Россией, и Правобережную, мечтающую броситься в объятия Запада (жаль, последний вовсе не жаждет ее в оные заключать). Политики упрекают друг друга в сепаратизме, в пособничестве Москве или Вашингтону, в предательстве национальных интересов, призывают к единству… и делают все для раскола страны. Совсем недавно, благодаря оранжевой «революции», раскол этот чуть было не стал реальностью.

Политики не находят общего языка, потому что преследуют цели личной выгоды, а не блага народа, а выгода у каждого своя. Потому и передрались между собой как пауки в банке. В таких условиях можно провозглашать высокие идеи, красиво болтать, прилюдно бить себя в грудь и демонстрировать чистые руки, но думать, а тем более действовать прямо противоположно.

Но виноваты не одни только политики, во всяком случае, не политики в первую очередь, они лишь ретранслируют на этаже политической надстройки глубинные исторические, экономические, ментальные и религиозные корни возможного раскола.

Вот только некоторые примеры таких корней. 1. Исторические: Украина фактически никогда не имела своей государственности, западные области современной Украины до средины XX в. входили в состав Польши. 2. Экономические: крупное промышленное производство сосредоточено на юге и востоке страны, западные области дотируются юго-восточными. 3. Ментальные: общественные настроения вроде «моя хата с краю», «не съем – так понадкусываю», «где два хохла, там три гетмана» мало способствуют национальному единству. 4. Религиозные: на востоке доминирует православие, на западе – католицизм.

На таком разнородном фундаменте объективно сложно строить единое государство, более того, бесплодные попытки соединить несоединимое могут завершиться катастрофой. При стечении ряда условий и роковых обстоятельств Украина даже может оказаться детонатором мирового конфликта, сыграть незавидную роль нового Сараево.

Можно, конечно, представить идеальную картину всеобщего мира и согласия в нашей стране, но почти два десятка лет строительства независимой Украины дают немного поводов для оптимизма. Может быть, следует озаботиться не сохранением никудышного брака, а подумать о цивилизованном разводе, без мордобоя и кровопролития?

Если таковой произойдет, то мой совет Киеву – присоединиться к юго-востоку, в противном случае неизбежен новый раздор: между ним и Львовом. Да и привык уже Киев со стольным размахом подпитываться провинциями. А что возьмешь со Львова да Тернополя? Им и на себя не хватает.

◈ ◈ ◈

Мы живем в эпоху дисциплины, культуры и цивилизации, но далеко еще не в эпоху морали. При настоящем состоянии людей можно сказать, что счастье государств растет вместе с несчастием людей. И еще вопрос: не счастливее мы были бы в первобытном состоянии, когда у нас не было бы этой культуры, чем в нашем настоящем состоянии? (И. Кант. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 383).

Нет, не были бы! Не были счастливы ни тогда, ни теперь и очень сомнительно, что будем счастливы в будущем. Возможно, наше всеобщее устремление к счастью – не более, чем самообман. Мы, как мотыльки, стремимся к источнику света, который ничего не может дать нам, но может спалить.

◈ ◈ ◈

Что я такое? Что должен делать? Во что должен верить и на что полагаться? К этому сводится вся философия. Лихтенберг Г.К. Афоризмы. – М., 1965. – С. 82.

Лихтенберг сводит философию практически к тем же вопросам, что и Кант. Я бы высказался несколько иначе. Философию можно свести к вопросу о смысле и ценности бытия (бытия мира, бытия человека и человечества).

◈ ◈ ◈

Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведан,
Жизнь и свободу заслужил.
Так именно вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пускай живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О, как прекрасно ты, повремени!

Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они».
И, это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю (Гете И.В. Фауст. Лирика / И.В. Гете. – М., 1986. – С. 405).

Таковы последние слова Фауста. Наконец обрел он цель и смысл своей жизни, наконец успокоился его мятежный дух. Но эти цель и смысл и обретенный с ними покой не более, чем иллюзия. Фауст думает, что на смрадных болотах тысячи рабочих строят прекрасный город, где будут жить благородные и свободные люди, а на деле лемуры по приказу Мефистофеля роют ему могилу. Символично, что Фауст ослеп. Ослеп, потому что уверовал, обольстился мечтой, потому что воскликнул: «Остановись мгновенье, ты прекрасно!». Но мечта обманчива, совершенство недостижимо, а вера всегда слепа. Зряче только сомнение.

В трагедии великого Гете в борьбу между собой вступают три начала, три силы. Первая сила может быть названа именами Веры, Счастья, Довольства, Покоя. Вторую силу можно именовать Сомнением, Безверием, Отрицанием. Две эти силы противоположны, они – антиподы друг друга. Третья же сила является сплавом первых двух, сплавом Веры и Сомнения, Утверждения и Отрицания.

О носителях этих трех сил говорит Мефистофель, разъясняя Фаусту «смысл борьбы земной»:

«Весь этот свет, все мирозданье –
Для бога лишь сотворены;
Себе он выбрал вечное сиянье,
Мы в вечный мрак погружены;
А вы – то день, то ночь испытывать должны».

Силу Веры, Утверждения и Довольства воплощает в себе не один только Бог. Даже напротив, он заключает в себе такие черты, которые не позволяют говорить о нем как о воплощении Веры. Скорее он сторонний наблюдатель, который одинаково допускает и веру, и сомнение, и утверждение и яростное ниспровержение и разрушение. У Гете он равнодушно взирает на добро и зло, на правду и ложь, на добродетель и порок. Действительными же поборниками неколебимой веры выступают архангелы Гавриил, Рафаил и Михаил. Вот подтверждающие это образчики их славословия:

«…Непостижимость мирозданья
Дает нам веру и оплот,
И словно в первый день созданья
Торжественен вселенной ход!..
…Сверкает пламень истребленья,
Грохочет гром по небесам,

Но вечным светом примиренья
Творец небес сияет нам…
…И крепнет сила упованья
При виде творческой руки:
Творец, как в первый день созданья,
Твои творенья велики!»

Представителем первой силы, первого начала является ученик Фауста Вагнер. «Ничтожный червь сухой науки», он грызет том за томом, фолиант за фолиантом, вдыхает пыль страниц и тешит себя надеждой докопаться до истины. Ему невдомек, что истина не таится в затхлых кабинетах и не сокрыта в ветхих книгах.

Яркую характеристику дает Вагнеру Фауст:

«Он все надеется! Без скуки безотрадной
Копается в вещах скучнейших и пустых:
Сокровищ ищет он рукою жадной –
И рад, когда червей находит дождевых!»

К первой силе, конечно же, можно отнести и Гретхен. Она воплощает в себе Веру и Убежденность, потому что суть ее короткой жизни – в любви. А это чувство, в высшем своем проявлении чуждо безверию и сомнению. Любовь, как и вера, слепа.

Я бы не стал относить ни одну, ни другую, ни третью силу к добру или злу хотя бы потому, что каждая из них весьма различно проявляется в том или ином ее носителе, например, в Вагнере и Гретхен. Более того, и отдельно взятый образ, хотя бы того же Вагнера, не однотонен в этом смысле. Вместе с негативной оценкой Фауста возможна совсем иная оценка этого героя. Мне импонирует вагнеровская одержимость наукой, беспрестанный поиск истины.

«С вершины кафедры он объявляет
Всему, что было раньше пересмотр,
И сам ключами, как апостол Петр,
Земли и неба тайны отмыкает.
Все признают его ученый вес,
Он затмевает остальных по праву.
В лучах его известности исчез
Последний отблеск Фаустовой славы».

Таким узнаем мы Вагнера во второй главе. Интересно, к тому же, что не Фауст, окунувшийся в бури жизни, а Вагнер создает искусственного человека – Гомункула.

Может быть, Вагнер изменился с годами, стал совершенно другим? Однако и в молодости, будучи учеником Фауста, Вагнер не раболепно следует авторитетам и не преклоняется перед ними:

«…есть ли что милей на свете,

Чем уноситься в дух иных столетий
И умозаключать из их работ,
Как далеко шагнули мы вперед».

Вторая сила – испепеляющая сила Отрицания, мрак Сомнения, ужас Смерти – заключена в образе Мефистофеля.

Мефистофель презирает и отрицает все. В мире нет ничего, что не было бы достойно гибели, уничтожения. Все, чему имя материя, должно сгинуть!

Мефистофель яростно проклинает «дрянное Нечто, мир ничтожный, соперник вечного Ничто».

О себе он говорит:

«Я отрицаю все – и в этом суть моя.
Затем, чтоб с громом провалиться,
годна вся эта дрянь, что на земле живет.
Не лучше ль было им уж вовсе не родиться!
Короче, все, что злом ваш брат зовет, –
Стремленье разрушать, дела и мысли злые,
Вот это все – моя стихия».

Но странное проклятье лежит на самом Мефистофеле. Он вынужден признать: «Часть вечной силы я, всегда желавшей зла, творившей лишь благое». Оказывается, жизнь жестоко посмеялась над силой Отрицания, Разрушения и Смерти. В диалектически развивающемся мире смерть не способна выполнить функцию полного разрушения: на развалинах старых городов встают новые (и кирпичи для этих новых берутся из старых развалин), на кладбищах бурно расцветает новая жизнь (и пищей для нее служит тлен старой).

Так и Мефистофель веками сеет смерть и уничтоженье, а пожинает жизнь и созиданье:

«Бушует ли потоп, пожары, грозы, град –
И море и земля по-прежнему стоят.
С породой глупою звериной и людской
Бороться иногда мне не хватает сил –
Ведь скольких я уже сгубил,
А жизнь течет своей широкою рекой».

Все дело в том, что всякое качество существует только в единстве с противоположным качеством: так жизнь невозможна без смерти, свет – без тьмы, добро – без зла.

В природе нет ничего метафизического, в том числе метафизического отрицания. Метафизическим может быть только то, что принадлежит субъективному миру, объективный мир всегда и во всем диалектичен.

Субъективно, по замыслу отрицание Мефистофеля метафизично, но в итоге, когда сама разрушительная воля Мефистофеля материализуется, становится фактом реальности, мефистофелевское отрицание оказывается диалектичным. Так уж устроен этот диалектичный, диалектичный, диалектичный мир.

А что же главный герой трагедии, какую силу воплощает он? Фаусту, как человеку, свойственны крайности, он соединяет в себе Безверие и Веру, Отрицание и Утверждение. Разуверившись в науке, он заключает союз с силой Зла, он бросает вызов Богу и мнит себя равным ему. И действительно, до тех пор, пока он бунтует и отрицает, он равен если не Богу, то Дьяволу. Но вот он вновь уверовал, обольстился надеждой, мечтой, иллюзией. И он вновь человек, со всем, что в нем есть великого и ничтожного.

... человек стал злым благодаря познанию; в Библии это изображено так, что человек вкусил от древа познания... При этом нужно сказать, что познание действительно является источником всякого зла... Познание впервые полагает противоположность, в которой предстает зло. Животное, камень, растение не являются злыми; зло налично в сфере познания, оно есть сознание для-себя-бытия в противоположность другому, но также и в противоположность тому объекту, который является в себе всеобщим в смысле понятия, разумной воли. Только благодаря этому разрыву я есмь для себя, и в этом заключается зло. Зло абстрактно означает обособление себя, обособление, которое отделяет себя от всеобщего...

Следовательно, познание имеет к злу не внешнее отношение – познание само есть зло (Гегель Г. Философия религии / Г. Гегель. – М., 1977. – Т. 2. – С. 260–261).

Познание изначально греховно, потому что только оно дает возможность интерпретировать действия, чувства и представления человека как аморальные, относящиеся к тому, что является злом. Если человек совершает что-нибудь плохое по неведению, не сознавая, что оно плохо, он не может быть подсуден, не может быть греховен. (Юридическая норма «незнание закона не освобождает от ответственности» по сути несправедлива и существует только из опасения, что в противном случае преступник может легко избежать наказания, ссылаясь на неведение). Но если человеку дано знание и понимание того, что нечто есть зло, а он все же совершает его, то он существо греховное и аморальное. Следовательно, без знания нет греха.

Но познание связано с грехом еще и потому, что оно изощряет и совершенствует орудия и способы совершения зла: от меча до атомной

бомбы. Познание в таком смысле может явиться необходимой причиной гибели человечества. Оно может стать причиной его гибели даже в том случае, если направлено к благим целям. Примеры такого побочного негативного результата процесса познания мы в изобилии имеем сегодня в виде технологических катастроф. Чего стоит один Чернобыль!

Библейские пророчества о конце света сегодня стали реальной возможностью. До XX в. человечество не могло уничтожить само себя и тем более все живое на Земле. Теперь для этого у человечества «благодаря» научно-техническому прогрессу есть все необходимые средства. Но если на сцене висит ружье, то, по законам жанра, оно рано или поздно должно выстрелить.

Грядущий Армагеддон, скорее всего, явится не следствием слепых разрушительных сил природы, а результатом неуемной жажды познания, присущей человеку.

◈ ◈ ◈

Подлинные бессмертные произведения искусства остаются доступными и доставляют наслаждение всем временам и народам (Г. Гегель. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 438).

Время во всем – самый взыскательный судья. Великое произведение литературы относится не к одному конкретному моменту, но охватывает очень большой период, а часто сохраняет свою ценность (и не только как памятник прошлого) на многие века.

Таким произведением может быть лишь то, которое поднимает вопросы общечеловеческой значимости, вопросы, которые приковывают внимание человечества в течение столетий, а может быть, даже живут вечно, пока живо человечество. Выбор такого вопроса, такой темы обычно и отличает великого писателя.

История литературы хранит имена многих блестящих стилистов, замечательных мастеров слова, в ней мы находим упоминания о произведениях, которые в свое время наделали много шума, но которые теперь никто не читает (стихотворения В. Бенедиктова, романы А. Вербицкой и др.). Это потому, что тема этих произведений была мелкой, узкой, частной, они не поднимали больших проблем. Не нужно думать, будто этим я утверждаю идею о том, что произведение злободневное и посвященное какому-то не слишком знаменательному событию не может быть великим. Великий литературный труд вполне может и не отражать обязательно выдающееся событие, которое само по себе способно наводить человека на серьезные раздумья и долго приковывать его внимание. Но художник, обратившись к событию в общем-то незначительному, обыкновенному, может раскрыть в нем

глубинный смысл, простому зрителю незаметный, через малое может выйти на большое, может поднять, опираясь на это событие, общезначимую проблему. Можно сказать, что автор в какой-то мере привносит в это незначительное событие свою мысль, свое видение, по-своему преподносит читателю это событие, интерпретирует его так, что его значение неизмеримо возрастает.

И здесь основной способ – показать переживания человека, захваченного этим событием, раскрыть его мысли и чувства, а они-то как раз могут быть достойны самого пристального внимания. Ярчайшим примером может служить «Преступление и наказание» Ф. Достоевского. Рядовой факт, описанный в двух строках уголовной хроники: нищий студент убивает и грабит процентщицу. Но Достоевский глубоко анализирует внутренний мир, переживания убийцы, ставит большие социальные проблемы, решает величайшие этические вопросы, наполняет произведение своим гением – и создает великое произведение.

◈ ◈ ◈

В это несчастное время злое начало в человеке пришло к спокойному и полному сознанию самого себя; все чистое, благородное, совесть, свойственный даже порочным людям стыд дурных и бесчестных дел исчезли (Б. Нибур. Цит. по: Кирпотин В.А. Философские и эстетические взгляды Салтыкова-Щедрина / В.А. Кирпотин. – М., 1957. – С. 487).

Это писал немецкий историк Б. Нибур о тиранических режимах античного мира.

Доблестные и благородные эпохи с роковой неизбежностью сменяются временами тотального негодяйства, негодяйства откровенного и демонстративного. Торжествует великая истина: благими намерениями вымощена дорога в ад. Сегодня после всех революций – от трагедийно красных до комедийно оранжевых – наше общество добралось, наконец, до состояния, названного Нибуром несчастным временем.

◈ ◈ ◈

В то самое время как ложная философия, отравляя все науки и даже словесность и самые искусства тлетворным своим ядом, беснует умы на Бога и царей, в университете нашем самый яд сей претворяется в целительное средство против буйной гордости разума. Вместо тех буйных мечтаний некоторых германцев, кои возникли со своевольством Лютеровой реформы и так лживо называются ныне философией, принята у нас та здоровая, истинная, беззатейная философия, которая прямит и изощряет умы, с которой жили счастливо отцы, верные Богу и царям, в которой воспитаны и образовались отличнейшие мужи нашего

отечества…». (М.Л. Магницкий. Цит. по: Шпетт Г.Г. Очерк развития русской философии / Г.Г. Шпетт. – М., 1989. – С. 231).

Это отрывок из речи, произнесенной в 1825 г. на выпускных экзаменах Михаилом Магницким, знаменитым тем, что будучи попечителем Казанского университета, он предложил его закрыть, а здание торжественно разрушить. Однако в молодые годы был либералом и даже пострадал за свободомыслие, был сослан в Вологду. Люди, подобные Магницкому и Сперанскому, легко могли стать диссидентами, если бы власть не приобщила их к реформаторской деятельности (при Александре I Магницкий входил в комиссию графа Сперанского по подготовке государственных реформ).

Думаю, это единственно верный способ обращения с мыслящими и критично настроенными людьми. Если бы Екатерина II не объявила А.Н. Радищева бунтовщиком похуже Пугачева и не отправила в ссылку, а привлекла к практической государственной деятельности, возможно, он не утвердился бы в революционных воззрениях и не стал идейным врагом режима. Врагом, которого уже не могли исправить милости Александра I.

Советская власть вела нещадную борьбу с малейшим намеком на инакомыслие. Для нее страшен был какой-нибудь пописывающий стишки истопник И. Бродский. Борясь с Бродскими, Сахаровыми и Солженицынами, она прозевала внутренних врагов: Горбачевых, Ельцыных и Кравчуков. Последние были ею обласканы и вознесены. И ими же эта власть была предана.

Постоянно нашептывают, что опасно открывать некоторые вещи народу. Говорят: мы знаем, что это неправда, но это так полезно для народа, можно сделать много зла, поколебав его веру.

◈ ◈ ◈

Но кривые пути остаются кривыми, хотя бы они были предназначены для обмана больших масс народа, а не отдельных личностей. И поэтому мы признаем только одно побуждение: следование истине, которую знаем, куда бы она ни привела нас (А. Клиффорд. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 72).

Спорный призыв: следовать истине во что бы то ни стало, куда бы она ни привела. Истину, которая губительна, можно доверить только избранным, способным выдержать ее непомерный груз.

◈ ◈ ◈

Как средство поглупеть гегелевская философия несравненна: эта абракадабра, эта болтовня, набор слов, предлагающий в своих чудовищных сочетаниях разуму мыслить невозможные мысли, вопиющие противоречия, совершенно калечит интеллект (Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. / А. Шопенгауэр. – М., 1900–1910. – Т. 4. – С. 356–357).

Читая некоторые строки Г. Гегеля, я полагал, что он вполне мог высказаться в духе Сальвадора Дали. Когда последнего спросили, почему за его картины готовы платить столь большие суммы, он ответил: «Исключительно потому, что на свете много дураков». Гегель при жизни был вознесен до небес, хотя его мало кто понимал, а может быть, никто не понимал, включая его самого. Читая Гегеля, веришь Вольтеру, который определял философию как такой способ рассуждения, когда слушающий не понимает говорящего, но это еще полбеды: беда в том, что говорящий не понимает сам себя. Шопенгауэр же, который просто и ясно, да еще и прекрасным литературным языком излагал идеи своей философии, никому при жизни не был интересен. Из 800 экземпляров его основного труда «Мир как воля и представление» было продано 150, остальное пошло в макулатуру. Слава пришла к нему посмертно.

Блестяще подмечает замечательный поэт-сатирик Игорь Губерман: «Питая к непонятному почтение, мы хамски снисходительны к понятному».

◈ ◈ ◈

Заблуждение всех философов состояло в том, что они считали философию наукой и искали ее, руководствуясь законом основания (Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. / А. Шопенгауэр – М., 1900–1910. – Т. 1. – С. 108).

С А. Шопенгауэром можно было бы согласиться, но не в том смысле, что философия не есть наука, а в том, что она несводима к науке. Несколько перефразируя К. Маркса можно сказать, что философия – квинтэссенция духовной культуры вообще: науки, искусства, идеологии, морали и религии.

◈ ◈ ◈

Я шире распахнул завесу истины, чем кто-либо из смертных до меня. Но я хотел бы видеть того, кто мог бы похвалиться более ничтожными современниками, чем те, среди которых я жил (А. Шопенгауэр. Цит. по: Быховский Б.И. Шопенгауэр / Б.И. Быховский. – М., 1975. – С. 181).

А. Шопенгауэр, понимая свое абсолютное превосходство, имел смелость не льстить современникам. Он презирал их, они платили ему ненавистью. Думаю, перед Шопенгауэром я мог бы похвастаться еще более ничтожными современниками. Во всяком случае, его время, в отличие от моего, не выкосило все талантливое и неординарное, не прошлось секирой по честным и умным головам, возвышающимся над серой массой. Поэтому я всегда ощущал отчуждение от своего времени и общества. Был только один очень недолгий период, когда я приветствовал власть и сочувствовал ей. Это несколько лет горбачевской «перестройки». Но и сама эта перестройка не совпадала с общей тупостью и подлостью. Потому и была бесславно съедена последними.

◈ ◈ ◈

...К безграничному эгоизму нашей натуры еще присоединяется более или менее существующий в каждом человеке запас ненависти, гнева, зависти, желчи и злости, накопляясь, как яд в отверстии змеиного зуба, и ожидая только случая вырваться на простор, чтобы потом свирепствовать и неистовствовать, подобно сорвавшемуся с цепи демону (Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр // Соч. – М. ; Харьков, 1998. – С. 661).

Эгоизм в описании А. Шопенгауэра сродни садизму. Если это справедливо, если эгоизм в своих крайних проявлениях сродни садизму, тогда, соответственно, альтруизм близок мазохизму.

◈ ◈ ◈

Читать следует только тогда, когда иссяк источник собственных мыслей, что нередко случается и с самым умным человеком. Но спугнуть, ради книги, собственную неокрепшую мысль – это значит совершить преступление против духа (А. Шопенгауэр. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 15).

Совет, пригодный для немногих. В детстве любой человек источника собственных мыслей практически не имеет, поскольку не имеет жизненного опыта и сколько-нибудь обширного материала для самостоятельных размышлений. Следовательно, совет Шопенгауэра к этому возрасту совершенно непригоден. Но люди в массе своей и в детстве, и в юности, и в зрелые годы, и в старости мало читают и еще меньше размышляют. Поэтому и к ним эти слова никакого отношения не имеют.

И лишь единицы из тысяч должны следовать совету немецкого мыслителя, те именно, кто накопил огромные знания, сумел осмыслить их и обогатить плодами собственной рефлексии. Эти немногие имеют, что

сказать человечеству, и они обязаны говорить. Для них наступает момент, когда процесс накопления книжного знания сменяется процессом собственного творчества. Поэтому некорректно спрашивать у серьезного писателя и ученого, что он сегодня читает. Его задача **сегодня** не читать, а писать. Серьезный мыслитель, как правило, много читает в детстве и в юности, а не в зрелые годы. А вот пустой графоман, компилятор, плагиатор, подражатель и апологет, как и любой литературный воришка, вынужден постоянно и много читать. Не имея своих мыслей, паразиты живут чужими.

Один английский исполнитель роли Гамлета признавался, что умышленно не смотрел «Гамлета», где главную роль играл И. Смоктуновский. Это понятно, он не хотел попасть под его влияние. Такое возможно и в литературе, и в науке. Многочтение не всегда полезно для творчества.

◈ ◈ ◈

Мы, русские, от природы слишком беспечны, ленивы, равнодушны, склонны ко сну, пока крайняя нужда не заставит нас поискать новых средств, пока какой-нибудь внешний удар не пробудит нас к действию (М.П. Погодин. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 477).

Стало нормой, можно даже сказать традицией обвинять русских в лености. Но обвинение это не вполне справедливо. Русскому человеку, скорее, присуще бездействие, а не леность. И бездействие это вытекает из того, что ему решительно незачем действовать. Во-первых, потому, что из любого его действия, как правило, рождается очередная глупость; что называется: хотели, как лучше, а получилось, как всегда. А во-вторых, начни он действовать и выйди из этого мало-мальски положительный результат – им непременно воспользуется кто-нибудь другой.

◈ ◈ ◈

Мысль изреченная есть ложь (Тютчев Ф.И. Соч.: в 2 т. / Ф.И. Тютчев – М., 1980. – Т. 1. – С. 199).

«Мысль изреченная есть ложь», а воплощенная – тем более! Идеи Ф. Ницше на практике реализуются в виде фашизма, взгляды З. Фрейда служат оправданием пошлости и распущенности, марксистская мечта об освобождении труда нашла воплощение в ГУЛАГе. Я уже не говорю о христианском вероучении, от имени которого действовала инквизиция и догмами которого оправдывались крестовые походы.

◈ ◈ ◈

…больше обманывать себя нечего – Россия, по всей вероятности, вступит в схватку с целой Европой. Каким образом это случилось? Каким образом империя, которая в течение 40 лет только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала их ради пользы и охраны интересов чужих, вдруг оказывается перед лицом огромнейшего заговора? И, однако ж, это было неизбежным. Вопреки всему – рассудку, нравственности, выгоде, вопреки даже инстинкту самосохранения, ужасное столкновение должно произойти. И вызвано это столкновение не одним скаредным эгоизмом Англии, не низкой гнусностью Франции, воплотившейся в авантюристе, и даже не немцами, а чем-то более общим и роковым. Это вечный антагонизм между тем, что за неимением других выражений, приходится называть: Запад и Восток. (Тютчев Ф.И. Письмо Э.Ф. Тютчевой. 24.2.1854. Соч.: в 2 т. / Ф.И. Тютчев. – М., 1980. – Т. 2. – С.147–148).

В сформулированном Ф. Тютчевым вопросе заключен в немалой степени и ответ на него. Россия оказалась перед лицом огромного заговора во многом именно потому, что отрекалась от собственных интересов, предавала их ради чужой пользы. Это дико, странно, непонятно, это подозрительно, это как раз из серии «умом России не понять»… и потому, вопреки утверждению поэта, ей нельзя верить, ее надо опасаться, ей надо всячески вредить.

Последняя вылазка грузинского авантюриста Саакашвили и та поддержка, которая была ему оказана Европой и Америкой, убеждают в том, что за полтора столетия в отношениях между Россией и Европой ровным счетом ничего не изменилось. Все тот же антагонизм Запада по отношению к Востоку, та же извечная вражда и ненависть к России, которая со времен Батыя вольно или невольно только тем и была занята, что обороняла неблагодарную Европу. Причем ненавистью к России заражены в той или иной мере все европейцы: романцы и германцы, англосаксы и славяне; либералы и консерваторы, реакционеры и революционеры. Даже К. Маркс с Ф. Энгельсом, превращенные в России в идолов и кумиров, были отъявленными русофобами.

Эта вылазка грузинского диктатора, объявленного на Западе демократом, свидетельствует о том, что горячие и холодные войны стран Запада с Советской Россией не носили исключительно идеологической подоплеки. Россия после горбачевской «перестройки» сдала все завоеванные позиции, отказалась от коммунистической идеологии, объявила свободу предпринимательства и частной собственности, своими руками распустила Варшавский антинатовский блок, усилиями предателей, вроде Б. Ельцина и Л. Кравчука, развалила СССР. Однако в

результате она не снискала к себе не то что любви, но хотя бы малейшего уважения Запада. Запад не распростер перед Россией братских объятий, а то противостояние, о котором писал Ф. Тютчев, сегодня не стало меньшим.

Какой же из всего этого следует сделать вывод? Нравится кому-то или нет, но вывод прост: не нужно лебезить перед Западом и лезть из кожи, чтобы понравиться ему. Не нужно печься о чужой пользе больше, чем о своей. Благородство великой страны не в том, чтобы всем уступать дорогу. Ей следует идти своей дорогой, делать свою великую работу, не взирая на визг мосек и шавок, путающихся под ногами. Только тогда Россия будет понятна западному уму, только тогда она заставит Запад считаться с ее правами и интересами.

◈ ◈ ◈

В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению. Тогда Людовики шестнадцатые и расплачиваются за Людовиков пятнадцатых и Людовиков четырнадцатых. (Тютчев Ф.И. Письмо А.Д. Блудовой. 28.9.1857. Соч.: в 2 т. / Ф.И. Тютчев. – М., 1980. – Т. 2. – С. 183)

Близкую по сути мысль высказал позднее В. Соловьев: «Конечно, Людовик XVI был лично менее всего виновен в грехах прежней французской монархии. Точно также у нас, хотя смутное время несомненно было ответом истории на режим Ивана IV, но разразился этот ответ не над виновником, а над детьми Бориса Годунова и множеством других лично не виновных жертв. Тут есть мудреная задача и для религиозной, и для философской мысли…» (Соловьев В.С. Письмо о восточном вопросе. Соч.: в 2 т. / В.С. Соловьев. – М., 1989. – Т. 2. – С. 636–637).

Лично я никакой мудреной задачи здесь не вижу: народ мстит не тому царю, который его угнетает, а тому, кто делает первый шаг к его освобождению. Это характерно для народа-раба – темного и невежественного. К тому же имел место своего рода естественно исторический отбор: тот, кто не хотел терпеть угнетение, поднимался на борьбу, лишался своей головы, выживал же трусливый и подлый.

Можно согласиться с Ф. Тютчевым, что этот «роковой закон» следует отнести ко всему человеческому обществу, но в отечественной истории он действовал с неумолимой необходимостью, можно сказать, не знал исключений. Тому примеры и царь-освободитель Александр II, и Николай II, далеко не кровавый, и инициатор оттепели Н. Хрущев, и автор перестройки М. Горбачев. Они либо убиты, либо в лучшем случае смещены. А вот на Ивана Грозного, Петра Великого, Иосифа Сталина народ, до смерти напуганный опричниками, казнью стрельцов и ГУЛАГом, посягнуть не смел. Хуже того, он помнил, уважал и даже любил именно своих деспотов, а не освободителей и благодетелей.

Роковой этот закон не объяснить и известной инерцией, запоздалой реакцией на угнетение. Потому что реакция эта не наступала до тех пор, пока только длилось насилие, сколь бы долгим оно не было. С другой стороны, никакой замедленной реакции не наблюдалось, когда на смену либерализму возвращалась диктатура. Один мой знакомый рассказывал, что накануне ГКЧП он пересекал границу одной из прибалтийских республик, едва проехал. Прибалты соорудили таможню, сурово проверяли и шерстили каждого проезжающего, всем своим видом говоря: мы теперь самостоятельны и независимы, а вам у нас делать нечего. Домой же он ехал во время ГКЧП. Одного слуха о возврате прежних времен оказалось достаточно, чтобы от суровых «пограничников» не осталось и следа.

◈ ◈ ◈

Я не сомневаюсь, что ошибки и пороки нашей литературы и философии – их излишняя утонченность, женственность, меланхоличность – должны быть приписаны ослабленным и болезненным привычкам литературного сословия. Пускай книга будет не так хороша, но только бы тот, кто делает книгу, был способнее и лучше и не был бы, как видим мы теперь, смешным контрастом тому, что он пишет (Р. Эмерсон. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 662).

Это интересное, но едва ли законное требование: автор детектива, где герой мужественен и мускулист, не должен быть хлюпиком, которого соплей перешибешь, да еще и в юбке. Конечно, убедительнее выглядит роман, автор которого равновелик своему герою: Конан Дойль – Шерлоку Холмсу, Джек Лондон – Мартину Идену, Николай Островский – Павлу Корчагину. Вместе с тем, чем плох Овод, созданный Этель Лилиан Войнич? Мне даже кажется, что в последнем случае требуется по крайней мере большее воображение.

◈ ◈ ◈

Выражается сильно русский народ!...Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово (Н.В. Гоголь. Цит. по: Русские писатели о языке. – Л., 1954. – С. 167).

В языке воплощается менталитет, экзистенция и историческая судьба народа. Русская жизнь в прошлом и настоящем такова, что русскому человеку если не хочется кому-нибудь в морду заехать, то уж точно хочется плюнуть на всех и вся. Потому особенно силен русский язык в ругани. В русском языке множество синонимов, но на одно-два нейтральных словечка, относящихся к одному предмету, приходится десяток бранных. Лицо – слово нейтральное, лик – возвышенное, остальное все ругательства: физиономия, физия, морда, моська, рожа, харя, рыло, ряшка, пачка, образина.

◈ ◈ ◈

Собственность – это кража. (П.Ж. Прудон. Цит. по: Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. – [изд. 3-е]. – М., 1975. – Т. 21. – С. 168).

Все те материальные блага, которые имеет человек не благодаря своему труду, способностям и талантам, отвечают этому хлесткому определению собственности. Не в юридическом, но в этическом смысле краденными являются даже те блага, которые превышают меру собственного труда и таланта. Миллиард, полученный талантливым инженером, изобретателем конвейера Генри Фордом, конечно же, выглядит неизмеримо честнее, чем капиталы так называемых новых русских. Касательно последних только тупица или профан может воображать, что они не есть следствие беззастенчивого грабежа, вопиющего по своей несправедливости перераспределения богатства, созданного всем обществом, в пользу единиц, как правило, бандитов и аферистов.

Но даже по поводу миллиардов Форда можно высказать сомнения в их абсолютной честности. Какая-нибудь модель, получающая миллионы за свой труд, фактически крадет их у нищих коллег по своему цеху, которые часто не менее красивы и не менее способны, но не столь удачливы. Раскрученный, пускай даже небесталанный писатель, по

справедливости должен был бы поделиться своими гонорарами с теми, кто ничем не хуже, но перебивается с хлеба на воду. Высокооплачиваемый корифей медицины роскошествует за счет бедных врачей скорой помощи.

То есть даже так называемые честно заработанные не очень большие капиталы имеют легкий запашок, что же говорить о капиталах крупных – от них всегда дурно пахнет, а то и просто разит мертвечиной.

Это упрек не конкретным личностям, которые оказались «успешными» в современном обществе, это обвинение самого этого общества, его отнюдь не лучшего устройства.

◈ ◈ ◈

Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией (А.И. Герцен. Цит. по: Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М., 1991. – С. 65).

А. Герцен пошел дальше К. Маркса и Г. Гегеля, а вовсе не остановился, как писал Ленин, перед историческим материализмом. Он отбросил абсурдную идею совершенного общества. Земного рая не было в прошлом, нет в настоящем и никогда не будет в будущем. Кто ищет идеального мироустройства, тому следует обратиться к вере, к религии, отвратить свой взор от земного и устремить его в небеса.

Казалось бы, люди должны, наконец, понять, что никакая революция не оправдает их надежд, что она способна только отвлечь их от будничной и планомерной работы, направленной на личное и общественное развитие, способна отбросить их назад. Но люди в массе своей никогда этого не поймут и вновь и вновь будут наступать на одни и те же грабли. Эта принципиальная неспособность толпы понять простые истины, извлечь уроки из исторического прошлого – одна из причин невозможности общественного совершенства, невозможности идеального общества.

◈ ◈ ◈

Система бытия невозможна… Система и завершенность соответствуют друг другу; бытие же как раз противоположно этому (С. Кьеркегор. Цит. по: Быховский Б.Э. Кьеркегор / Б.Э. Быховский. – М., 1972. – С. 57).

Любой ценой объяснить всё, всё загнать в рамки, всё систематизировать – вот сверхзадача, вот символ веры классической

философии. Неклассическая философия отвергает возможность адекватного решения такой задачи. Вывести систему из сути бытия невозможно. Систему можно только измыслить, но тогда она будет вымыслом, а не истиной. Однако бессистемное знание фактически равно незнанию, поэтому философия никогда не оставит попыток создания стройной и всеобъемлющей системы бытия.

◈ ◈ ◈

...все немцы, а главным образом немцы буржуазы, и под их влиянием, увы! и сам немецкий народ ненавидят Россию. Они ненавидят и ненавидели французов, но эта ненависть ничто в сравнении с тою, которую они питают против России. Эта ненависть составляет одну из сильнейших национальных страстей. (Бакунин М.А. Государственность и анархия / М.А. Бакунин // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика/ М.А. Бакунин. – М., 1989. – С. 357).

Европа в целом никогда не питала дружеских чувств к России, разве что в те только годы, когда Россия, жертвуя своим покоем и благополучием, приходила ей на помощь и спасала не одну себя, но и всю Европу от какого-нибудь узурпатора и поработителя. Но почему именно немцы отличались особенной ненавистью к России? Потому что как у немецкого, так и у русского народа сильна была идея национальной исключительности. Только у немцев она была почти всегда неколебима, а русские бросались из одной крайности в другую: от мании величия к самоуничижению и наоборот. Немцы же всегда понимали, что только русские имеют достаточно силы, чтобы противостоять им. Последнюю попытку Германии установить мировое господство сорвала именно Россия. Германия давно была бы превыше всего и всех, если бы не Россия. Как тут не испытывать ненависти?

По общему правилу для ненависти нужны следующие условия: во-первых, страны и народы, испытывающие ее, должны быть ближайшими соседями (современный мир, правда, всех делает сравнительно близкими друг другу, фактор расстояния перестает играть значительную роль); во-вторых, питающие ненависть народы и государства должны быть примерно равны по своим силам и возможностям (реальное соперничество, борьба за лидерство возможна только между равными); в-третьих, должны пересекаться их исторические судьбы и со временем накапливаться конфликты и противоречия и, наконец, в-четвертых, эти государства и народы должны быть достаточно амбициозны, должны быть вдохновлены какой-то мировой идеей, к примеру, пангерманизма или панславизма. Если есть все это, тогда достаточно какой-нибудь случайной искры или желания правящих кругов и соответствующей пропаганды,

чтобы превратить глухую вражду в настоящую все испепеляющую истерию.

◈ ◈ ◈

…Если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Напр., хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом; или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии (Бакунин М.А. Государственность и анархия / М.А. Бакунин // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика/ М.А. Бакунин. – М., 1989. – С. 482).

За полсотни лет до появления на политической арене фашизма М. Бакунин предрекает не только саму возможность его появления, но и его духовное родство с марксизмом. Это духовное родство делает понятным не только созвучие названий (социал-демократическая рабочая партия – национал-социалистская рабочая партия), но и возможность дружеских пактов между коммунистическим и фашистским государствами. Следовательно, при всем огромном различии коммунистической и фашистской идеологий есть между ними нечто существенно общее, единое. В известном смысле, фашизм – это марксизм, переработанный в духе национализма. И в том и в другом обесценена личность как таковая, человек возвеличивается или унижается в зависимости от его национальной или классовой принадлежности.

◈ ◈ ◈

Сами немцы не верят в немецкую революцию. Нужно, чтобы другой народ ее начал или какая-нибудь внешняя сила увлекла или толкнула его; сами же собою дальше резонерства никогда не пойдут (Бакунин М.А. Государственность и анархия / М.А. Бакунин // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика/ М.А. Бакунин. – М., 1989. – С. 486).

Замечательный прогноз, прогноз стопроцентно оправдавшийся, что немцы будут искать другой народ для социалистической революции, народ, который, по словам Бисмарка, не будет жалко. Думаю, менее всего

чувство жалости немцы, как и остальные западные европейцы, испытывали именно к русскому народу.

М. Бакунин предупреждал, что по марксистскому пути даже немецким рабочим идти не следует, а тем более не следует славянам вступать в ряды партии, во главе которой стоит Маркс и несколько других «литераторствующих евреев». Партию эту Бакунин называл «славяноубийственною».

Но для нас М. Бакунин не авторитет: он же свой, русский. Другое дело К. Маркс с Ф. Энгельсом – это замечательные кандидатуры в российские вожди.

◈ ◈ ◈

Мы хотим разрушения всякой народной религии и ее заменения народным знанием. Да, мы хотим для народа разумного, строго научного знания (Бакунин М.А. Наука и народ / М.А. Бакунин // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика/ М.А. Бакунин. – М., 1989. – С. 135).

Разрушение веры и религии еще не означает утверждение знания и науки. И менее всего народная революция, к которой призывал М. Бакунин, и ее неизбежное следствие – диктатура невежественных масс, способны продвинуть общество в царство разума и свободы.

◈ ◈ ◈

Разбой – одна из почтеннейших форм русской народной жизни. Разбойник – это герой, защитник, мститель народный; непримиримый враг государства и всякого общественного и гражданского строя, установленного государством… Разбойник в России настоящий и единственный революционер, революционер без фраз, без книжной риторики, революционер, непримиримый, неутомимый и неукротимый на дела, революционер народно-общественный, а не политический (М. Бакунин. Цит. по: Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 18. – С. 393).

Стоит ли удивляться, что интеллигентский лозунг, призывающий к «экспроприации экспроприаторов», превратился в большевистской России в «грабь награбленное». Конечно, традиция воспевать разбойников характерна не только для России («Разбойники» И. Шиллера, «Роб Рой» В. Скотта, «Робин Гуд» А. Дюма,), но здесь она, действительно, пустила самые глубокие корни.

Несколько лет назад среди студентов юридического факультета я провел опрос, направленный на выявление моральных и правовых установок современной молодежи. Среди прочих вопросов был и такой:

куда, на ваш взгляд, эффективнее обращаться за помощью с целью взыскания долга, возвращения украденного имущества, защиты от «наезда» бандитов и других подобных случаях? Варианты ответов были следующие:

1. В государственные правоохранительные органы.
2. В частные сыскные и охранные агентства.
3. К криминальным авторитетам.
4. Затрудняюсь ответить.

Лишь 7% опрошенных сочли эффективным обращение в правоохранительные органы и 38%, то есть в пять раз больше, полагают, что результативнее обратиться к криминальным авторитетам.

◈ ◈ ◈

Другие иронически замечают, что не будь у нас татарского владычества, не было бы и Московского государства… Что Московское государство сложилось благодаря татарам – об этом смешно и говорить. (К.Д. Кавелин. Наш умственный строй / К.Д. Кавелин. – М., 1989. – С. 215).

А, на мой взгляд, вовсе не смешно. Монголо-татарское нашествие явилось основной причиной падения Киевской Руси. В результате Киев, мать городов русских, утратил роль объединительного центра, центра русской государственности. Таким центром стала Москва.

◈ ◈ ◈

…нельзя утверждать, что тот или другой народ способен или не способен к философии. Все к ней способны; только отсутствие поводов и побуждений задуматься над философскими задачами объясняет отсутствие серьезного к ней интереса, какое замечается, например, у нас; а с другой стороны, действительная, жизненная постановка философских вопросов у каждого народа так своеобразна, так обусловлена его историческими особенностями и обстоятельствами, что философские воззрения можно, не искажая истины, считать такими же национальными явлениями, как произведения изящной литературы или искусства (Кавелин К.Д. Наш умственный строй/ К.Д. Кавелин. – М., 1989. – С. 286).

Касательно последнего утверждения, что философские воззрения можно считать национальными, соглашусь не боле чем наполовину. Конечно, философия, включающая в себя аспекты логического и образного мышления, близкая, с одной стороны, к науке, а с другой, – к искусству, может включать в себя национальный элемент. Но он в ней тем меньший, чем значительнее философская идея или система, великий

философ более гражданин мира, чем гражданин той или иной страны. Идеи вещи в себе, абсолютного духа, религии любви, воли к жизни и воли к власти могли быть порождением не немецких, а английских или французских мыслителей. Конечно, в творчестве Канта, Гегеля, Фейербаха, Шопенгауэра и Ницше есть какие-то германские корни и мотивы, но они в их творчестве не являются определяющими.

Что же касается мысли К. Кавелина о способности любого народа к философии, если к тому у него есть какие-то побудительные причины, то с этим, пожалуй, соглашусь. Встает вопрос, почему на Украине нет философов мирового масштаба (Г. Сковороду таковым можно считать только при очень сильном преувеличении)? Одна подруга моей молодости незамысловато объясняла это так: где много сала и горилки – не может быть никакой философии.

Впрочем, это еще и потому, что мы, украинцы и русские, свое никогда не ценили, не знали и другим в пример не ставили.

◈ ◈ ◈

Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его (Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 3. – С. 4).

Как часто в советском прошлом мы с непомерными восторгами цитировали эти слова. Но разве дело философов изменять мир? Я с большим недоверием отношусь к философам, которые торопятся изменить мир. Вообще, человек в своем безудержном стремлении переделать мир под себя, не сознает того, что в такой переделке гибнет он сам, как часть этого мира.

◈ ◈ ◈

...если предложение какого-нибудь товара меньше, нежели спрос на этот товар, то конкуренция в рядах его продавцов очень слаба или даже вовсе не имеет места. В той самой мере, в какой ослабевает конкуренция между продавцами, возрастает конкуренция между покупателями. Результат – более или менее значительное повышение цен товаров.

Как известно, чаще имеет место обратный случай с обратным результатом: значительное превышение предложения над спросом, отчаянная конкуренция между продавцами, недостаток в покупателях, распродажа товаров за бесценок (К. Маркс. Наемный труд и капитал // Маркс К. Избр. произведения: в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1980. – Т. 1. – С. 159).

Первый абзац зеркально отображает наше советское социалистическое прошлое. Второй – их капиталистическое прошлое и

настоящее. Но наше сегодняшнее настоящее, для которого характерен странный симбиоз худших сторон капитализма с худшими сторонами социализма, не подпадает ни под ту, ни под другую характеристику. В условиях обогащения только ничтожно малой части общества и нищеты остальной его части создается мнимое превышение предложения над спросом, когда товаров мало, но способных их приобрести еще меньше. И несмотря на конкуренцию между продавцами и недостаток покупателей имеет место, казалось бы, парадоксальный результат – «более или менее значительное повышение цен товаров».

◈ ◈ ◈

Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила (Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 3. – С. 45).

С этим можно было бы поспорить. К примеру, сейчас в Украине господствующим классом является горстка мультимиллионеров и миллиардеров, все мысли которых сводятся к одному: как им дальше безнаказанно и как можно больше обворовывать трудящихся. Трудящиеся этих мыслей не разделяют. Более того, верхушка политиков, тоже миллионеров, призывают к борьбе с олигархами. Все общество не любит олигархов, все их критикуют, всюду звучат лозунги один левее другого. Но этот духовный антагонизм не мешает обществу исправно горбатиться на богатых, «избирать» выгодных им парламентариев, не мешает государственной власти сращиваться с крупным капиталом. Все по восточной пословице: собака лает, а караван идет.

◈ ◈ ◈

Подобно тому как Ч. Дарвин открыл закон развития органического мира, К. Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, а не наоборот, как

это делалось до сих пор» (Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса // Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс.– Т. 19. – С. 350–351).

Суть диалектики заключена не только в борьбе, но и в единстве противоположностей. Такие понятия, как диалектический материализм или идеалистическая диалектика, изначально абсурдны. В сфере мировоззрения материализм и идеализм, атеизм и религия являются важнейшими противоположностями, основными антиномиями. Диалектика предполагает именно синтез философских антиномий. Известная формула «бытие определяет сознание» не может рассматриваться как абсолютная истина. Ориентация на эту формулу позволяет решить многие, но далеко не все проблемы общественного и индивидуального бытия. Особенно тогда, когда потребности человека в пище, одежде, обуви и жилище полностью обеспечиваются, на первый план в мотивации его деятельности выходят не материальные, а духовные факторы и потребности.

Понятно, что и обратный вариант этой формулы: сознание определяет бытие, также не может быть признан абсолютно истинным.

С переменным успехом борьба идеализма и материализма, религии и атеизма продолжается на протяжении многих сотен лет. Если бы у одной из сторон были достаточно весомые аргументы и доказательства своей правоты, этот спор давно был бы завершен. Но этого нет! Более того, не исключено, что вопрос о первоначале, о первопричине всего существующего, с различных позиций решаемый материализмом и идеализмом, вообще относится к принципиально неразрешимым. Во всяком случае, трудно ожидать в обозримом будущем опытного подтверждения истинности той или иной мировоззренческой установки.

◈ ◈ ◈

Старая Россия была до сих пор огромной резервной армией европейской реакции; она действовала в качестве таковой в 1798, 1805, 1830, 1848 годах. А когда эта резервная армия будет уничтожена – вот тогда посмотрим, как обернется дело (Ф. Энгельс. Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России /Ф. Энгельс // Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс.– Т. 19. – С. 124).

Ф. Энгельс, судя по этому высказыванию, разделял типичное для западных европейцев негативное отношение к России как жандарму всей Европы. Жандармские функции России, действительно, приходилось выполнять. Но даже приведенные Энгельсом примеры нельзя истолковывать исключительно как реакционные действия России на европейской сцене.

1798 и 1785 гг. – это военные действия против Франции в составе антифранцузской коалиции. Россия в числе других европейских стран боролась с революционной Францией, но нельзя забывать, что революция во Франции завершилась властью узурпатора, который вознамерился подчинить себе если не весь мир, то всю Европу.

1815 г. – это год организации Священного союза европейских монархий против революционного и национально-освободительного движения в Европе. Этот грех Россия делит с большинством европейских государств. А имея в виду кровавые эксцессы революций, море крови и далекий от идеала конечный результат, можно усомниться и в греховности Священного союза.

1830 г. – восстание в Польше, которое русское правительство подавило в 1831 г. Польша в то время была в составе России, поэтому действия последней при желании можно было бы рассматривать как борьбу с сепаратизмом. К слову замечу, что в том же 1830 г. благодаря России Греция получила независимость.

И, наконец, 1848 г. В этом году Николай I всего-навсего оказывал *моральную* поддержку контрреволюции в Австрии и Пруссии.

В такого рода прегрешениях против Европы можно с не меньшими основаниями обвинять и Германию, и Австрию, и Францию, и Англию, и Турцию. На деле же, как ни одно другое государство Россия со времени основания своего была для Европы чем-то вроде ангела-хранителя.

Что было бы с Европой, если бы Киевская Русь откупилась данью от батыевых орд и пропустила их на запад или, того хуже, присоединилась к ним?! Вопрос риторический! Что было бы с ней, если бы Россия не усмирила Наполеона?! Что было бы с Европой и ее хваленой демократией, если бы ценой многомиллионных жертв Советский Союз не остановил гитлеровскую Германию?!

Несмотря на это Европа и раньше, и сейчас испытывает не благодарность, а подозрительность к России и даже страх перед ней. Только ли взгляд на карту, на которой обывательскому сознанию видится огромный бык, таранящий несчастную Европу, питает этот страх? Нет! Страх основан как раз на понимании того, что Россия, имевшая силы жертвовать собой ради Европы, когда-нибудь жертвовать не захочет. Возьмет, к примеру, да и отлучит Европу от своего нефтяного вымени (на деле бык сегодня исполняет роль дойной коровы).

Итак, Россия не раз спасала Европу. Что же Европа? В «благодарность» она, как могла, интриговала против России, организовывала дворцовые перевороты, революции, поддерживала ее внешних и внутренних врагов. Даже тогда, когда Русь боролась против монгольского ига не только за себя, но и фактически за Европу, Европа устраивала ей Ледовые побоища. Казалось бы, кто ближе европейцам

территориально, духовно, этнически, наконец: русские или турки? Даже внешне, кого скорее можно принять за немца или англичанина: русского или турка? Я уже не говорю о религии: православие ближе католицизму и протестантизму или ислам? Ответы на все эти вопросы очевидны. Однако Англия и Франция поддержала Турцию в Крымской войне, отнюдь не во имя справедливости, а ради ущерба России и установления протектората над Молдовой, Валахией и Сербией. А ныне Европа считает возможным присоединение Турции к Европейскому Союзу, но вовсе не намерена приглашать в него Россию, Белоруссию и Украину.

Впрочем, для России в этом нет никакой беды. В противном случае компания пигмеев вроде Литвы, Латвии и Эстонии будет требовать, чтобы Россия стояла с ними на равных, то есть согнувшись в три погибели, иначе им до нее не дотянуться.

Вообще, история свидетельствует, что в своих кознях против России Европа почти всегда добивалась обратных результатов. Взять хотя бы тоже Ледовое побоище. Или другой пример. Европа финансировала русских террористов, привела к власти большевиков. Как замечательно! Но те захотели мировой революции и начали с Германии. Чтобы урезонить большевиков, Европа допустила к власти Гитлера, а потом сдала ему Чехословакию в расчете на то, что он, как хорошо выдрессированный цепной пес, вцепится в горло Советской России. Но тот предпочел сначала покусать «инструкторов по служебному собаководству»: Францию и Англию. С упорством, достойным лучшего применения, правительства многих западноевропейских держав продолжают наступать на одни и те же грабли.

Однако во многом виновата сама Россия. Хватит лезть с предложениями о помощи другим, это им непонятно и потому подозрительно. Надо заниматься исключительно собой, а другими – только постольку, поскольку это может быть выгодно России, а не пролетариям всех стран, или братьям-славянам или кому бы то ни было еще.

◈ ◈ ◈

Следует, однако, отметить к чести поляков, что они никогда серьезно не попадались на эту панславистскую удочку, и если некоторые из польских аристократов сделались ярыми панславистами, то они знали, что под русским игом они потеряют меньше, чем от восстания своих собственных крепостных (Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии / Ф. Энгельс // Маркс К. Избр. Произведения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1980. – Т. 1. – С. 359–360).

То, что немец Ф. Энгельс относит к чести поляков, с большим основанием можно отнести к их давнему позору. Католическая Польша

практически всегда была если не троянским конем, то подсадной уткой среди славянских народов. Во времена могущества Речи Посполитой она отваживалась на собственную агрессию против России, потом не упускала случая присоединиться к какому-нибудь могущественному ее врагу, к Наполеону, например. В конечном итоге всегда была бита и страшно комплексовала по этому поводу. Даже выходцы из Польши, если им удавалось занять какой-нибудь государственный пост, считали своим долгом внести посильную лепту в развал славянского единства и всячески гадить России. Мазепа, воспитанник польского короля Казимира, вероломно захватив гетманство на Украине, предал Петра I и с горсткой своих сторонников присоединился к шведам (замечательный пример для некоторых современных украинских политиков). Збигнев Бжезинский в роли помощника секретаря по национальной безопасности США сделал все возможное и невозможное для развала Советского Союза и Социалистического Содружества, костяком которого являлись славянские страны, включая саму Польшу.

◈ ◈ ◈

При старой вере нельзя было оставаться, нужно было решиться на выбор другой. Последнее обстоятельство, т. е. выбор веры, есть особенность русской истории: ни одному другому европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религиями; но не так было на востоке Европы, на границах ее с Азиею, где сталкивались не только различные народы, но и различные религии, а именно: магометанская, иудейская и христианская… (Соловьев С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев // Соч. в 18 кн. М., 1988. – Кн. 1. – С. 172).

Существует легенда о принятии князем Владимиром христианства на Руси: будто бы он выслушал посланников четырех религий (иудаизма, ислама, католицизма и православия), отправил своих послов в земли, где они исповедовались, и, в конце концов, рассудил, что для укрепления государственной власти и объединения Руси наиболее подходит православие. Сомнительно, конечно, что подобный «конкурс» имел место, но, безусловно, князь Владимир имел достаточно информации обо всех этих конфессиях и делал свой выбор вполне сознательно. Конечно, об иудаизме, религии евреев, объявляющей еврейский народ избранным Богом, изначально речи быть не могло. А вот христианство в виде православия или католицизма или даже ислам могли быть предметом княжеского выбора.

Хотя история не имеет сослагательного наклонения, но все же, что было бы, если б Владимир предпочел ислам? Вероятно, не было трехсот лет татаро-монгольского ига, ислам утвердился бы в Золотой Орде еще до

хана Узбека и Тимура и, объединившись, Русь с Ордой огнем и мечом прошлись по Европе. А сейчас мы жили бы в каком-нибудь Всемирном Халифате. И центр этого Халифата, вполне возможно, находился бы в Киеве.

А если бы Владимир остановил свой выбор на католицизме? Вероятно, ко времени татаро-монгольского нашествия успели бы укрепиться связи с католической Европой, и Русь не осталась без поддержки в борьбе с татарами. И сейчас не было бы раскола Руси на Россию, Белоруссию и Украину, и последняя уничиженно не просилась бы в Европу.

В любом случае Русь не оказалась бы чем-то срединным между Востоком и Западом, а своим присоединением к тому или другому обеспечила бы ему солидный перевес. Современный мир был бы совершенно другим.

Исходя из условий своего времени, Владимир справедливо полагал, что лучше принять религию из рук ослабевшей, но высококультурной Византии. К тому же православие, в отличие от католицизма, не стремилось подчинить себе светскую власть, не утверждало, что его патриарх является наместником Бога на земле. Но, оценивая правильность этого выбора через тысячу двадцать лет, мы вправе спрашивать, был ли он наилучшим. Ответ на этот вопрос в очередной раз расколет современную Украину: на востоке скажут – «Да!», на западе – решительно «Нет!».

◈ ◈ ◈

Ни один гетман малороссийский не пользовался такой доверенностью московского правительства, как умный, образованный, любезный старик, Иван Степанович Мазепа. Царь Петр вполне полагался на его приверженность к себе, не верил доносам на него, и действительно, по свидетельству самых близких к гетману людей, он был верен царю (Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России / С.М. Соловьев. – М., 1989. – С. 604).

В роковом для себя и Украины решении примкнуть к шведам Мазепа руководствовался, казалось бы, бесспорными политическими соображениями. Талантливый полководец Карл XII до Полтавской битвы неизменно побеждал всех своих противников, в том числе русских. Логично было ожидать, что он победит в очередной раз. К кому политически выгодно присоединиться: к сильному или слабому? Ответ, вроде бы, очевиден. Это сильный может себе позволить роскошь дружбы со слабым, у слабого такой возможности практически нет. Петр I окно в Европу еще только пробивал, а Карл XII уже в ней был. Присоединение к Карлу XII означало присоединение к просвещенной Европе, Россия по

сравнению с нею была отсталой, рабской, полуазиатской страной, возглавляемой монархом-деспотом и самодуром.

Мазепа выжидал и лавировал до последнего, намериваясь примкнуть к тому, чей успех ясно обозначится. Когда Карл повернул от Смоленска к Украине, он воскликнул: «Дьявол его сюда несет! Все мои интересы перевернет, войска великороссийские за собою внутрь Украйны впровадит на последнюю ее руину и на погибель нашу».

Но своему пророческому предчувствию он не внял, а внял политическому расчету, который на деле оказался просчетом. История в очередной раз продемонстрировала, что политика, порывающая с нравственностью, в конечном счете нерезультативна. Политику я отличаю от политиканства: первая – эта государственная деятельность, направленная на благо народа, вторая – при внешнем сходстве с политикой отличается от нее направленностью на достижение корыстных целей одного лица или группы лиц. Вероломство, обман, предательство еще могут сделать королем или президентом какого-нибудь мошенника, но никогда они не обеспечивали благо народа.

Мазепа клялся «служить великому государю до последней капли крови», но перешел на сторону Карла XII. За ним последовало около пяти тысяч казаков, большинство казачества за Мазепой не пошло, так как «крепко стояло за единство русской земли, т. е. за союз с Москвою во имя православия». Да и те, кто пошел с Мазепой, доверие у Карла XII не вызывали, потому к активным действиям в полтавском сражении он их не привлек. А когда на флангах под натиском российских войск мазеповцы побежали, шведы ружьями и саблями вернули их назад. Я не военный историк, но не исключаю, что если бы Мазепу единодушно поддержала вся казачья старшина и все войско, то исход сражения мог быть совершенно иным.

Таким образом, к политике примешалось предательство и превратило ее в грязное политиканство. Впервые Карл XII потерпел сокрушительное поражение и бежал к туркам, а вместе с ним бежал и Мазепа.

Есть свидетельство того, что, принимая пагубное решение, Мазепа говорил, что Бог его намерение не простит. И, как оказалось, был прав.

Националистически настроенные лидеры современной Украины Ивана Мазепу, преданного анафеме, превратили в национального героя. Что ж, если наши лидеры способны только к политическим потрясениям и поражениям, а предательство – их наследственная черта, тогда лучшего «героя» просто не найти.

◈ ◈ ◈

...Будущее основание и норму социального муравейника социализм полагает в цели – в сытом брюхе, а для этого в беспрекословных муравьиных объединениях, и высшая его мораль при этом, высшее ободрение человечеству состоит в том уверении и ободрении прозелитов, что обязанности эти сладки, ибо будут делаться для самих себя, в собственном интересе, труд, дескать, привлекателен (Ф.М. Достоевский // Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. Литературное наследство.– М., 1971. – Т. 83. – С. 249–241).

Ф.М. Достоевский понял самую суть социалистической утопии и предсказал ее грядущее воплощение. Обещание материального изобилия, которое потребует всеобщего уравнительного объединения людей в безликую массу, закончится идеалистическим призывам к труду без расчета на вознаграждение.

◈ ◈ ◈

Когда продолжительность жизни человека или народа нам представляется такой же ничтожной, как и жизнь мушкарки, и, наоборот, жизнь мушкарки так же бесконечна, как и жизнь небесного тела со всей его пылью народов, мы чувствуем себя и очень малыми, и очень великими, и мы со всей высоты небесных пространств можем рассматривать наше собственное существование и те маленькие вихри, которые волнуют нашу маленькую Европу. Вот что делает мысль свободной (А. Амиель. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 69).

Перед бесконечностью времени и пространства сколько угодно великое равно сколько угодно малому: мошка равна человеку, человек – человечеству, человечество – всему живому, все живое – планете, планета – солнцу и т.д. Потому не умаляй и не возноси ни себя, ни все, что вокруг тебя.

◈ ◈ ◈

При ужасной вести об изнасилованиях, убийствах, истязаниях стариков, женщин, детей у Европы не вырвался вопль негодования, который, заглушив мнимый и лживый политический расчет, заставил бы ее встрепенуться, броситься на помощь несчастным и своим могучим словом исторгнуть раз и навсегда жертву у палача (Данилевский Н.Я. Горе победителям / Н.Я. Данилевский. – М., 1998. – С. 67).

Это еще в 1877 г. писал Н. Данилевский, выдающийся русский историк и естествоиспытатель, автор знаменитой книги «Россия и Европа», из которой О. Шпенглер и А. Тойнби позаимствовали (если угодно, украли) идею цивилизационного прогресса.

Европа не только не поддержала Россию в ее борьбе с Турцией за независимость герцеговинцев, боснийцев и болгар, но сама распалила ее и всячески ей потворствовала. Турция, пишет Данилевский, знала, что как бы она не поступала со своими славянскими подданными, Европа в целом отнесется к этому равнодушно, полуодобрительно и всеми мерами будет противодействовать России в обуздании и наказании ее.

Европа не признала права России протянуть руку помощи братским славянским народам, зато признала право Турции сдирать с этих народов кожу, жечь, сажать на кол, закапывать живыми в землю, бесчестить и убивать жен и детей. Зато «жестокости» России, даже мнимые, придуманные турецким МИДом и засвидетельствованные несколькими бессовестными корреспондентами, возбуждали вопли европейской прессы и стремление свалить всю вину на болгар, этот, по словам одного английского борзописца, варварский и мстительный народ.

В отношении к нам, возмущается Н. Данилевский, действует какой-то особый кодекс международного права.

Что же изменилось за сто с лишним лет в политике Европы по отношению к России? Практически ничего! События почти зеркально повторяются. Только к Европе присоединились Соединенные Штаты Америки и общими усилиями им удалось продвинуться много дальше: не только отчленить от России ее окраины, но и стравить их между собой.

А в остальном, стоит только поставить на место Турции Грузию, на место Болгарии Южную Осетию, и все сказанное Данилевским можно повторить дословно.

Тоже передергивание фактов, тот же вой и плач, тоже «благородное» возмущение «непропорциональными» действиями России, та же политика двойных стандартов. Кстати, по вопросу о будто бы непропорциональных действиях России по отношению к Грузии я с американо-европейскими кликушами вынужден согласиться. Грузины сравняли с землей столицу Южной Осетии Цхинвал, уничтожили школы, церкви, памятники культуры, убили многие сотни мирных жителей, а русские только заставили драпать грузинскую армию, ни один снаряд не разорвался в Тбилиси, а неизбежные в таких конфликтах жертвы мирного населения с грузинской стороны ограничились пятью убитыми.

Так называемые стратегические партнеры России, страны НАТО, повели себя так, что впору повторить вопрос того же Н. Данилевского: «От кого более вреда России – от ее врагов или от ее союзников?»

Политика кукловодов из Вашингтона, спланировавших, подготовивших и организовавших авантюру своих грузинских марионеток против Южной Осетии понять несложно: Саддам Хусейн уже казнен, Бена Ладена поймать не удается (если он вообще существует, а не является выдумкой американских спецслужб), влезть в Иран, увязнув в Ираке и Афганистане, рискованно, а вот натравить грузинскую моську на русского медведя, чем не потеха. Моське, понятно, задницу намылят, но ее, дуру, не жалко. Зато из бабушкиного сундука можно вытащить старинную страшилку. Имя страшилки – русофобия. Это вам не какая-нибудь Северная Корея с ракетами, долетающими разве что до Израиля. «Россия – империя зла» бренд известный, давно раскрученный; раскрученный, к слову сказать, задолго до Р. Рейгана, голивудского лицедея, угодившего в президенты. Какие фантастические дивиденды обещает такая политика военно-промышленному комплексу США, нетрудно догадаться.

Прямой барыш Европы от этой американской затеи не просматривается, однако и она, должно быть, по старой памяти оказалась весьма отзывчивой на страшилку русофобии. Взрослые обычно страшилок не боятся, их боятся дети. Так как Европа давно вышла из младенческого возраста, ее испуг при виде изрядно провонявшей нафталином вещицы из бабушкиного сундука заставляет сделать предположение, что она по причине старческого маразма впадает в детство.

И, наконец, более чем актуален и главный вывод Н. Данилевского: если, несмотря на все желание России понравиться Европе, несмотря на все жертвы России, принесенные той же Европе, общее течение европейских интересов, мнений, сочувствий в целом не в нашу пользу, то «что же обязывает нас при окончательном расчете принимать во внимание именно эти интересы, мнения, чувства Европы»?

История многому может научить, тех, разумеется, кто желает учиться.

◈ ◈ ◈

Существует два рода социализма. Оба они преследуют наибольшее благосостояние всех.

Один стремится достигнуть всеобщего счастья; другой – дать возможность всякому быть счастливым по-своему.

Один признает власть государства; другой не признает никакой власти.

Один требует монополии для государства; другой желает уничтожения всех монополий.

Один желает, чтобы управляемый класс стал правящим; другой желает уничтожения классов.

Один верит в социальную войну; другой верит только в дела мира.

Существуют только эти два социализма. Один в возрасте детства; другой – возмужалости. Один уже прошлое; другой – будущее. Один должен дать место другому. И каждый из нас должен выбирать между этими двумя социализмами или же совсем не признавать себя социалистом (Э. Лесинь. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 426).

Нам известен только первый социализм. От него мы охотно, даже с радостью и облегчением отказались. О возможности второго социализма у нас со времен М. Бакунина никто не говорит. Мы устремились назад к капитализму, но капитализму не современному, а дикому, варварскому. При этом от негативных сторон социализма нашего недавнего прошлого мы по сути не отказались, осуществив, таким образом, абсурдный симбиоз худшего социализма с худшим капитализмом.

На Украине поначалу сделали некоторые робкие шаги в сторону демократических ценностей капитализма, но тут же, как будто опомнившись (хохлам свобода не нужна), поспешили назад: назначение губернаторов вместо их избрания, выборы по партийным спискам вместо мажоритарных, введение императивного мандата, делающего депутата заложником большинства своей партии и т.д.

◈ ◈ ◈

При обозрении разнообразных явлений философ испытывает различные движения сердца, различные чувствования; в его душе образуются определенные настроения, которые, в свою очередь, будут давать особое направление его анализам, его мышлению. Поэтому ни одна наука не запечатлевается так решительно характером духа личного, национального и характером эпохи, как философия (Юркевич П.Д. Философские произведения / П.Д. Юркевич. – М., 1990. – С. 247).

Нельзя не признать фактическую правоту этого суждения. Многие, очень многие философы, подвластны движениям собственного сердца и настроения, их философия обусловлена не только временем, в котором они жили, но и особенностями среды, в которой они творили. Но, развивая дальше логику этого суждения, можно утверждать, что великий философ, философ мирового масштаба именно тот, кому удалось максимально освободиться от всего субъективно-личностного, национально-ограниченного и сиюминутного, характерного только для его эпохи. Поэтому великий философ есть достояние не одной какой-нибудь нации, а всего человечества, и великая философия не национальна, а интернациональна.

◈ ◈ ◈

Вера изменяется вместе с неперестающим изменением взглядов и знаний; она связана с временем и изменяется вместе с временем. Любовь же не временна, она неизменна, вечна (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 28).

Увы, все подвластно времени, и любовь не исключение. Она зарождается, развивается, достигает апогея… и может сойти на нет, может даже превратиться в свою противоположность – в ненависть. Она изменяется в жизни одного человека, она претерпевает изменение и в жизни народов: первобытный дикарь любил совсем не так, как современный человек. Любовь, кроме всего прочего, феномен социальный и, следовательно, изменяющийся вместе с изменением социума.

◈ ◈ ◈

Знание только тогда знание, когда оно приобретено усилиями своей мысли, а не памяти (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 29).

Это, конечно же, преувеличение. Другое дело – ценность знания неизмеримо выше, если оно приобретено усилиями самостоятельной мысли.

◈ ◈ ◈

Для человеческого ума менее вредно совсем не учиться, чем учиться слишком рано и слишком поздно…

Меньше читайте, меньше учитесь, больше думайте. Учитесь и у учителей, и в книгах только тому, что вам нужно и хочется знать (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 30).

Суждения сомнительные в силу категоричности своей, но в целом верные, если речь идет о так называемом схоластическом учении со всеми минусами оного.

◈ ◈ ◈

Единственное объяснение той безумной жизни, противной сознанию лучших людей всех времен, которую ведут люди нашего времени, заключается в том, что молодые поколения обучаются многим самым трудным предметам: о положении небесных тел, о состоянии земли за миллионы лет, о происхождении организмов и т.п. Не обучаются только тому одному, что всем и всегда нужно, тому, какой смысл человеческой жизни, как надо прожить ее и что думали об этом вопросе

и как решали его мудрейшие люди древности (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 45).

Итак, Л. Толстой высказывает неудовлетворенность существующей системой образования. Что изменилось через сто лет? По сути ничего, лучше эта система не стала. Современное образование, как и прежде, направлено на изучение внешнего мира. Есть в этом мире физическая реальность – значит надо учить физику, есть химическая – значит должна быть в школе химия, есть биологическая форма движения материи – значит не обойтись без биологии. Системе образования невдомек, что в мире нет самих по себе физических, химических и биологических сфер, это ученые искусственно выделяют их из единого и неделимого потока бытия. Для ученых это необходимо и потому оправдано. Но образованию следовало бы давать знания о внешнем мире в его единстве и неделимости.

Однако не в этом главный минус современного образования, а в том, что в нем сам человек оказывается на последнем месте и как предмет знания, и как субъект, ради которого и для которого существует образовательная система. Система обезличена, унифицирована и не учитывает запросов и потребностей конкретного учащегося.

Я убежден, что систему обучения надо менять таким образом, чтобы в центре ее, а не на задворках находился человек.

Существуют четыре формы взаимоотношения человека и мира: это человек – природа, человек – общество, человек – человек и человек – культура. Отношение человека к человеку предполагает не только отношение к другому человеку, но и отношение к самому себе, знание, понимание самого себя и умение формировать себя, если можно так выразиться, делать себя.

Больше всяких химий и физик каждому из нас нужно умение владеть собой, умение избегать конфликтных ситуаций, умение бороться со стрессами. Ничему этому современная школа не учит: в ней не преподаются психология, конфликтология, нет занятий по аутотренингу. Мало что знает современный учащийся о правильном питании, здоровом образе жизни. Вообще наше образование носит сугубо академический, теоретический характер.

Помню такой случай: еще в советские времена затеялся я изготовить электролит для аккумулятора своей машины и додумался делать это на тещином паласе. Случайно разлил серную кислоту, бросился вытирать ее мокрой тряпкой, а палас, несмотря на мои усилия, на глазах скукоживался и образовывалась внушительных размеров дыра.

Пришла супруга и стала меня упрекать, дескать, надо было посыпать содой, а не воду разливать: сода нейтрализует кислоту. Я ей в ответ: а

откуда мне это знать, меня в школе этому не учили, меня формулы метана с бутаном заставляли зубрить.

Действительная серьезная реформа образования должна состоять не в увеличении срока школьного обучения, не в переходе от пятибалльной системы к двенадцати бальной, а в обретении нового качества, в освоении посредством не разрозненных дисциплин, как сегодня, а интегрированных курсов (природоведения, обществоведения, антропологии и культурологии) четырех главных сфер мироотношения человека. В основе этих курсов должны лежать философски-обобщенные современные воззрения на природу, общество, человека, материальную и духовную культуру. А кроме этого, школа должна дифференцированно подходить к своим воспитанникам, учитывать их возможности, должна как можно раньше выявлять способности и вести обучение с их учетом. Есть у ребенка способности и тяга к математике – надо дать ему море математики. Но если это явный гуманитарий, нужны ли ему тангенсы с котангенсами? Александр Пушкин по математике имел стабильную двойку, будь для него программа попроще, имей он по этой программе четверку, стал бы он худшим поэтом? Нет, конечно, но нервы свои сберег бы. Глядишь, и в конфликте с Дантесом не вел бы себя столь импульсивно. И тогда…

Но Пушкину еще повезло, он, все-таки, окончил Царскосельский лицей, привилегированное учебное заведение. В наше время он и средней школы бы не закончил.

Однако, возвращаясь к Л. Толстому, хотел бы спросить у него: как можно обучить смыслу жизни? Достаточно ли знакомства с суждениями мудрецов прошлого об этом вопросе? Это один из тех роковых вопросов человечества, которые каждый обязан решать самостоятельно. Готовое знание, пассивно усвоенное воспитанником, мало что даст для формирования его мировоззрения, становления жизненной позиции.

Куда мы идем после смерти? Туда, откуда пришли. Там, откуда мы пришли, не было того, что мы называем своим «я», – от этого-то мы и не помним того, где мы были, долго ли мы там были и что там было. Если мы после смерти придем туда, откуда вышли, то и после смерти не будет того, что мы называем своим «я».

◈ ◈ ◈

От этого мы никак не можем понять, какая будет наша жизнь после смерти. Одно можно, наверное, сказать, что как нам не было дурно до рождения, так не может быть дурно и после смерти (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 48).

В этих рассуждениях Л. Толстой далеко отходит от религии, от глубинных ее основ. Во-первых, он отрицает бессмертие личности, индивидуальной души: если мое «Я» растворено в природе, мировом разуме, в чем угодно еще и не осознаваемо мною, то фактически его нет. Во-вторых, заявляя, что после смерти не может быть дурно, а значит, нет боли, нет страданий и мук, он отрицает идею ада, наказания за грехи. А идея эта не менее важна для религии, чем вера в бессмертие души.

Стоит ли удивляться тому, что 24 февраля 1901 г. в «Церковных ведомостях» было опубликовано определение Святейшего Синода об отлучении Льва Толстого от церкви, в котором говорилось: «Граф Толстой в прельщении гордого ума своего восстал на Господа», «отрекся от церкви православной», «посвятил свою литературную деятельность на распространение в народе учений, противных Христу и церкви», «он проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов православной церкви – отвергает личного живого Бога, во Святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя Вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа – Богочеловека, Искупителя и Спасителя, восставшего из мертвых, отрицает бессеменное зачатие Иисуса Христа».

Толстой же вовсе не спорил с этими обвинениями: «Я действительно отрекся от Церкви, перестал выполнять её обряды... Я отвергаю непонятную Троицу и басню о падении первого человека... Я отвергаю все таинства».

Похоже, не без оснований писал Александр III министру внутренних дел: «Надо было бы положить конец этому безобразию Л. Толстого. Он чисто нигилист и безбожник».

◈ ◈ ◈

Есть знания, необходимые каждому человеку. Пока человек не усвоил этих знаний, все другие будут во вред ему (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 57).

Это справедливо, но возникает вопрос: какие именно знания необходимы человеку? После окончания современной украинской средней школы студенты не могут сформулировать закон Ома, полагают, что К. Маркс с Ф. Энгельсом – англичане, родившиеся в России, а Ганнибал, в их понимании – то же, что каннибал. Зато они «знают», что воины Красной Армии – оккупанты, а вояки УПА и дивизии СС «Галичина» – освободители и патриоты. Что ж, это естественно, ум того, кто не обогащен истинным знанием, либо пуст, либо заполнен ложным знанием, которое и не знание вовсе, а отупляющий и уродующий душу бред. Таким образом, результатом современного школьного обучения является невежество в двух формах: пустоты или бреда. Отсюда вывод:

наша школа в ее современном состоянии в лучшем случае ничего не дает, в худшем случае – вредна.

◈ ◈ ◈

Всего знать мы никак не можем. Мудрость не в том, чтобы знать как можно больше, а в том, чтобы знать, какие знания самые нужные, какие менее и какие еще менее нужны. Из всех же знаний, нужных человеку, самое важное знание того, как жить хорошо, т. е. жить так, чтобы делать как можно меньше зла и как можно больше добра. В наше же время люди учатся всяким ненужным наукам, а не учатся этой одной, самой нужной (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 166).

Л. Толстой повторяет ту же ошибку, что и Сократ, полагавший, что люди поступают дурно только потому, что не знают, как поступать хорошо. Пафос идеи необходимости морально-этического знания я разделяю, но самих по себе знаний недостаточно, знания должны быть соединены с готовностью действовать в соответствии с ними, т. е. превращены в убеждения. Беда нашего общества не в том, что оно не знает, что воровство – это зло, что тотальное воровство делает невозможным экономический рост, что нет таких религий, которые не осуждали бы грабеж и кражу. Все это всем нам известно, однако очень многие люди, если не сказать большинство, игнорируют заповедь «не укради». Люди согласны с этой заповедью в том смысле, что не хотят, чтобы крали у них, но далеко не всегда следуют совету Конфуция: поступай с другими так, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой.

◈ ◈ ◈

Тот, кто владеет земельной собственностью в большем размере того, что нужно ему для пропитания своего и своей семьи, не только участник, но и виновник той нужды, тех бедствий и того развращения, от которых страдают народные массы. (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 179).

Полтора десятка лет так называемой независимости Украины ушли на беззастенчивый грабеж государственной собственности. Под предлогом народной приватизации горстка пройдох завладела заводами, фабриками, предприятиями торговли и общественными зданиями. Таким образом, каких-нибудь сотня семейств оказались богаче всех остальных, вместе взятых.

Сегодня на очереди стоит земля! Та самая, о которой великий Л. Толстой говорил, что она, «как воздух и солнце, – достояние всех и не может быть предметом собственности».

Недавний демарш Президента В. Ющенко против Верховной Рады, фактический ее разгон с нарушением всех норм Конституции как дымовой завесой прикрывался разглагольствованиями о том, что депутатам негоже, подобно зайцам, скакать из одной фракции в другую в расчете найти там морковку побольше и посочнее. При этом сам гарант Конституции был весьма похож на того козла, которому доверили охранять капусту. Действительные причины этого демарша состояли, на мой взгляд, даже не в страхе Президента перед возможностью импичмента после того, как его противники в парламенте набрали бы конституционное большинство голосов. Процедура импичмента прописана так, что мало большинства в 300 депутатов, нужны еще веские основания для выражения недоверия Президенту и лишения его власти.

Действительный страх испытал наш Президент после визита Ю. Тимошенко в Соединенные Штаты, где ее, лидера оппозиции, принимали не хуже, чем действующего премьер-министра. Понятно, что Президент, пользующийся в стране мизерной поддержкой, посаженный в высокое кресло заокеанскими постановщиками шоу под названием «оранжевая революция», лишится кресла в тот же момент, как этого захотят те, кто его в это кресло посадил. Но и эта угроза не была решающей, в конце концов, выполняй все то, что тебе говорят американские хозяева, и живи припеваючи: едва ли американцы бросились бы менять шило на мыло, если бы были убеждены в лояльности своего ставленника.

Более всего напугало В. Ющенко и его окружение то, что вопрос о земле разрешится не в их пользу, что дележ главного богатства страны состоится без их участия. То же, надо думать, пугало и Ю. Тимошенко и заставляло в очередной раз искать союза с человеком, который предавал ее неоднократно.

И где же здесь мораль, где радение о народе, где «чистые руки», о которых так много и так пышно болтали «оранжевые» демагоги?

◈ ◈ ◈

Главное средство жить радостно – это верить, что жизнь дана на радость. Если радость кончается, ищи, в чем ты ошибся (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 218).

Мог ли подобное написать Ф. Достоевский? Уверен, что нет. Все-таки, бытие действительно определяет сознание. По сравнению с Ф. Достоевским Л. Толстой – баловень судьбы: князь, очень богатый человек, для которого труд, в том числе писательский, не был средством к существованию.

◈ ◈ ◈

В века людоедства сильные пожирали слабых, попросту поедали их тела. Но, несмотря на все установленные людьми законы, несмотря на успехи науки, сильные, бессердечные люди до сих пор продолжают жить на счет слабых, несчастных и глупых. Правда, они не едят их мяса, не пьют их крови, но они все равно живут от их лишений и нужды. Бедняки, калечащие себя работой и проводящие всю свою жизнь лишь в заботах о прокормлении себя и своих детей, в сущности, поедаются своими собратьями. Видя распадение цивилизованного мира, его беспокойство и слезы, разбитые надежды и жалкую действительность, голодовки и преступления, унижение и позор, невольно приходишь к заключению, что людоедство было не более жестокой формой существования на чужой счет (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 369).

Века, тысячелетия так называемой цивилизации были лишь сменой форм эксплуатации и насилия. На смену формам примитивным приходили формы изощренные. Какие формы лучше, какие хуже – дело вкуса. Что вы предпочитаете: быть убитым дубиной и затем съеденным или угореть в газовой камере и быть кремированным?

◈ ◈ ◈

«Когда среди 100 человек один властвует над 99 – это несправедливо, это деспотизм; когда 10 властвуют над 90 – это также несправедливо, это олигархия; когда же 51 властвует над 49 (и то только в воображении – в сущности же опять 10 или 11 из этих 51) – тогда это совершенно справедливо, это свобода!»

Может ли быть что-нибудь смешнее, по своей очевидной нелепости, такого рассуждения. А между тем это самое рассуждение служит основой деятельности всех улучшателей государственного устройства (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 427).

Мысль справедливая. Но что из нее следует? Демократии в обществе либо нет вовсе, либо это мнимая, неподлинная демократия. И еще вопрос, что лучше: первое или второе, отсутствие демократии или видимость демократии?

◈ ◈ ◈

Приписывание особенного, исключительного значения и важности писателям, признанным большинством великими, составляет большое препятствие для познания истины. Божественная истина может проявиться в лепете ребенка, в болтовне дурачка, в бреду сумасшедшего,

не говоря уже о разговорах, письмах простых людей, и очень слабые и ложные мысли встречаются в книгах, считающихся великими или священными (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 528).

Я бы не стал книгам со слабыми и даже ложными мыслями противопоставлять болтовню дурачка и бред сумасшедшего; слабым и ложным мыслям могут противостоять только мысли сильные и правдивые. К счастью, величие писателя определяется не большинством. Сегодня Льва Толстого читают меньше, чем Викторию Токареву, но Толстой – великий писатель, а Токарева, да простят мне ее почитатели, – одна из многих.

◈ ◈ ◈

Настоящее произведение искусства может проявляться в душе художника лишь изредка, как плод предшествующей жизни, точно так же, как зачатие ребенка матерью.

Поддельное же искусство производится мастерами, ремесленниками безостановочно, только бы были потребители.

Настоящее искусство не нуждается в украшениях, как жена любящего мужа. Поддельное искусство, как проститутка, должно быть украшено.

Причиной появления настоящего искусства есть внутренняя потребность выразить накопившееся чувство, как для матери причина полового зачатия есть любовь.

Причина поддельного искусства есть корысть, точно так же как и проституции.

Последствие истинного искусства есть внесенное новое чувство в обиход жизни, как последствие любви жены есть рождение нового человека в жизнь. Последствие поддельного искусства есть развращение человека, ненасытность удовольствий, ослабление духовной силы человека.

Вот это должны понять люди нашего времени и круга, чтобы избавиться от заливающего нас грязного потока этого развратного, блудного искусства (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 574).

Я не менее Льва Николаевича возмущен коммерциализацией и ремесленничеством в искусстве, которые в наше время стали много заметнее и много вредоноснее, чем во времена Толстого. Но все-таки не могу согласиться с его категоричностью. Далеко не случайно, на мой взгляд, что эти мысли высказывает князь, человек, которому не было нужды жить своим литературным трудом. Едва ли точно то же могли

сказать Ф. Достоевский или А. Чехов, или, к примеру, О. де Бальзак, которых кормили именно плоды их творчества. Но кто возьмется хулить эти плоды, взращенные замечательными художниками слова, настоящими мастерами, хотя жизнь заставляла их работать не изредка, а безостановочно, денно и нощно. Но в целом, по большому счету Лев Толстой, конечно же, прав, да и не Бальзака с Достоевским имел он в виду, когда писал о блудном искусстве.

◈ ◈ ◈

Время согласия, прощения и любви, которое должно заменить время раздора, войн, казней и ненависти, не может не наступить, потому что люди знают уже, и несомненно знают, что ненависть губительна как для души, так и для тела, как для личности, так и для общества…

Время это приближается. От нас зависит делать все то, что приблизит его, и удерживаться от того, что удаляет его (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 897).

Если во времена Л. Толстого люди знали, что «ненависть губительна как для души, так и для тела», то как они смогли взрастить в себе такую невиданную ранее ненависть, которая привела их в XX в. к двум мировым войнам?! Возможно, они знали, но знание это не уберегало их от ненависти и не заставило «делать все то, что приблизит время согласия».

Вся человеческая история доказывает, что люди готовы раз за разом совершать одни и те же ошибки, и рост цивилизованности не обеспечивает пропорционального роста человечности в человеке. Мы и сегодня «знаем», что ненависть разрушительна, но культивируем ее на всех уровнях и во всех сферах социальной жизни: в политике, в экономике, в искусстве (насилие на киноэкране), в быту, в семье.

И как бы ни хотелось великим умам человечества предречь приближение «время согласия», оно, как и раньше, бесконечно далеко от нас.

◈ ◈ ◈

Вот этот-то Дембинский раз мне говорит:

- А знаете, какая разница между нами, поляками, и вами, русскими?

- Какая?

- Мы, поляки, каждого мужика хотим сделать барином, а вы – каждого барина мужиком.

В этом была правда, которой я тогда понять еще не мог, но потом я ее понял, когда в семидесятых годах был сделан опыт превращения

интеллигентов в мужиков (Шелгунов Н.В. Воспоминания / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. – М., 1967. –Т. 1. – С. 128).

Правда ли, что поляки мечтали каждого мужика сделать барином, не знаю. Знаю только, что эта задача невыполнима. Куда проще барина превратить в мужика ради такой «высокой» цели, как всеобщее равенство в нищете. Но по исторической логике все должно вернуться на круги своя: либо баре вновь станут господами, либо самые мужиковатые из мужиков со временем превратятся в бар. Последний вариант много хуже первого.

Кстати, по поводу авантюриста Генрика Дембинского. Русский революционный демократ Н. Шелгунов пишет, что жизнь этого польского генерала была «почти вся отдана на служение свободе». Шелгунов глубоко заблуждается. Она была отдана борьбе с Россией: сначала он участвовал в русском походе Наполеона, затем был одним из организаторов Польского восстания 1830–1831 гг., потом в 1849 г. командовал частью войск революционной Венгрии, когда же Россия, оказавшая помощь Австрии, разгромила повстанческие войска, нашел убежище в Турции, а позднее перебрался в Париж. Какой он был борец за демократию и свободу народа, ярко свидетельствуют репрессии, которые он обрушил на народные массы Варшавы, протестующие против консервативной политики «революционного» польского правительства. Видно, польскому шляхтичу покоя не давали воспоминания о временах, когда его предки всласть пановали на Украине, а Россия дала им пинка по одному месту.

◈ ◈ ◈

…Чем проще, глупее и грубее «феномен», тем он вернее удается. Я могу вам рассказать на этот счет, когда-нибудь, такие анекдоты, что животики надорвете от смеху, право! Громадное большинство людей, считающих себя и считающихся умными, глупы непроходимо. Если бы знали вы, какие львы и орлы, во всех странах света, под мою свистульку превращались в ослов и, стоило мне засвистеть, послушно хлопали мне в такт огромными ушами!.. (Блаватская Е.П. // Соловьев Вс. С. Современная жрица Изиды / Вс.С. Соловьев. – СПб., 1904. – С. 198).

Вс. Соловьев, описывающий спиритические фокусы Е. Блаватской, приводит саморазоблачительные откровения последней, сделанные, разумеется, с глазу на глаз.

Эти откровения напомнили мне один эпизод тридцатилетней давности. Я был тогда преподавателем-почасовиком Куйбышевского медицинского института. На одном из семинарских занятий зашел разговор о телепатии. Я высказал сомнения в ее действительном

существовании. Даже, помнится, рассказал случай своей недавней студенческой жизни.

Психологию у нас преподавала молодая и симпатичная ассистентка Валентина Сидорова, малость помешенная на телепатии. Как-то я рассказал о ней своей маме, и в разговоре выяснилось, что она в юности была знакома с ее отцом и всем его семейством. Вооруженный этими знаниями я решил подшутить над Валентиной Евгеньевной. Напустив на себя серьезность и деловитость, я заявил ей, что имею подозрение в наличии у меня некоторых телепатических способностей. Я предложил ей напряженно думать о том, как звали, например, ее дедушку. После нескольких «мучительных» минут ожидания, когда телепатема «всплывет» в моем сознании, я наконец заявил, что его звали Евгением Петровичем. Потом, тем же макаром, я «угадал» имена ее бабушки, дедушки и прадедушки. Разумеется, к великому разочарованию Валентины Евгеньевны, я тут же разъяснил ей природу моих «телепатических талантов».

Через несколько дней студенты группы, в которой состоялся разговор о телепатии, пригласили меня на концерт экстрасенса Иванова. Не хуже Вольфа Мессинга этот артист даже бесконтактно выполнял «приказы» вызванных на сцену зрителей, искал их друзей в зале, совершал разного рода манипуляции с ними и их вещами. (Эти манипуляции связаны с идеомоторными актами и к телепатии отношения не имеют). И вот одна из моих студенток тоже поднялась на сцену. Он спросил, есть ли у нее знакомый в зале. Она ответила, что есть. Потом для избранного из самих зрителей жюри она написала имя и фамилию этого знакомого. Записку, сложенную несколько раз, содержания которой никто не мог видеть, она передала жюри. Члены жюри положили ее перед собой, не раскрывая. Затем, взяв за руку мою студентку, Иванов стал искать в зале ее знакомого. Этим знакомым оказался я.

Экстрасенс предложил мне выйти в центр зала и сосредоточенно проговаривать в уме свое имя. Сам он состряпал примерно такую же рожу роденовского «Мыслителя», как я когда-то перед Валентиной Евгеньевной. Я начал добросовестно повторять свое имя. Не прошло и минуты, как экстрасенс торжественно объявил: «Вас зовут Лев. Правильно?» «Правильно», – отвечал я. Затем тем же способом была выявлена и моя фамилия. Я тоже подтвердил ее правильность. Зал разразился аплодисментами. Правда, залу я не стал объяснять, что повторял не фамилию Сиднев, а фамилию Денисов, которая у меня должна была быть, если бы во времена освобождения крепостных барин своего приказчика Денисова не записал в паспорте как Сиднева. Барин написал не фамилию, а кличку, полученную моим предком в связи с тем, что у него были больны ноги, и он почти не ходил, больше сидел.

Сразу после представления я рассказал об этом своим студентам. Та из них, что принимала прямое участие в этом «опыте», нашла артиста, который уже успел выпить после праведных трудов, и попросила его объясниться. Тот стоял на своем и предложил поспорить на сто рублей, что он может остановить любого прохожего и с помощью телепатии узнать, как его зовут. Я предложил сделать это бесплатно (поддержание своего реноме тоже немалого стоит), но не со случайным прохожим, а с любым из присутствующих здесь и всем нам известным студентом. Но на такой вариант Иванов почему-то не соглашался.

Потом мы общими усилиями сообразили, как устраивался этот фокус. Записка с моим именем и фамилией писалась на стуле, на какой-то дощечке. Потом этот стул, вместе с дощечкой артист унес за кулисы. Видимо, там по следу на этой специальной дощечке он все и прочитал.

Таким образом, я если и не превратился сам в одного из тех ослов, над которыми потешалась Блаватская, зато помог превращению в оных сотен зрителей этой мистификации.

Много позднее в Сухуми мне тоже пришлось принять участие в подобной же мистификации. Поэтому охотно верю словам Е. Блаватской, совсем нетрудно жуликам-мистификаторам превращать людей, казалось бы, неглупых, в вислоухих аплодирующих им ослов.

◈ ◈ ◈

Безбожие – основная из великих религий мира (А. Бирс. Цит. по: Душенко К.В. Большая книга афоризмов / К.В. Душенко. – М., 2001. – С. 34).

Насильственно насаждаемый у нас атеизм никогда не был действительным атеизмом, он был скорее богохульством. Поэтому вчерашние коммунистические бонзы, гонители религии сегодня с легкостью необыкновенной разыгрывают религиозное усердие. От недавнего богохульства наше современное общество идет не к религии с ее действительными ценностями, а к показушной, лицемерной и конъюнктурной религиозности.

◈ ◈ ◈

…Философ, как необходимый человек завтрашнего и послезавтрашнего дня, во всякое время находился и должен был находиться в разладе со своим «сегодня»: сегодняшний идеал всегда был его врагом (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Избр. произведения: в 2 кн. – М.; Л., 1990. – Кн. 2. – С. 249).

Служа всему человечеству и будущему, философ неизбежно вступает в конфликт с соотечественниками и современниками. Поэтому

нет негонимых философов, философ всегда гоним, если он подлинный философ.

◈ ◈ ◈

Даже под гнетом культуры, одержимой историзмом (каковой была немецкая культура на рубеже столетий), философам было свойственно выставлять себя по меньшей мере как цель всего становления, на которую с самого начала ориентируется всё-что-ни-есть: комедия, разыгранная в свое время Гегелем перед замершей от удивления Европой. (Ф. Ницше. Цит. По: Таранов П.С. 150 мудрецов и философов (Жизнь. Судьба. Учение. Мысли) / П.С. Таранов. – Симферополь; Запорожье, 2000. – Т. 2. – С. 761).

Действительно, философов, особенно немецких и в особенности Г. Гегеля, нельзя упрекнуть в излишней скромности. Но в этом они не одиноки: до них себя выставляли целью всего становления богословы, а после них – политики. А «всё-что-ни-есть» их усилиями последовательно направлялось на воплощение Божественной Идеи, торжество Человеческого Разума и, наконец, подчинялось Политическому Интересу.

◈ ◈ ◈

Какой великий философ из бывших до настоящего времени был женат? Гераклит, Платон, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Кант, Шопенгауэр – не были женаты: более того их нельзя даже представить себе женатыми, женатому философу место в комедии, таково мое убеждение (Ницше Ф. Собр. соч. / Ф.Ницше. – М., 1900. – Кн. 2. – С. 91).

Хотя не каждый великий философ был холост (Сократ, Г. Гегель были женаты, но их Ф. Ницше великими не считает), однако процент холостяков среди философов, действительно, довольно высок.

Кстати, список мог бы быть продолжен. Фома Аквинский от грозящих ему семейных уз подался в монахи, а когда братья, желая отвратить его от этой глупости, подсунули ему обнаженную девицу, не то с воплем: «Сатана», сиганул в окно, не то чуть не спалил дом, набросившись на нее с горящим поленом. В общем, вел себя неадекватно ситуации, противоестественно.

Надо думать, приведенное выше убеждение Ф. Ницше основывалось на том, что сам он не был женат. Более того, его личный опыт общения с женщинами можно было бы назвать роковым или даже трагическим. Но что, кроме личного опыта, могло бы свидетельствовать в пользу этого убеждения?

Во-первых, то, что философ должен быть независим, свободен, а полную свободу и независимость дает лишь одиночество.

Во-вторых, то, что женщина по природе своей чужда всякой философии. Философия склонна к сомнению и отрицанию, она часто бывает не от мира сего, а женщина тяготеет к вере и утверждению. Тому, кто дает жизнь, неуместно сомневаться в том, имеет ли она смысл. Природа выбрала женщину как механизм деторождения, а не как генератор философских идей. Замечено, что женщина вообще не в ладах с логикой (пресловутая женская логика – это всего-навсего отсутствие всякой логики), тем более не в ладах она с рефлексирующей мыслью. Понятно, что иметь рядом с собой чуждое философии существо философу, мягко говоря, не очень удобно.

В-третьих, философ поднимается над всем обыденным, его философия порой бросает вызов современной морали и общепринятым нормам. Сократ имел двух жен да еще и был бисексуалом, впрочем, это тогда не считалось грехом. Хотя и по иным основаниям, но его обвинили в аморализме. Если все общество придерживается норм моногамии, для философа почти необходимо будет проповедовать полигамию. Скажите на милость, какой жене это придется по вкусу?

Однако у мыслящего человека, коим, конечно же, должен быть философ, тем более великий, всегда найдется выход из стеснительного положения. Тот же Сократ будет уверять себя и других, что сварливая жена приучает его к терпимости, да и вообще: женишься ты или нет – все равно раскаешься. Диоген вместо жены заведет себе сожительницу (как только помещались они в той самой бочке?), воспитает ее в духе кинической философии и будет с ней прилюдно заниматься любовью.

Дж. Беркли, как все мыслители, любил одиночество. Однако ни любовь к одиночеству, ни сан епископа не помешают ему жениться и иметь семерых детей. Хотя жену он избрал образованную и любившую чтение, в качестве свадебного подарка преподнес ей прялку, желая, надо думать, указать ей свое место: пусть сидит за прялкой или чтением, создает семейный уют, ублажает мужа, рожает детей, тогда времени на то, чтобы отвлекать супруга от философских размышлений, у нее не останется. Г. Гегель имел внебрачного ребенка, следовательно, семейные узы не слишком ограничивали его свободу. И таких примеров можно привести великое множество.

Так что не будем приписывать великому философу обязательное безбрачие, он, как все великие, шире рамок, в которые его тщатся поместить.

◈ ◈ ◈

Без слепых учеников ни человек, ни его дело никогда еще не приобретали сильного влияния на других людей. Для содействия победе какой-нибудь истины очень часто нужно так сблизить ее с глупостью,

чтобы последняя своей тяжестью доставила перевес первой (Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше // Собр. соч. – М., 1901. – С. 128).

Нет нужды специально сближать истину с глупостью. Гениальная мысль, проникая в сознание широких масс, неизбежно искажается, опошливается и мельчает. Но именно в таком и только в таком виде она становится руководством к действию и обретает достаточно дури, чтобы крушить всё и вся.

◈ ◈ ◈

…Какое дело женщине до истины, ничто с самого начала не было столь чуждо, противно и враждебно женщине, как истина. Ее величайшее искусство есть ложь… Разве когда-нибудь женщина признавала в другой женщине глубину ума или сердце, полное справедливости? И разве неправда, что в общем до сих пор с наибольшим презрением «к женщине» относилась женщина же, а вовсе не мы? (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Избр. произведения: в 2 кн. – М. ; Л., 1990. – Кн. 2. – С. 269).

Второе утверждение неоспоримо, признать его справедливость заставляет опыт каждого из нас. Но первое, на мой взгляд, тоже недалеко от истины. Женщина вообще более склонна к слепой вере, нежели к истинному знанию. Не потому ли прихожанок любой церкви на порядок больше, чем прихожан? Такое качество ума, как критичность, заставляющее мучительно искать истину, высоко ценить ее, но не настолько, чтобы превращать в догму, женщине несвойственно.

Исканию истины вредит субъективизм, от которого не может отрешиться даже самая умная женщина. Именно эта черта ее характера мешает женщине быть хорошим руководителем: вместо объективной оценки своих подчиненных она часто переходит на личности, оценивает не то, какой это работник, а то, как он с ней поздоровался.

К тому же истина порой жестока, она рушит воздушные замки самообмана, а женщина часто живет иллюзиями, они ей дороги. Нужно иметь известное мужество, чтобы согласиться *знать* истину, я не говорю уже о том, чтобы ценою жизни отстаивать ее. Судьба Джордано Бруно, Джулио Ванини и Мигеля Сервета – это мужская судьба, представить женщину, идущую на смерть ради истины, невозможно.

И наконец, поиск истины предполагает ясность мысли, правильность, логичность мышления, а с логикой женщина не в ладах. Пресловутая женская логика, если называть вещи своими именами, ни что иное, как глупость.

◈ ◈ ◈

Основное верование всех аристократов – что чернь лжива. «Мы правдивые», так называли себя аристократы древней Греции (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Избр. произведения: в 2 кн. – М. ; Л., 1990. – Кн. 2. – С. 300).

В свете этой мысли украинские политические лидеры – это аристократы наполовину. Они тоже говорят: «Мы правдивые», но в отличие от аристократов древней Греции правдивыми не являются. Современный политик и правдивость – понятия практически несовместимые.

◈ ◈ ◈

...Жизнь и есть – жажда власти. Однако общее европейское сознание особенно упорно не желает принимать к сведению именно это положение; все бредят теперь, и даже под научными соусами, общественными условиями будущего, где не будет эксплуатации; в моих ушах это положение звучит так, точно хотят изобрести жизнь, лишенную всех органических функций. «Эксплуатация» присуща не непременно испорченному или несовершенному и примитивному обществу как органическая основная функция, она является сущностью всего живого, следствием действительной жажды власти, которая и есть – жажда жизни (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Избр. произведения: в 2 кн. – М. ; Л., 1990. – Кн. 2. – С. 300).

Это блестящий, талантливейший пример подмены понятий, основывающийся на диалектическом единстве всего сущего, даже противоположностей. «Жажда жизни есть жажда власти», – громогласно заявляет Ф. Ницше. Это ложь. Жажда жизни, конечно, может быть сведена к жажде власти, но это отнюдь не единственное и, думаю, не лучшее ее проявление.

Ф. Ницше мог бы возразить, что жажда власти может примешиваться и к другим проявлениям жизни. Например, человек хочет любви, и желание это легко реализуемо, если у него есть власть над объектом любви. Или человек ищет славы – кратчайшим путем к ней является власть. Или человек жаждет творчества – если у него есть власть, он творит без оглядки и сметает любое препятствие на своем пути.

Все это так, но это не превращает любовь, славу и творчество в одну сплошную власть. Более того, любовь, слава и творчество, обретенные через насилие власти, становятся неподлинными и недолговечными.

«Эксплуатация есть сущность всего живого», – утверждает Ф. Ницше. Это расширительная трактовка эксплуатации. Ф. Ницше как бы говорит: «Людям свойственно присваивать себе труд других, по природе

своей все они жулики. И это очень хорошо, очень жизненно и отвечает интересам прогресса». И здесь есть большая доля истины: история, действительно, до сих пор не знала и не знает обществ, свободных от эксплуатации, история есть смена форм эксплуатации. Однако нельзя не заметить, что в историческом своем развитии эксплуатация становилась все менее жесткой, грубой, откровенно несправедливой. Видимо, из этой тенденции социалисты и вывели возможность ее окончательного преодоления по мере дальнейшего совершенствования общества. Путем словесной эквилибристики или путем объяснения общественной жизни законами животного мира эти идеи не опровергнуть, у них слишком авторитетные фундаторы от Адама Смита до Карла Маркса.

И еще, не будет открытием сказать, что к власти более всего рвутся бездари и негодяи, это их единственный способ выжить и выдвинуться. Это в их сознании жажда жизни может ассоциироваться с жаждой власти. Великому гению, который самодостатоточен, которому для величия нет нужды насиловать людей, власть либо не нужна, либо нужна только для целей благородных. Но реализация таких целей – это всегда тяжкое бремя. Великий гений это понимает, поэтому не испытывает жажды власти.

◈ ◈ ◈

Благодаря болезненному отчуждению, возникшему и еще возникающему между народами Европы вследствие националистического безумия, благодаря в особенности близоруким и слишком проворным политиканам, которые с его помощью берут верх и вовсе не подозревают того, что та разъединительная политика, которую они ведут, может быть только промежуточной – благодаря всему этому и чему-то в наше время совершенно невыразимому не замечаются или произвольно и ложно истолковываются самые недвусмысленные симптомы, показывающие, что Европа стремится к объединению (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Избр. произведения: в 2 кн. – М. ; Л., 1990. – Кн. 2. – С. 293).

Ф. Ницше в конце XIX в. увидел симптомы, которые привели через столетие Европу к объединению. В. Ленин несколько позднее тоже разглядел эти симптомы, только объявил их реакционными: «На современной экономической основе, т. е. при капитализме, – писал он в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы», – Соединенные Штаты Европы означали бы организацию реакции для задержки более быстрого развития Америки». То есть, по В. Ленину, капиталистические Соединенные Штаты Европы – это плохо, а социалистические – это хорошо. А того лучше социалистические Соединенные Штаты мира.

Как бы там ни было, но и Ницше, и Ленин видели объединительные тенденции в Европе, хотя по-разному их оценивали. Ф. Ницше не

задумывался о причинах найденных им «симптомов», В. Ленин узрел их в стремлении европейских государств «дружить» против Америки.

Против кого же сегодня «дружит» объединенная Европа? Хотя об этом никто не решается говорить открыто, но, конечно же, прежде всего против США, которые после распада Советского Союза весь мир объявили зоной своих национальных интересов. Дело дошло до того, что Америка сочла возможным по своему разумению, с помощью самолетов и бомб, наводить порядок в Европе. В свою очередь, Соединенным Штатам Америки очень бы хотелось, чтобы Европа дружила против России. Сегодняшняя политика США, этого самого могущественного государства современного мира, коротко говоря, сводится к принципу «разделяй и властвуй». Объединение Европы вовсе не приводит в восторг США, поэтому они навязали ей Польшу, которая в угоду Америке будет разлагать Европу изнутри. Англия же, в силу историко-генетического родства с Америкой, традиционно представляет ее интересы на европейском континенте.

Более всего Америка боится союза объединенной Европы с Российской Федерацией, т. е. соединения современных технологий Европы с громадными сырьевыми ресурсами России. Поэтому когда россияне щелкнули по носу европейцев в их устремлении «по-братски» распорядиться российскими нефтью и газом, в Вашингтоне так обрадовались, что сняли все свои барьеры к вступлению России в ВТО.

Решусь на прогноз: если Россия и дальше будет держать старушку Европу на голодном пайке, не позволит ей разжиреть на дешевом сырье, тогда Америка сдаст России и Грузию, и Украину, в которых недавно, в полном согласии со своим главным политическим принципом, «подняла народ» на фруктово-цветочные революции и привела к власти своих марионеток. Разлад между Россией и Европой ей много важнее конфронтации между бывшими советскими республиками.

К тому же Америка испытывает глубокое разочарование в результатах ею же спланированных «революций», не только потому, что приведенные к власти политические силы передрались между собой как пауки в банке, но и потому, что на деле эти «революции» оказались только выгодны России. (В. Путин, на словах и не более, поддержал В. Януковича на президентских выборах. Можно ли то же сказать о российских олигархах, заинтересованных в том, чтобы не давать Украине газ и нефть по бросовым ценам? Один из них уже признался, что потратился на оранжевую революцию). Теперь россияне могут без стеснения заявить братьям украинцам и друзьям грузинам: «братство братством, дружба дружбой, а табачок врозь» и установить для них не братские и не дружеские, а мировые цены на нефть и газ.

Вообще, ныне у России открываются блестящие перспективы собственной игры. Она может шантажировать Америку угрозой тотального сближения с Европой, Европу – переориентацией на Америку. Ту и другую –перспективой союза с Китаем. Последний вариант, должно быть, видится политическим стратегам в Старом и Новом свете только в кошмарных снах. А есть еще исламские страны, часть которых, как и сама Россия, сидят на нефти. Россия активно стремится объединить в некий синдикат эти страны, разумеется, надеясь на роль главного менеджера этого синдиката. Если этот замысел будет осуществлен, вес России в современном мире возрастет колоссально.

Россия сегодня – это поезд, об отправлении которого уже сделано объявление, кое-кто купил билет и сидит в вагонах, кому-то придется в последний момент прыгать на подножку, а кто-то с разинутым ртом останется куковать на перроне.

◈ ◈ ◈

Мыслитель, у которого лежит на совести будущее Европы, при всех планах, которые он составляет себе относительно будущего, будет считаться с евреями, – и с русскими, – как с наиболее верными и вероятными факторами в великой борьбе и игре сил (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Избр. произведения: в 2 кн. – М. ; Л., 1990. – Кн. 2. – С. 287).

Ф. Ницше предрекает выдающуюся роль евреев и русских в будущем Европы, действительность пошла еще дальше, соединив их в роковых событиях XX в. Октябрьская революция в России была вдохновлена евреями, из них процентов на восемьдесят, а то и на девяносто состояло первое большевистское правительство. Даже ее вождь с калмыцким лицом по материнской линии принадлежал к этой нации. Следовательно, роль евреев в русской революции трудно переоценить. В свою очередь, трудно переоценить роль самой этой революции в судьбе Европы, да и всего мира. Вот вам одно из подтверждений справедливости этой мысли Ф. Ницше. Следующее подтверждение этой мысли – Вторая мировая война, начатая немцами под лозунгом борьбы с евреями и большевистской Россией и закончившаяся разгромом фашистской Германии, разгромом, в котором вклад России был определяющим.

Будет ли эта мысль оправдываться и в дальнейшем? Думаю, да. Евреи в современной России, хотя и не имеют той политической власти, которую имели после октября 1917 г., однако завладели огромной экономической властью, которая не может не влиять на политику страны. А есть еще Америка, в которой семиты находятся у руля как экономической, так и политической власти. Так что судьба не только Европы, но и всего мира во многом находится в руках двух этих народов.

◈ ◈ ◈

Немцы хотят, при помощи художника, возбудить в себе и пережить воображаемую страсть; итальянцы хотят, при помощи художника, успокоить свою действительную страсть; французы хотят воспользоваться художником, чтобы доказать свое суждение и иметь повод к речам (Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках / Ф. Ницше. – Свердловск, 1991. – С. 104).

Русским их художник для собственного употребления не нужен. Но он может быть полезен для того, чтобы доказать немцам, итальянцам и французам, что русские не так дики, как те о них думают.

◈ ◈ ◈

В 1547 году Иван IV отрядил в Германию саксонца Шлитте и повелел ему привезти в Москву на царскую службу мастеров всяких специальностей и ученых мужей. Шлитте выполнил царский приказ и через некоторое время собрал более ста человек, с которыми и хотел вернуться в Москву. Но магистр Ливонского ордена… указал императору Карлу на опасность, могущую возникнуть для Ливонии и соседних германских государств, если Московская империя перейдет от варварства к культуре. Германский император с этим согласился, и ливонскому магистру было приказано… не дать ни одному мастеру или ученому перейти русскую границу (Степняк-Кравчинский С.М. Соч.: в 2 т. / С.М. Степняк-Кравчинский. – М., 1987 – Т. 1. – С. 335).

История показательная: Европа никогда не была заинтересована в культурном развитии своего восточного соседа. Не была она заинтересована и в либерализации, и в демократизации России. Что же изменилось в этом отношении со времен Ивана Грозного? Да ничего!

◈ ◈ ◈

Как можем мы решить восточный вопрос, когда нам нельзя с чистой совестью поднять своего знамени, на котором написано: национальная, гражданская и религиозная самостоятельность и свободное развитие всех народов христианского Востока… Великая нация не может спокойно жить и преуспевать, нарушая нравственные требования. И пока в России из фальшивых политических соображений будет продолжаться система насильственного обрусения на окраинах, пока, с другой стороны, миллионы русских подданных будут насильственно обособляемы от прочего народа и подвергаемы новому виду крепостного права, пока система уголовных кар будет тяготеть над религиозным убеждением и система принудительной цензуры над религиозною мыслию, – до тех пор Россия во всех своих делах останется

нравственно связанною, духовно парализованною, и ничего, кроме неудач, не увидит. (Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. – М., 1989. – Т. 2. – С. 210–211).

Так объяснял В. Соловьев причины того, что Россия, победив Турцию в борьбе за освобождение из-под ее ига славянских народов, ничего не приобрела в результате этой победы. Грандиозные и благородные внешнеполитические устремления России, по мнению В. Соловьева, были обречены на провал, потому что находились в вопиющем противоречии с внутренним далеко не благородным полукрепостническим состоянием России. Потому «горе победителям», которые способны разгромить врага, но не способны воспользоваться плодами своей победы и сами остаются за пределами стола, обильно уставленного яствами, ими же и приготовленными.

У современной Америки все наоборот: она еще может похвастаться внутренними демократическими достижениями (правда, с каждым годом все меньше и меньше), зато на внешнеполитической арене она действует способами, не имеющими с гуманизмом, либерализмом и демократией ровном счетом ничего общего. От либерализма и демократизма у современной Америки в ее внешней политике остались только пропагандистские лозунги, фарисейству которых может верить только тот, кто по-детски наивен или по каким-то причинам не желает видеть правду.

◈ ◈ ◈

Как русская изящная литература, при всей своей оригинальности, есть одна из европейских литератур, так и сама Россия, при всех своих особенностях, есть одна из европейских наций. Противоречащий этому тезис Данилевского о нашей внеевропейской культурной самобытности никаким прямым доказательством не подтверждается. (Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. – М., 1989. – Т. 1. – С. 352).

Во-первых, многонациональную Россию никак нельзя сводить к европейской нации, даже на европейской ее территории компактно живут отнюдь не только европейские народы. Россию, конечно, и территориально, и исторически, и культурно нельзя совершенно обособить от Европы, но невозможно и свести к ней. Самым ярким доказательством нашей внеевропейскости является то неприятие России, тот почти животный страх перед ней, который испытывает Европа, несмотря на все потуги В. Соловьева и прочих западников доказать, что Россия – рядовая европейская держава, ничем не отличная от любой другой, а если и отличная, то только в худшую сторону.

◈ ◈ ◈

Пока мы нравственно связаны и парализованы, всякие наши собственные стихийные силы могут быть нам только во вред. Самый существенный, даже единственно существенный вопрос для истинного, зрячего патриотизма есть вопрос не о силе и призвании, а о «грехах России». (Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. – М., 1989. – Т. 1. – С. 396).

Безусловно, без критического взгляда на себя, на свое историческое прошлое и настоящее, на свои «грехи» не может быть «истинного, зрячего патриотизма». Но взгляд на себя не может быть односторонним, устремленным исключительно на «грехи». Нужно видеть и «безгрешное», иначе для борьбы с «грехами» не будет никакого прочного основания. Готов согласиться с Б. Окуджавой: «Из грехов нашей Родины вечной не сотворите кумиров себе». Но если совершенно отрицать «силу и призвание», то можно увязнуть в «грехах». Тогда рано или поздно на смену «зрячему патриотизму» придет бесплодное самобичевание и даже ненависть к своему Отечеству.

◈ ◈ ◈

Люди по своей природе больше склонны к нападению, чем к обороне, ибо они обладают в качестве врожденной инстинктивной наклонности сильно развитым чувством агрессивности (З. Фрейд. Цит. по: Денисов В.В. Социология насилия / В.В. Денисов. – М., 1975. – С. 39).

Человек – всеядное животное, питается как растительной, так и животной пищей, потому в нем сочетаются инстинкты травоядных и хищников, доброжелательность и агрессия. Но так как благодаря интеллекту он возвысился над остальными видами животных, то превратился в самого страшного хищника, ни в чем не встречающего должного отпора. Природа сегодня вынуждена обороняться от человека, она, похоже, заинтересована в сокращении поголовья человеческого рода. Средствами к тому выступают эпидемии от гриппа до СПИДа, разного рода природные аномалии и катастрофы и, наконец, ни с чем несравнимая агрессивность людей по отношению к себе подобным.

◈ ◈ ◈

Нам только кажется, что мы отдельные существа, как кажется каждому цветку на яблоне, что он отдельное существо, а все они – только цвет одной яблони и все произошли от одного зародыша (Ф.А. Страхов. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 63).

Конечно, каждый человек есть часть целого, а оно, в свою очередь, всего лишь часть еще большего целого. Но в тоже время человек отличается от этого целого своею самостью, единичностью и уникальностью. И ценен он более всего своеобразием своим, потому что только им он может внести какую-то лепту в развитие и совершенствование того целого, к которому принадлежит. Одинаковое, серийное, стандартное особой ценности не имеет, ценен эксклюзив.

◈ ◈ ◈

Жизнь. Понимаю ее все меньше и меньше и люблю ее все больше и больше (Ж. Ренар. Цит. по: Ларец острословов / [сост. Г.П. Лобарев] – М., 1991. – С. 211).

О себе могу сказать нечто прямо противоположное: узнаю жизнь все больше и больше, а люблю все меньше и меньше.

◈ ◈ ◈

Философия с логикой не должна иметь ничего общего; философия есть искусство, стремящееся прорваться сквозь логическую цепь умозаключений и выносящее человека в безбрежное море фантазии, фантастического, где все одинаково возможно и невозможно. (Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М. – 2000. – С. 474).

В моем понимании философия – это область гипотетического знания, в центре внимания которого стоят мировоззренческие вопросы. Формальная логика не есть гипотетическое знание, поэтому вполне возможно выводить такую дисциплину, как логика, за рамки современной философии. Во всяком случае, я не стал бы спорить с теми, кто полагает, что логика выделилась из философии, превратилась в самостоятельную науку. Но я не могу полностью согласиться с теми, кто объявляет философию искусством. Философия не только искусство, но и наука (хотя и весьма особенная, отличная от других наук). И как наука она не может порывать с логикой, не может быть алогичной.

◈ ◈ ◈

...Мудрые и ученые оказываются еще более слабыми и беззащитными, чем глупые и невежественные. Ибо мудрость и знание не только видят бренность и скоропреходящесть всего существующего, но понимают, что иначе и быть не может и потому всё навсегда таким и останется, чего глупые и невежественные люди и не подозревают

(Л. Шестов. Цит. по: Зеленкова И.Л. / И.Л. Зеленкова, Е.В. Беляева // Этика. – Минск., 1997. – С. 222).

Мудрость и знание чаще рождают пессимизм, ведущий к бездеятельности, нежели оптимизм, с которым, согласитесь, больше дружны профаны и невежды. Так что, эта мысль Л. Шестова может конкурировать с блестящим изречением Ф. Бэкона «Знание – сила». Это у них, на Западе, знание – сила, у нас же всё всегда наоборот: от ума – горе, от знания – скорая старость. Это у нас нелишенное смысла рассуждение вызывает вопрос: «Ты что, самый умный?» или совет: «Не умничай». Да и вообще «умом России не понять», а Украины тем более.

Впрочем, у мудрости есть куда большее основание быть беззащитной, чем то, о котором говорит Л. Шестов. Мудрость, как правило, благородна, честна и нравственна, глупость и невежество нахраписты, наглы и не гнушаются никакими средствами. Вот почему для того, чтобы хорошо устроиться в этой жизни, мудрость – скорее помеха, чем реальная помощь, вот почему к власти и богатству у нас прорываются люди отнюдь не семи пядей во лбу.

◈ ◈ ◈

Китай довел до совершенства позитивное созерцание, но позитивного действия, всей прикладной технической стороны, положительного знания недоставало Китаю… Пока Европа противопоставляла скверным китайским пушкам свои лучшие, она побеждала, и эта победа казалась торжеством культуры над варварством. Но когда сравнялись пушки, то и культуры сравнялись. Оказалось, что у Европы ничего и не было, кроме пушек, чем бы она могла показать свое культурное превосходство над варварами (Мережковский Д. Больная Россия / Д. Мережековский. – Л., 1991. – С. 17).

Пренебрежение и даже вражда, которую Европа демонстрировала и до сих пор демонстрирует к Азии, основана на ложном чувстве собственного культурного превосходства и отнесению всего того, что не относится к европейской культуре, к варварству. Надо сказать, что Азия, в лице того же Китая, отвечала ей взаимностью, полагая, что варварами являются европейцы.

Россию Европа давно отнесла к Востоку, к Азии и не только не радовалась попыткам русских прорубить окно в Европу, но возмущалась и негодовала, воспринимая как нарушение законного порядка, сложившегося статус-кво.

Но особенность России состояла в том, что она никогда не относила себя к Востоку и если видела в себе черты азиатчины, то стремилась их изжить. Во всяком случае, такое стремление было свойственно русской

интеллигенции, в которой доминировали западнические настроения. Даже само уничижительное словечко *азиатчина* о многом говорит. Обратите внимание, в русском языке нет соответствующего аналога, выражающего пренебрежение к Европе, нет слова *европейщина*.

И потому Россия никогда не отвечала Европе теми же чувствами, которая Европа испытывала к ней, не отвечала презрением и враждой. Такое странное, неадекватное отношение было европейцам непонятно, оно настораживало, заставляло подозревать какой-то подвох, какое-то изощренное коварство и, в конечном счете, разжигало еще большую неприязнь. Если бы Россия отвечала Европе взаимностью и на каждую оплеуху отвечала мощным ударом кулака, она стала бы для европейцев ясна и понятна, заставила бы себя уважать, с собою считаться и у многих породила бы желание с нею сотрудничать и дружить. Тогда Европа не на словах, а на деле признала бы за Россией статус полноценной европейской страны, имеющей к тому же преимущество своего особого положения: быть связующим звеном между Западом и Востоком.

◈ ◈ ◈

Леонид воспринимал мысль, как «злую шутку дьявола над человеком»; она казалась ему лживой и враждебной. Увлекая человека к пропастям необъяснимых тайн, она обманывает его, оставляя в мучительном и бессильном одиночестве пред тайнами, а сама – гаснет (Горький М. Собр. соч.: в 18 т. / М. Горький. – М., 1963. – Т. 18. – С. 117).

Человеческий разум, который единственно отличает человека от животного, несет в себе начало глубоко трагическое, связанное с осознанием конечности человеческого бытия, смертности человека. Животное счастливо своим неведением, человек этого счастья лишен. Потому вопреки разуму, подавляя и заглушая его доводы, он измыслил религиозную сказку о бессмертии человеческой души. Суровой правде о смерти человек противопоставил безрассудную иллюзию бессмертия. Религиозная вера – это бунт против рационализма, восстание против разума.

Леонид Андреев утверждал, что мысль – болезнь материи. Так это или нет – не знаю, но с чем безусловно соглашусь, так это с тем, что действительность нашего отечества всегда давала немало поводов считать разум несчастьем.

◈ ◈ ◈

Для тебя книга – фетиш, как для дикаря, – говорил он мне. – Это потому, что ты не протирал своих штанов на скамьях гимназии, не соприкасался науке университетской. А для меня «Илиада», Пушкин и все

прочее замусолено слюною учителей, проституировано геморроидальными чиновниками. «Горе от ума» – скучно также, как задачник Евтушевского. «Капитанская дочка» надоела, как барышня с Тверского бульвара (Горький М. Собр. соч.: в 18 т. / М. Горький. – М., 1963. – Т. 18. – С. 111).

Эти рассуждения Леонида Андреева, переданные М. Горьким, кажутся мне довольно типичными. Сам я пережил нечто подобное в студенческие годы, занимаясь под руководством профессоров и доцентов препарированием мировой художественной литературы. Помнится, несколько лет после окончания филологического факультета я вообще ничего не читал. А ведь в детстве моя мама вела со мной почти войну, стараясь ради учебника математики, а то и прогулки на свежем воздухе оторвать от очередного романа.

Недавно с Г. Лютым, замечательным украинским поэтом, мы обсуждали проблему катастрофического падения интереса к чтению у современной молодежи. Он сказал, что и люди старшего поколения сегодня мало читают и сослался на себя. Последнее заявление, думаю, очень относительно: иной мнит себя великим читателем, прочтя в год одну книгу, а другой, будучи редактором литературно-художественного журнала, полагает, что читает мало. Я возразил Григорию Ивановичу, что это естественно, что читать следует прежде всего в молодости, потом человек, если он сам способен творить, должен писать, реализуя тот багаж, который накоплен им, в том числе в процессе чтения художественной литературы.

Но факт есть факт, я тоже сегодня почти ничего не читаю, и не только потому, что занят работой и собственным писанием, но и потому, что так и не смог вполне излечиться от той почти аллергии к чтению, которую привила мне филологическая наука.

◈ ◈ ◈

Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение (Ленин В.И. Философские тетради / В.И. Ленин // Полн. собр. соч., Т. 29. – С. 317).

Ключевым словом в законе единства и борьбы противоположностей для В. Ленина было слово «борьба», тогда как для Г.Гегеля – «единство». Оптимальным путем разрешения любого противоречия Ленин считал не примирение противоположностей, как Гегель, а победу одной из противоположных сторон. К. Маркс свое представление о счастье выразил одним понятием – борьба. В. Ленин тоже всегда стремился ввязаться в

бой, в драку, в мордобой. Толерантность и компромисс – это не для них, не для марксистов. Сколько пылких слов сказали они в прославление классовых битв и революций, но если вдуматься, то станет ясным, что такая позиция неконструктивна, односторонняя и даже недиалектична.

На мой взгляд, вообще не может быть ни материалистической, ни идеалистической диалектики. Подлинная диалектика – это не «либо то, либо другое», а «и то, и другое в их единстве», это сочетание, органическая взаимосвязь противоположностей. Наука и философия должны уйти, и чем скорее, тем лучше, от противопоставления материи и сознания, от попыток объявить одно из начал первичным и определяющим, а другое – вторичным и определяемым. Я убежден, что действительная диалектика несводима к ее идеалистическому или материалистическому варианту и должна пониматься как синтез философских антиномий.

Поиски третьей линии в философии В. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» клеймил как уступку поповщине. Я же думаю, что это единственно перспективное направление современной философской мысли.

◈ ◈ ◈

Вот еще по поводу русского духа я хотел указать: не задумывались ли вы, какое ужасное значение должна иметь для него привычка к матерной ругани, которую искони смердела русская земля? Притом с какой артистической изощренностью, – можно прямо целый сборник из народного творчества об этом составить. И бессильна против этого оказалась и церковь, и школа. С детьми и женщинами тяжело было по улице ходить в провинциальных городах наших. Кажется, сама мать-земля изнемогает от этого гнусного непрестанного поругания. Мне думается теперь, что если уж искать корней революции в прошлом, то вот они налицо: большевизм родился из матерной ругани, да он, в сущности, и есть поругание материнства всяческого: и в церковном, и в историческом отношении. (Булгаков С.Н. На пиру богов / С.Н. Булгаков // Из глубины: сборник статей о русской революции. – М., 1991. – С. 320–321).

Один из героев горьковского «Клима Самгина» так объясняет происхождение русского мата, он, дескать, явился из приветствий: встречает Илья Муромец своего сына на поле брани и говорит ему о том, что они не чужие, что он близко знаком с его матерью.

О чем же свидетельствует эта исконная привычка к матерной брани? Может быть, в ней есть какой-то положительный смысл? Чем зарезать брата в междоусобной распре, столь характерной для нашей истории, не лучше ли покрыть его трехэтажным матом? Мат – это форма общения

между сородичами, замещающая худшую форму общения – братоубийственную войну; поле брани заменяется словоизвержением, дающим разрядку чрезмерным эмоциям. Вот только плохо, возможно не замещение одного другим, а совмещение того и другого: матерной брани и кровавой драки, а то и смертоубийства.

Стоит отметить, что во времена С. Булгакова было совестно с детьми и женщинами ходить по улицам провинциальных городов. Теперь совсем другое дело, можно спокойно ходить и по провинциальным, и по столичным городам. К мату везде привыкли; ни женщин, ни детей он не смутит, они и сами научились на нем общаться.

Что же касается большевизма, то он, если и не родился прямо от матерной ругани, был ей духовно и социально близок. Ядреное матерное слово прекрасно воплощалось в пролетарском деле.

...Фрэнк уже с юных лет умел наживать деньги. Он собирал подписку на журнал для юношества, работал агентом по распространению нового типа коньков, а раз даже соблазнил окрестных мальчишек объединиться для закупки себе к лету соломенных шляп по оптовой цене. О том, чтобы сколотить капитал бережливостью, Фрэнк и не помышлял. Он чуть не с детства проникся убеждением, что куда приятнее тратить деньги не считая и что этой возможности он так или иначе добьется. (Драйзер Т. Финансист // Собр. соч.: в 12 т. – М., 1955. – С. 21).

Давно, еще в брежневские времена, в каком-то периодическом издании я читал статейку об американском мальчике-миллионере, который разбогател на разведении уток. Автор статьи желчно критиковал общество, идеалом которого является доллар, лил обильные слезы о загубленном детстве и деформированной накопительством душе этого самого мальчика. Я же думал: неужели детям лучше слоняться по улицам и крутить собакам хвосты?

В замечательной стране Советов подрастающее поколение могло, конечно, заниматься и чем-то более возвышенным. Я, например, в детские годы ходил в драматический кружок Дворца металлургов. Клавдия Андреевна, наш режиссер, пророчила мне блестящее актерское будущее. Основания у нее для этого были: играл я неплохо и был лауреатом конкурса чтецов. В спектакле «Честное пионерское» я исполнял главную роль пионера Леши, который приехал на каникулы в деревню к своему дяде. Дядя этот оказался… куркулем: выращивал клубнику и продавал ее в городе. Леша повел с ним идейную борьбу, развернул политическую агитацию. (Сей театральный шедевр появился после партийного съезда, на

котором Никита Хрущев обещал через двадцать лет коммунизм в отдельно взятой стране).

«Зачем тебе деньги копить, скоро и деньги-то отменят?» – укорял сознательный пионер несознательного родственника. На что тот лукаво отвечал: «Ну, отменят или не отменят это мы, Лешенька, еще посмотрим, а сейчас они карман не протрут».

На одну из очередных постановок этой пьесы я пригласил свою маму. А дважды до этого у меня был конфликт с Сашкой Бодаевым, тоже участником спектакля. Леша организовал против дяди команду местных пионеров и октябрят, за что дядя посадил его «под домашний арест». Команда явилась его спасать, пилить ножовкой решетку на окне. Леша же произносил монолог, начинавшийся словами «сижу за решеткой в темнице сырой, вскормленный в неволе орел молодой». Далее следовали обличительные слова, которые казались мне весьма значительными, но Сашка не давал их произнести: появлялся в окне раньше времени. Я ему раз объяснил – бестолку. На другой раз я поймал его за кулисами и сказал примерно следующее: если он еще раз вылезет не там, где следует, я ему так дам, что в три дня от стенки не отскребется.

И вот дошло дело до моего блестящего монолога, я встал в соответствующую позу, раскрыл было рот… и тут услышал голосок Бодаева: «Леха, привет!»

Первый момент меня захлестнул гнев, но потом вдруг стало неудержимо смешно. Я повалился на диван и начал хохотать. Слава Богу, в это время мои «спасители» отпускали какие-то плоские шуточки относительно решетки, и мой смех можно было принять за реакцию на них.

После спектакля, уже дома мама рассказала мне об одной женщине, которая сидела рядом с ней, очень переживала за дядю и негодовала против Леши: «Ну что он к нему пристал, чего он плохого сделал?» Но о моей игре она отпустила следующее замечание: «Артист он и есть артист! Совсем не смешно, а он вон как заливается».

Времена переменились на прямо противоположные. У нас иначе и быть не может, золотой середины мы не признаем. Вчерашние спекулянты называются бизнесменами, а со второго класса в украинской школе преподаются «Начала экономики».

Наш современный бизнес далек от какой бы то ни было цивилизованности и, думаю, еще долго будет таковым. И не только потому, что в недавнем прошлом советский народ ожидал отмены товарно-денежных отношений в коммунистическом раю. Становлению экономической культуры мешает ментальность, истоки которой в далеком прошлом. Украинская культура – это культура хуторянская. Ее девиз: «Моя хата с краю». В Украине еще сотню лет назад господствовало

натуральное хозяйство. Раз в год излишки этого хозяйства за десятки верст свозились на ярмарки, вроде Сорочинской. Случайный продавец не нес ответственности за свой товар, очень показательна в этой связи байка о продаже надутой коровы. Торговля с точки зрения отечественной ментальности – это жульничество.

Не способствовали экономической культуре и утвердившиеся на Украине православие и католицизм. В отличие от протестантизма, они негативно оценивают богатство, независимо от его происхождения, хотя бы даже и сравнительно честного, обретенного собственным трудом. Рассуждения о птичках небесных, которые не сеют, не жнут, а припеваючи живут, о том, что скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый обретет царствие небесное, муссируются православием и католицизмом. Это сказывается на деловой активности наших людей, особым усердием они спокон веку не отличались. Ну и, наконец, наше рабское прошлое и всегдашняя незаинтересованность в результатах своего труда едва ли могут способствовать формированию чувства хозяина, без которого, на мой взгляд, не может быть эффективной экономики.

Так что Френков Каупервудов, магнатов капиталистического будущего, наша школа вряд ли подготовит. Тем более, что личность воспитывается личностью, а личность нашего учителя, тем более учителя начальной школы, к экономике имеет весьма косвенное отношение. Поэтому преподавание начал экономики будет, вероятно, осуществляться по принципу «не умеешь сам – научи другого».

◈ ◈ ◈

Все признают, что философия переживает тяжелый кризис, что философствующая мысль зашла в тупик, что для философии наступила эпоха эпигонства и упадка, что творчество философское иссякает… В конце концов все возможные типы и комбинации философской мысли уже испробованы и гениально были выражены. Нового почти ничего нельзя уже выдумать (Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М., 1989. – С. 17).

Мысль верная, если под философией понимать науку. И мысль неверная, если не сводить философию к науке, а разуметь под ней, во-первых, форму гипотетического знания, хотя и опирающегося на конкретику частных наук, но идущего впереди этих наук, а во-вторых, способ мировоззренческого определения личности, способ личностного решения альтернативных проблем бытия.

В первом разумении философия будет «оживать» всякий раз, когда естествознание или обществоведение будут потрясены очередным кризисом, столкнутся с необходимостью пересмотра мировоззренческих оснований. А во втором, она всегда будет необходима мыслящему

человеку, поскольку его не могут не волновать проблемы сущности бытия, смысла и цели жизни, добра и зла, свободы и ответственности. Говорить о смерти философии как развивающегося знания можно будет только тогда, когда окажутся исчерпанными все тайны мира. Но могут ли они когда-либо быть исчерпаны!?

◈ ◈ ◈

В то же время роль гносеологии можно сравнить с функцией полицейской. Она составляет протоколы, следит, чтобы не был нарушен философский порядок, не пускает, тащит в участок. Столь исключительное торжество лакейско-полицейских начал в философии становится утомительным и оскорбительным (Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М., 1989. – С. 31).

То ли еще будет, когда сталинский режим превратит философию в карательную «науку», сделает из нее инструмент идейной расправы с инакомыслием. Под ударами политизированной философии в СССР падут не только школы идеалистической философии, но и целые отрасли современного научного знания: генетика и кибернетика.

◈ ◈ ◈

Соблазн змеиного, люциферианского знания не потому греховен, что знание греховно, а потому, что соблазн этот есть незнание, так как знание абсолютное дается лишь слиянием с Богом. Неблагодатный гнозис есть знание лжеимянное, призрачное, обманчивое. Вступив на путь зла, люди стали не богами, а зверями, не свободными, а рабами, попали во власть закона смерти и страдания (Бердяев Н.А. Философия свободы/ Н.А. Бердяев. – М., 1989. – С. 137).

Если отбросить религиозный формат этой мысли, то получим идею о том, что знание, порывающее с добром и гуманизмом, не есть действительная ценность. Такое знание таит в себе угрозу деградации и гибели человека, стремление к такому знанию само по себе есть зло.

Даже такая великая цель, как истинное знание, не может оправдывать любые средства ее достижения. В конечном счете тот, кто идет к истине дорогой преступленья, не обретет в ней ни покоя, ни наслажденья, как не обрел его Фауст или герой поэмы И. Шиллера «Истукан в Саисе».

◈ ◈ ◈

Труднее всего спорить, когда вы имеете дело с очень элементарным и малокультурным противником (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии. – М., 1990. – С. 211).

Действительно, попробуйте спорить с тем, у кого нет ни знаний, ни логики, ни даже здравого смысла. Ваши доводы ничто для такого противника, ваши аргументы разбиваются о его тупую голову, вы с ним не то что в разных плоскостях, вы с ним в разных мирах. Спор с таким оппонентом обиден и оскорбителен для вас, потому что вы досадуете на то, что не смогли ему ничего доказать, он же мнит себя победителем. Вывод прост: никогда не вступай в полемику с дураками.

Наш общественный и государственный порядок всегда был основан на невежестве… Наше общество и государство никогда не могли преодолеть внутреннего страха перед образованностью (Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии: соч. / Г.Г. Шпет. – М., 1989. – С. 261).

Система образования в царской России давала достаточно поводов для такой оценки. В Советском Союзе, с одной стороны, ликвидировали безграмотность и сделали образование массовым, зато с другой – выдворили из страны или уничтожили цвет интеллигенции и сделали образование средством идеологического отупения. Ярким примером такого отупения было «изучение» в средней школе иностранного языка с единственной целью его не выучить.

Развал Советского Союза, как и всякий развал, не только не изменил дело к лучшему, но напротив, если еще не привел, то скоро приведет нас почти к полному краху. Стать образованным современный молодой человек может скорее не благодаря системе нашего образования, а вопреки ей.

Студенты первого курса на мой вопрос, знают ли они, кто такой Ганнибал, заявили, что это тот, кто ест других людей. Только один из пятнадцати человек засомневался: по его версии, это «какой-то африканский царь». Вот они первые плоды наших социальных перемен: почти полная независимость от культуры и образования. Но будет полной, когда мы войдем в Болонский процесс и по нашей традиции возьмем из него все минусы и заменим ими все плюсы нашего образования. Впрочем потеря будет невелика, так как плюсов в нашем образовании практически не осталось. В 60-х гг. XX в. один американский автор нашумел книгой «Чего не знает Джон, но знает Иван?», в которой анализировались преимущества советской системы образования. Теперь Джон может быть спокоен, Иван ему не конкурент, а Богдан тем более.

◈ ◈ ◈

Иные немеют от восхищения, когда у них вынимают кляп изо рта (Станислав Ежи Лец. Цит по: Душенко К.В. Большая книга афоризмов / К.В. Душенко. – М., 2001. – С. 732).

Кляп во рту – это образ тирании, которая не приемлет свободу мысли и тем более свободу слова. Демократия – это полная свобода всех говорить всё. Когда говорят все, создается общий шум, в котором ничего невозможно разобрать и тем более понять. Разного рода прохвосты и мерзавцы адаптируются к демократии не хуже, чем к тирании. В конечном счете голоса истины и правды при всеобщей болтовне и демагоги так же не слышны, как при тирании. Демократия на деле есть только видимость свободы и справедливости. Вот почему народ, еще вчера восторгающийся демократией, сегодня может сожалеть об утерянной тирании.

◈ ◈ ◈

Нет лучшего кляпа, чем официально разрешенный язык. (Станислав Ежи Лец. Цит по: Душенко К.В. Большая книга афоризмов/ К.В. Душенко. – М., 2001. – С. 960).

Два века Индия была колонией Великобритании. Огнем и мечом она завоевывалась англичанами. Никогда не утихала в ней кровавая борьба за независимость. У индийцев, надо полагать, немного причин любить англичан и все английское, включая их язык. Но, придя к независимости, Индия наряду с хинди вторым государственным языком объявила английский. Индусы понимали, что в нашем мире английский язык – это ценность, позволяющая приобщиться к современной цивилизации.

Сегодня «независимая» Украина в лице своих националистически настроенных правителей стремится не только сохранить один государственный язык (украинский), но и по возможности ограничить использование русского языка, хотя русский язык – это один из признанных мировых языков, отказаться от него – значит ограничить возможности приобщения к мировой культуре. В братском единстве с русским народом украинцы жили более трех столетий, и присоединилась Украина к России добровольно, видя в ней защитника от чуждых народов-поработителей.

Может быть украинцы какой-то древний высококультурный и самодостаточный по сравнению с индийцами народ, которому нужно лишь возродить свою былую культуру и славу? Да нет же, наоборот, когда не было ни Украины, ни даже Киевской Руси, за два-три тысячелетия до них индусы уже создали свою самобытную цивилизацию.

Националисты любят поговорить о том, как ущемлялся украинской язык в СССР и царской России. Однако он не умер. Какие же основания

убеждать сегодня всех, что в независимой Украине ему не выдержать конкуренции с русским языком и потому искусственно ему нужно создавать какие-то тепличные условия развития? Неужели украинский язык столь слаб и никчемен? Что же это за патриоты, которые так уничижительно думают о своем языке?

Националисты стремятся использовать «официально разрешенный» украинский язык в качестве «кляпа» для русскоязычного населения. Затея эта безнадежная, но реальный вред украинскому языку она принести может. Весь этот шабаш вокруг языка нужен только для того, чтобы натравить друг на друга народы-братья, да еще для того, чтобы обеспечить националистам тепленькие местечки в начальственных креслах. Уже есть все признаки превращения прекрасного мелодичного украинского языка, «чудової української мови» в язык чиновной номенклатуры.

◈ ◈ ◈

Если хочешь стать философом – пиши романы (Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. – М., 1990. – С. 6).

«Хочешь быть философом – пиши романы», – заявлял французский философ и писатель А. Камю. Следовательно, то, что я обратился к художественному творчеству, не есть уход от философии, а напротив, дальнейшее восхождение к ней.

Философию нельзя определять как науку, только как науку; она соединяет в себе все формы познания, исключая разве только обыденное познание. Большой писатель – всегда философ! Кто из русских философов больший философ, чем Александр Пушкин, Лев Толстой, Федор Достоевский и Антон Чехов? Никто!

Философская идея, облеченная в художественную, эмоционально-образную форму, имеет то преимущество перед сухим языком науки, что доступна широкому кругу людей, а главное, проникает не только в их головы, но и в их сердца. Тот из философов, кто игнорирует этот факт или неспособен к литературной форме, может быть знаменит, но не может быть читаем. Все знают о Г. Гегеле, но кто его сегодня читает, кроме узкого круга дипломированных специалистов? Другое дело Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр и тот же А. Камю.

Мысль о том, что великий писатель является философом, высказывает и А. Камю: «В противоположность записным романистам, великие писатели – это романисты-философы. Таковы Бальзак, Сад, Мелвилл, Стендаль, Достоевский, Пруст, Мальро, Кафка, если упомянуть лишь некоторых из них». В этом списке удивляет лишь имя де Сада, затесавшегося между Бальзаком и Достоевским. Романист он, на мой

взгляд, более чем посредственный, а философ, хотя и оригинальный, но ушедший далеко в сторону от столбовой дороги философской мысли. Философия – это все-таки гуманизм и культура, а произведения маркиза де Сада – это антигуманизм и антикультура. Показателен его шокирующий роман «120 дней Содома»: бездарный в литературном отношении, но беспримерный как образец упоения жестокостью.

◈ ◈ ◈

Старое противопоставление искусства и философии достаточно произвольно. Если понимать его в узком смысле, то оно просто ложно. Если же тем самым хотят сказать, что у каждой из этих двух дисциплин имеются свои особенности, то это, несомненно, верно, хотя и весьма неопределенно. Единственный приемлемый аргумент сводится здесь к установлению противоречия между философом, заключенным в сердцевину своей системы, и художником, стоящим перед своим произведением… Идея искусства, отделившегося от его создателя, не только вышла из моды, но и ложна (Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. – М., 1990. – С. 77).

Особенность философского знания, кроме всего прочего, состоит в том, что оно органически связано как с наукой, политикой, религией, так и с искусством, с художественным творчеством. Думаю, можно согласиться с образным сравнением философии с поэзией, которое делает Ф. Достоевский: «Философия – это та же поэзия, только высший градус ее». Касательно философии и искусства можно утверждать, что есть нечто, что их объединяет, но есть также то, что ведет к существенному различию.

Их роднит личностное начало. Как без Ф. Достоевского не было бы «Братьев Карамазовых», так без Г. Гегеля не было бы «Феноменологии духа». Поэтому ни философ, ни художник не могут стоять *в стороне* от своих творений, они не могут быть объективными наблюдателями, каковыми могут, а пожалуй и должны быть ученые.

Философия, как и художественное творчество, обращена к человеку, но если философия есть форма теоретического знания высокой степени абстракции, то искусство – форма конкретно-чувственного восприятия действительности, отражающая мир посредством художественных образов.

◈ ◈ ◈

«Мы отрицаем Бога, мы отрицаем ответственность Бога, и только так мы освободим мир». Похоже, что с Ницше нигилизм становится пророческим. Но если в его творчестве выдвигать на первый

план не пророка, а клинициста, то из его произведений не извлечешь ничего, кроме заурядной низкой жестокости, которую он всей душой ненавидел (Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. – М., 1990. – С. 168).

...Ницше – для меня жуткий призрак духовного оскудения Европы. Это – крик больного о его желании быть здоровым (Горький М. Савва Морозов / М. Горький// Собр. соч.: в 18 т. – М., 1963. – Т. 18. – С. 227).

Трудно назвать философа более противоречивого и загадочного, чем Фридрих Ницше.

Мне думается, что в подходе к этому мыслителю, в современных попытках осмыслить его идеи не изжит еще порок упрощенчества. Почему же Ницше так часто упрощают, а, следовательно, и искажают? Видимо, потому, что к его творчеству до сих пор подступают с негодными для этого творчества мерками. И главная ошибка состоит в том, что Ф. Ницше пытаются систематизировать, вывести генеральную линию его философии, а затем дать ей целостную и исчерпывающую оценку.

Всякий уважающий себя философ, претендующий на то, чтобы называться классиком, стремится к цельности, стремится к системе, но Ф. Ницше – это едва ли ни единственное исключение. В его философии фактически нет систематичности и цельности, а следовательно, нет и завершенности, свойственной всякой системе. Философия Ф. Ницше необыкновенно мобильна, открыта для всего нового. Практически нет такого направления в общественной мысли, которое не могло бы более или менее согласоваться с ницшеанством, более или менее удачно войти в его состав.

У ницшеанской философии нет границ, нет берегов, она не бухта, не озеро, не даже море – она океан, со всей его широтой и безграничностью.

Философия Ф. Ницше внутренне противоречива, и в силу этого внутреннего противоречия она взрывается всякий раз, когда с нею соприкасается творческий ум. Но в массе разбросанных взрывом осколков творческий ум непременно найдет для себя что-то важное и ценное.

Для изложения такой бессистемной, незамкнутой философии Ницше выбирает соответствующую, очень удачную форму – язык афоризмов, иносказаний, пророчеств и мифов. И сам философ становится подобно своему герою легендарному Заратустре этаким провидцем, который не ошибается, но за темными словами которого надо искать их истинный смысл.

Пророчества эти необыкновенно емки, многолики, и всякая эпоха, всякий исследователь находит в них свое особое содержание.

Ф. Ницше вольно обращается с истиной, во всяком случае, он не ставит целью своей философии ее достижение. Это доказывается той же противоречивостью идей философа: у него множество моментов, одни из

которых прямо противоположны другим, и Ницше не пытается снять, разрешить противоречия в пользу истины, хотя, разумеется, понимает, что истина не может быть двойственной.

Для Ф. Ницше свойственно художественное восприятие мира. Это заметно не только и не столько в языке и форме его произведений, сколько в самом их духе. В моем понимании художественное восприятие действительности – это обязательно обостренное, если хотите болезненное восприятие. Для Ницше именно такое восприятие в высшей степени характерно. Если это имел в виду Савва Морозов, говоря, что «Ницше – это крик больного…», то я с ним вполне согласен.

Не случаен в этой связи повышенный интерес немецкого мыслителя к проблемам художественного творчества, к эстетике.

К наследию гениального немецкого философа нужно относиться с особым вниманием, оно не просто факт истории, оно жизненно, актуально и нет уже сомнений в том, что Ф. Ницше ознаменовал собой в философии начало целой эпохи, ознаменовал своеобразный, противоречивый, талантливый и болезненный излом современной философии.

За исключением Маркса, в истории человеческой мысли превратности судьбы учения Ницше не имеют себе равных; нам никогда не возместить несправедливость, выпавшую на его долю. Разумеется, в истории известны философские учения, которые были извращены и преданы. Но до Ницше и национал-социализма не было примера, чтобы мысль, целиком освещенная благородством, терзания единственной в своем роде души, была представлена миру парадом лжи и чудовищными грудами трупов в концлагерях (Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. – М., 1990. – С. 176).

А. Камю считает, что судьба учений Маркса и Ницше, есть некое исключение из общего правила. Как раз напротив: любая значительная идея либо искажается апологетами, превращаясь едва ли не в свою противоположность, либо извращается злобными клеветниками; либо незаслуженно превозносится до небес и идеализируется глупыми сторонниками, либо карикатурно излагается не менее глупыми противниками. Когда же идея становится достоянием масс и они начинают действовать, руководствуясь ею, тогда она либо совершенно опошливается, превращаясь в глупый фарс, либо теряет гуманное начало, становясь воплощением дикости и скотства. Так во всем: в философии, в науке, в политике, в морали.

Гениальные идеи К. Маркса и Ф. Энгельса в угоду личным амбициям и на потребу полуазиатской России препарировал небесталанный В. Ленин. К. Маркс перевернулся бы в гробу, узнав, что

более всех прочих до социализма доросла страна с двумя процентами промышленного пролетариата, что религия – это не опиум народа, а род духовной сивухи, что «экспроприация экспроприаторов» означает «грабь награбленное». Воззрения В. Ленина «развил» и «углубил» И. Сталин, которого Л. Троцкий величал «нашей самой выдающейся бездарностью». Дело довершили маразматические лидеры вроде Л. Брежнева и К. Черненко и многочисленная безликая и безмозглая рать партийных и советских аппаратчиков.

Ф. Ницше вторично сошел бы с ума, если бы узнал, как его проповедь сверхчеловека будет использована фашистами, как его белокурая бестия превратится в немецкого нациста с одной извилиной в мозгу. Но ведь такое превращение есть логическое продолжение того низвержения общественной морали, которое осуществил Ницше. Ни сам Ф. Ницше, ни человек хотя бы чуть приближающийся к уровню его интеллекта, не мог бы теорию аморализма осуществить на практике. Ф. Ницше писал: «Легко говорить о всякого рода аморальных поступках, но найдутся ли силы вынести их? Например, я не смог бы перенести, если бы я нарушил слово или убил: не знаю, как долго бы я мучился, но в конце концов умер бы от этого». Увы, но идеи Ф. Ницше не замкнулись в узком интеллигентском слое, не были всего-навсего книжной премудростью для изощрения ума близких ему по духу людей, они дошли до большинства, легко нарушающего слово и даже способного на убийство.

Мы, конечно, не призовем к ответу ни Маркса, ни Ницше, но не можем не высказать хотя бы упрек в их адрес. Гений потому и гений, что видит далеко вперед, предвидит последствия, которые незаметны рядовому уму. Как же не просчитали вы роковых последствий реализации в массах ваших идей?!

Гениальные идеи, казалось бы, призванные двинуть вперед цивилизацию и прогресс, на деле оборачиваются великими бедами для человечества.

Египетские жрецы мудро хранили знание от непросвещенного народа. У них есть чему поучиться нынешним мудрецам, пропагандирующим свои выдающиеся идеи. Не печалиться надо, что их не понимает и не усваивает народ, хуже если они его воодушевят и он ударится в бурную деятельность. Деятельность эта никогда не будет разумной, потому что большинству недоступно понимание великих идей.

◈ ◈ ◈

Социализм – это не более чем выродившееся христианство. На самом деле он поддерживает эту веру в целесообразность истории, веру, которая предает природу и жизнь, заменяя реальные цели идеальными, и

усугубляет расслабленность человеческой воли и воображения. Социализм нигилистичен в том отныне точном смысле, который Ницше вкладывает в это слово. Нигилизм – это не безверие вообще, а неверие в то, что есть. В этом смысле все виды социализма суть проявления христианского декаданса в еще более выродившейся форме (Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. – М., 1990. – С. 171).

У христианства и социализма то общее, что они абсолютно не удовлетворены тем, что есть, они отрицают мир, реально существующий, и устремлены к другому миру, миру идеальному, но они расходятся в вопросах о том, где находится этот иной мир и какая дорога к нему ведет.

◈ ◈ ◈

Весь ход восстания Спартака иллюстрирует принцип – требование справедливости. Повстанческое войско освобождает рабов и тут же, немедленно отдает им в качестве рабов бывших рабовладельцев. По преданию, впрочем сомнительному, воины Спартака якобы устраивали даже бои гладиаторов среди нескольких сотен римских граждан, усадив на скамьях амфитеатров рабов, обезумевших от возбуждения и радости (Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство/ А. Камю. – М., 1990. – С. 203).

Ничего сомнительного в этом предании нет. Только так и могли себя вести рабы. К. Маркс для обожаемого им пролетариата придумал сказку: будто бы только он, уничтожив буржуазию, уничтожит вместе с ней и саму систему эксплуатации, освободит человечество от рабства. На деле рабы остаются рабами, все, чего они хотят, – это поменяться местами с рабовладельцами. История русской революции тому наглядное свидетельство. Семь десятков лет строили пролетарии бесклассовое общество, но потом все вернулось на свои места, потомки вчерашних рабов захотели стать рабовладельцами – и стали. Дедушка Аркадий Гайдар сотнями расстреливал таких, как его внучок Егор Тимурович, который уготовил для новых плебеев шоковую терапию и, едва вмещая лоснящуюся физиономию в телевизор, разглагольствовал о ее необходимости и прелестях капитализма.

◈ ◈ ◈

...на практике дело объединения Украины наталкивалось на большие трудности не только в политике Москвы, которая не хотела обострять отношения с Польшей, не мог искренно желать этого и Мазепа, пока во главе Правобережной Украины стоял Палий: препятствовала идеология обоих вождей и тактика их борьбы. Мазепа

стремился построить в Украине сословную державу, создать из старшин управленческое сословие, чтобы опереться на них, а не на широкие массы народа. Мазепа брал за образец современные западноевропейские аристократические государства с абсолютными монархиями. Палий – напротив опирался на народные массы, селянство, которое бежало с Левобережья… Настрой Правобережного селянства, которое вело борьбу со шляхтой, перекидывался на Левобережье, как искры костра, и это пугало Мазепу. Социальная политика Мазепы вызывала постоянные конфликты с Запорожьем, которое все время было в оппозиции против гетмана. На Запорожье вынашивались планы, опасные для Мазепы. В 1693 году запорожцы говорили: «Когда станет Палий гетманом, то сможет справиться со всею начальственной старшиною… и будет при нем, как было при Хмельницком» (Полонська-Василенко Н. Історія України / Н. Полонська-Василенко . – К., 1995. – Т. 2. – С. 59).

Действительно, И. Мазепа, опираясь на военную силу Москвы, для всей Украины был не отцом, а отчимом, а о запорожцах говорил, что не так они страшны, «как то, что без малого вся Украина тем же запорожским духом дышит». У царя он просил побольше стрельцов, чтобы охранить его, преданного царю гетмана, от малорусского народа. Чего стоит хотя бы то, как подписывал Мазепа свои послания к Петру I: «царского пресветлого величества верный подданный, слуга наинижайший и подножок». Казакам же рассказывал, будто он один неустанно отговаривает царя от принятия против них жестких мер, печется о защите их вольностей, обороняет от московского тиранского ига. Потому и прослыл Мазепа среди хорошо знавших его людей хитрым лисом. Правда, всерьез перехитрить ему удалось только царя Петра: вслед за ним к Карлу XII переметнулась лишь горстка казаков, да и тем шведский король вполне не поверил, резонно предположив, что своих союзников они предали не из высокодуховных, а скорее низменных соображений.

Можно согласиться с Н. Костомаровым, который утверждает, что И. Мазепа, «как малорусс, питал и лелеял в себе желание политической независимости своей родины», с тем, однако, добавлением, что эта «независимость» нужна ему была не во имя интересов украинского народа, а ради собственной безраздельной власти. Тут, на мой взгляд, прямая параллель с бывшим президентом, а до того секретарем по идеологии компартии Украины Л. Кравчуком. Разница только в том, что первый предавал деспота Петра в угоду Карлу XII, а второй либерала Горбачева в угоду Бушу I. Последний как-то признался, что если бы заранее знал, к чему приведут его действия по развалу СССР (а привели они к тому, что сначала его попросили из президентского кресла, а потом

и из нардеповского), то скорее бы руку себе отрубил, чем что-либо подписал в Беловежской пуще.

Вопрос о том, изменил бы И. Мазепа Петру I, если бы знал, чем дело кончится, не более чем риторический. Конечно же, нет! Что и доказывает, что никакой великой идеей, ради которой и жизни своей не жалко, И. Мазепа не руководствовался.

Современные украинские лжепатриоты за тем только превращают Мазепу в героя, чтобы их собственное предательство выглядело не низко и подло, а возвышенно и героически, наивно полагая, что если на клетке с зайцем написать «Лев», заяц преобразится в царя зверей.

Не очень понятна мне логика Н. Полонской-Василенко, которая после всего ею же сказанного называет фиаско Мазепы и Карла под Полтавой колоссальной катастрофой для Украины, говорит, что освободительные планы Украины рухнули, «но имя Мазепы остается для дальнейших поколений символом борьбы за независимость Украины». Впрочем, точка зрения определяется «точкой сидения». А сидела автор «Истории Украины» в 70-ые гг. прошлого столетия, когда и писала этот свой труд, в Мюнхене. В годы холодной войны из Мюнхена победа Петра I вполне могла казаться катастрофой, а Мазепа не символом предательства, а символом независимости. Сложнее пояснить ту же точку зрения у тех «патриотов», что сидят сегодня в Киеве. Впрочем, и это возможно: сидят то они в Киеве, но посадили их влиятельные люди из Вашингтона, и будущее свое им видится не в Киеве, а в том же Вашингтоне или, на худой конец, в Мюнхене.

◈ ◈ ◈

Жалкие остатки войск Карла и Мазепы бежали в Турцию, в Бендеры. Там Мазепа и умер, якобы от «старческой немощи». Никаких признаков этой самой немощи за ним до того не наблюдалось. Еще во время Полтавской битвы он прямо держался в седле, гарцуя на коне перед строем казаков. Но накануне своей смерти он просил у короля выслать ему охрану, так как боялся расправы над ним казаков, которые нищенствовали, а их вождю не приходило в голову поделиться с ними хотя бы крохой огромных богатств, которые он вез с собой. Вот что писал один из тех, кто послан был Карлом охранять своего союзника: «Як тільки я увійшов, він дуже зрадів, бо мав нарешті з ким поговорити. Потім він попросив мене, щоб я був коло нього і не спускав ока з його речей та кімнати, а особливо пильнував скриню та два бочівки-чвертки, повні дукатів, та ще кілька сідельних сумок, напханих коштовностями та великою кількістю золотих медалей. Сідельні сумки були сховані у гетьмана під подушкою, а бочівки з дукатами стояли перед ліжком. Ще він попросив мене, щоб я нікому з його людей не позволяв нічого

приносити чи брати з кімнати» (Павленко С.О. Іван Мазепа / С.О. Павленко. – К., 2003. – С. 411).

Так что версия ненасильственной смерти И. Мазепы кажется мне весьма сомнительной. Неважно своей или не своей смертью он умер, важно то, что кончина его была бесславной. И остается диву дивиться, как много сегодня на Украине людей, желающих на себе примерить «лавры» гетмана Мазепы.

◈ ◈ ◈

Мы являемся свидетелями невероятного парадокса. Коммунисты, которые исповедуют материалистическую философию, завоевывают мир идей (а идея духовна!) В то время как Америка, которая стоит на позициях философии духа, пытается завоевать мир деньгами. Коммунизм богат идеей. Мы проигрываем, они выигрывают! (Моррис М. Как одержать победу над коммунистами! Цит. по: Философия в вопросах и задачах. – М., 1977. – С. 57).

Так в шестидесятые годы рассуждал один из американских идеологов. А всего через тридцать лет развалился Советский Союз. Что же произошло? Победил материализм в виде товарно-денежных отношений. Ведь одно дело – декларируемая идея, а другое дело – практика общественной жизни. Духовные ценности не являются реальным ориентиром Америки, на первом месте стоят деньги, богатство. Ее идеалом, символом веры является доллар, американская мечта сводится к материальному благополучию.

С другой стороны, материализм никогда не воплощался в практической жизни советского общества: материальные стимулы труда игнорировались, бедность поэтизировалась, богатство презиралось. Поэтому американский практицизм, реализм и материализм победили советский идеализм.

Но это не означает торжества материи над духом. Материализм в данном случае победил не высшую духовность, а ее суррогат: опошленную, извращенную и в наших условиях ложную коммунистическую идею. Материализм в качестве грубой силы способен победить любую самую прекрасную идею. Но если высокая идея соединяется с реальной силой, победить ее невозможно.

Когда-то Америка вознеслась над остальным миром потому, что умела соединить начала духовные и начала материальные. Ныне в ней, в ее внешней политике заметен крен в сторону силы; в ее действиях, сопровождающихся болтовней о высших ценностях, нетрудно видеть материальный, меркантильный интерес. Если в дальнейшем Америка

растеряет остатки духовности, то ее сила окажется губительной, в том числе для нее самой.

◈ ◈ ◈

…с увяданием идеологии коммунистические элиты повсюду испытывают соблазн усилить и узаконить свою власть за счет все более частого обращения к крикливому национализму. Хотя он может действовать против пока еще не исчерпавшей до конца своей жизненной силы коммунистической доктрины, обращение к нему работает на усиление авторитарных импульсов. Национализм усиливает те институции власти, которые могут эффективно воспользоваться его символами для усиления диктатуры и тем воспрепятствовать демократической эволюции. Бжезинский З. Большой провал. Агония коммунизма // Квинтэссенция: Филос. альманах / [сост.: В.И. Мудрагей, В.И. Усанов] – М., 1990. – С. 274.

Какие такие коммунистические элиты во времена горбачевской перестройки испытывали соблазн обращения к «крикливому национализму», лучше спросить у самого Збигнева Бжезинского. Но то, что Соединенные Штаты и тогда, и по сей день разыгрывают по всему миру националистическую карту, это бесспорно. На территории бывшего СССР именно крайние националистические круги пользуются их самой жгучей симпатией и поддержкой. Видимо, соблазн посеять всюду национальную рознь и тем ослабить бывшие Советские республики столь велик, что ради такой заманчивой цели можно смириться с усилением «авторитарных импульсов» и усилением диктатуры в Грузии, на Украине или в странах Прибалтики. Лишь бы эти страны шли в фарватере американской политики. Принципы демократии, свобода слова, права человека были хороши в борьбе с коммунистическими режимами, неплохо ими потыкать в нос современной России и Белоруссии, а вот приставать с ними к своим любимчикам, да и неукоснительно блюсти их в самой Америке – дело излишнее. Потому украинскому Президенту, пока он находится под патронатом США, дозволительно разгонять Верховну Раду и игнорировать Конституционный Суд, а президенту Грузии, пока он действует по указке Вашингтона, можно с помощью оружия массового поражения превращать в «чистое поле» города и села Южной Осетии.

Впрочем, и тут вполне положиться на Америку нельзя, далеко не всегда она последовательно поддерживает «своих», случается и ей сдавать какого-нибудь «своего сукиного сына» в пользу какого-нибудь другого еще более «*своего* сукиного сына».

ГЛАВА 2
ЧТО Я ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ?

◈ ◈ ◈

Природа не дала людям ничего более опасного и гибельного, чем чувственное удовольствие. Отсюда измены отечеству, отсюда ниспровержение государственной власти, отсюда тайные переговоры с врагами. Нет ни одного преступления, ни одного дурного поступка, в который не вовлекла бы страсть к наслаждению: действительно, бесчестные поступки, нарушения супружеской верности и всякая подобная мерзость вызываются не чем иным, как приманкой удовольствия (Архит. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 593).

Это утверждение пифагорейца Архита не лишено оснований. Действительно, низменные поступки часто преследуют цель чувственных наслаждений и вознаграждаются ими, чего нельзя сказать о поступках благородных и возвышенных. Это, кстати сказать, одна из величайших несправедливостей нашего мира. У религии на сей счет, разумеется, находится объяснение: дьявол, дескать, искушает, а Бог испытывает. Но не кажется ли вам, что мир был бы добрее, если б все было наоборот.

◈ ◈ ◈

Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которых народ любит и возвышает. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает (Лао-цзы. Антология мировой философии: в 4 т. – М., 1969. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 188).

Более всего шуму вокруг собственных персон создают политики. Им мало верховодить, они еще жаждут известности. Им недоступна мудрость древних китайцев, им непонятно, что в условиях демократии политики должны компетентно и скромно делать свое дело и только. Тогда к ним, хотя и не проникнутся любовью и не будут испытывать перед ними страх, но не будут и презирать. За политиками следуют актеры. Им мало сняться в фильме или сыграть в спектакле, им еще надо покрасоваться на телевидении и показать, что они не только могут озвучивать чужие мысли, но и имеют свои. Известно, что родословная актеров восходит к балаганным шутам, а политиков, надо полагать, – к шаманам. Поэтому любовь к зрелищам и игрищам и участие в них в качестве действующих лиц, у них можно сказать в крови.

Только актеры, постоянно мелькающие на телевидении и рассказывающие о самом дорогом для них существе, то есть о себе, рискуют лишь тем, что могут надоесть, тогда как политики своим пустозвонством лишь увеличивают презрение к себе.

◈ ◈ ◈

...Гони наслаждения: пусть они будут тебе всего ненавистнее... они... обнимают нас для того, чтобы удушить (Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Сенека. – М., 1986. – С. 104).

Человек обычно отказывается от *наслаждения* по трем причинам: либо считает, что усилия, направленные на его достижение, неоправданны, либо страшится страданий, которыми оно может обернуться, либо рассчитывает через отказ от сегодняшнего удовольствия получить в будущем еще большее. Много ли тех, кто избегает *наслаждений* по каким-то более возвышенным причинам? Да и существуют ли такие причины? Не выдуманы ли они теми, кто наслаждается за счет других, за счет тех, кого призывают отказываться от наслаждений?

Нравственность или безнравственность человека связаны не с тем, бежит он от наслаждений или, напротив, стремится к ним. Они определяются тем, какие именно наслаждения он приемлет.

Порочна мораль, которая требует от человека одних только жертв и страданий. И без этой ригористской морали жизнь не часто балует нас удовольствиями.

◈ ◈ ◈

...Удовольствие... нечто низкое, рабское, немощное, преходящее, карауляще и гнездящееся в непотребных местах... (Сенека. Антология мировой философии: в 4 т. / Сенека. – М., 1969. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 513).

Убеждать людей в том, что удовольствие есть нечто аморальное, значит пытаться основать нравственность исключительно на кнуте, без всякого пряника.

◈ ◈ ◈

Он говорил, что сварливая жена для него – то же, что норовистые кони для наездников: «Как они, одолев норовистых, легко справляются с остальными, так и я на Ксантипе учусь обхождению с другими людьми» (Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979. – С. 115).

Сократ не брал денег со своих учеников, как это делали софисты, и жил в крайней бедности. У него было две жены: Мирто и Ксантипа. Имя последней стало нарицательным, обозначающим сварливую жену. Порой Ксантипа не только обрушивалась на супруга с ругательствами, но и выливала на его лысую голову ушат помоев. По данному поводу философ замечал, что это естественно: в природе тоже сначала гремит гром, а потом льется дождь.

Ксантипу понять можно. Целыми днями муженек шатался в компании богатеньких учеников по улицам и площадям Афин, а вечером без гроша в кармане возвращался домой и…, надо думать, просил поесть. Думаю, легенда о сварливости Ксантипы сильно преувеличена. Могу представить, с чем такого Сократа смешала бы современная женщина. Я, например, по улицам не слоняюсь, деньги, хоть небольшие, но все же зарабатываю, без дела дома не сижу, но не могу похвастаться тем, что выгляжу в глазах жены идеальным мужем.

В одной забавной песенке в уста жены вложены такие слова: «Если муж хороший, плохо все равно». Как тут не вспомнить слова старинной флорентийской новеллы, упоминаемые Ф. Ницше: хорошая и дурная женщина – обе просят кнута.

◈ ◈ ◈

Умеренность – союзник природы и страж здоровья. Поэтому, когда вы пьете, когда вы едите, когда двигаетесь и даже когда вы любите – соблюдайте умеренность (Абу-ль-Фарадж. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 599).

Умеренность сродни серости. Будьте умеренны… и вас не полюбят женщины, вы не свершите никаких великих деяний, зато вы будете всегда сыты, спокойны и благополучны.

◈ ◈ ◈

... Все добытое и сохраненное нами с трудом... доставляет нам всегда больше удовольствия и намного дороже нам того, что досталось в силу какой-то случайности или не потребовало от нас никаких усилий и забот (Д. Понтано. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 594).

Мысль распространенная, но весьма сомнительная. Представьте ситуацию. Вы горбатились многие годы, чтобы достичь чего-то, неважно чего: почета, богатства, славы, любви. После долгих и тяжких трудов вы добились желанного. И что же? После осуществления вашей мечты, одурев от радости, вы будете прыгать до потолка? Вряд ли. Радость будет отравлена долгим ожиданием. Хуже того, вас может постичь

разочарование, когда вы задумаетесь над тем, стоила ли овчинка выделки. Другое дело, если что-то ценное вы обрели нежданно, без усилий и труда, возможно даже незаслуженно, к примеру, выиграли крупную сумму в лотерею. Вот когда радость и восторг, ничем не омраченные.

Хотя нечаянно обретенное благо не так дорого ценится, зато только оно способно принести блаженное удовольствие. Более того, самые величайшие ценности, приносящие нам самые большие радости, ничем не заслужены нами. Таковы наша собственная жизнь, солнечный свет, родниковая вода, горный воздух, прохлада лесов… перечень бесконечен.

◈ ◈ ◈

Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя (Библия. Левит. 10:18).

Эти слова Ветхого Завета вошли в плоть и кровь еврейского народа и позволили ему выжить, несмотря на тяжкие испытания, выпавшие на его долю. Как часто мы наблюдаем среди евреев завидную сплоченность, готовность помогать, поддерживать друг друга, качества, совершенно не свойственные абсолютному большинству других народов. Это делает евреям честь, так как нельзя не согласиться со словами матери Терезы, что легко любить дальних, но далеко не просто полюбить ближних.

Христиане на место естественной и понятной любви к ближнему поставили неестественную и непонятную любовь к врагам. Но так как любить врага едва ли возможно, а любить ближнего – не велика заслуга, то христиане не любили никого, во всяком случае, никого из людей.

Это в полной мере касается католиков и протестантов. Сложнее с православными. Православие нашло отклик в рабской славянской душе. Только рабы, передравшись между собой, ненавидя себе подобных, ненавидя ближних, могут пригласить дальних, чтобы те властвовали над ними, а потом преклоняться перед дальними, боготворить их и любить рабской, пёсьей любовью. Но эти дальние, добровольно возведенные рабами на трон, не могут испытывать к рабам ничего, кроме презрения, и всегда ведут себя по отношению к ним как враги. С другой стороны, можно ли суррогат из трусости, тупости, низкопоклонства и холопства называть любовью? Едва ли. Поэтому и православию, утвердившемуся среди славян, в сущности, не удалось воплотить христианскую максиму любви к врагам своим.

◈ ◈ ◈

Не верь врагу твоему вовек, ибо, как ржавеет медь, так и злоба его: хотя бы он смирился и ходил согнувшись, будь внимателен душею твоею

и остерегайся его… (Иисус Сирах. Библия, Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова. 12: 10–11).

Ветхий Завет – это нравственность естественная, опирающаяся на жизненный опыт человека и его представления о справедливости. Новый завет – это нравственность сверхъестественная, моральная максима не только недостижимая, но порой и непонятная для человека. Примеров множество: око за око, зуб за зуб – в Ветхом Завете и подставь другую щеку обидчику своему – в Новом. Или вот: ветхозаветный автор, пишет: «Лучше один праведник, нежели тысяча грешников, и лучше умереть бездетным, нежели иметь детей нечестивых, ибо от одного разумного населится город, а племя беззаконных опустеет». Как это непохоже на рассуждения о том, что об одном раскаявшемся грешнике на небесах будет больше радости, чем о девяноста девяти праведниках, как непохоже это на притчу о блудном, распутном сыне, который дороже отцу, чем сын покорный и не распутный.

Тот же автор говорит: «Не верь врагу твоему вовек».

Иудеи живут согласно с естественной нравственностью, они заботятся о собственной выгоде и благе своих ближних, им в голову не приходит любить врагов своих. Мы же, понимая, что нам не достичь проповедуемых Христом нравственных вершин, либо становимся ханжами и лицедеями, либо вовсе отказываемся от морали, впадаем в цинизм, безверие, богохульство.

◈ ◈ ◈

Люди, державшие Иисуса, ругались над Ним и били Его; и, закрыв Его, ударяли его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя? И много иных хулений произносили против Него (Евангелие от Луки. 22: 63–65).

Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших. Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие (Евангелие от Матфея, 27: 23–26).

Почему иудаизм, будучи источником и предтечей христианства, антагонистичен по отношению к нему? Почему иудейские жрецы убоялись Христа, затеяли заговор против него и добились его казни? Потому что проповедь Христа, объявившего себя Мессией и Сыном Божьим и открыто выступившего против иудейских традиций, обрядов и догм, грозила их власти, их влиянию, их привилегированному положению.

Это понятно: так старое и ветхое всегда ополчается против молодого и нового, консервативное противостоит новаторскому.

Но почему еврейский народ дружно требовал освободить убийцу Варавву, почему «весь народ стал кричать: «смерть Ему» и «распни Его»? Почему народ, который видел чудеса, творимые Иисусом, внимал его речам, дивился мудрости и благородству, все же отрекся от него? Только ли потому, что рабски слушался своих первосвященников? Только ли потому, что толпа еще вчера восхищающаяся героем, сегодня, когда герой повержен, ликует в низости своей? Он сброшен с пьедестала, до него теперь рукой подать, так как же отказать себе в удовольствии поизмываться над ним.

Все так. Но не в этом только дело. Христос говорил о равенстве всех людей перед Богом, равенстве всех племен и народов. А это прямо противоречит идее богоизбранности еврейского народа. Фактически он сказал евреям, что Бог не делает различий между детьми своими, что он равно любит всех, а не одних только евреев. То есть он отнял у них их собственного Бога, который всегда предпочтет еврея нееврею, который блюдет только их интересы и готов наказывать и даже истреблять другие народы ради избранников своих и любимцев. Могло ли это понравиться?! Конечно же, нет.

Далеко не случайно, на мой взгляд, что христианство возникло не среди евреев Палестины, а в еврейской диаспоре. Это видно из первых христианских писаний, авторы которых мало знакомы с положением дел в Палестине. За пределами Палестины трудно было рассчитывать на распространение вероучения, ограниченного национальными рамками.

Кроме того, проповедь Христа прямо противоречила традициям еврейского народа, тому, что сегодня модно называть менталитетом. Христос говорил, что нет никакой доблести в любви к ближнему, такая любовь естественна, доблесть состоит в любви к дальнему, более того, в любви к врагу своему. Такое утверждение выглядело абсурдом, прямым нарушением здравого смысла, да и справедливости. Справедливо воздавать по заслугам и казнить по грехам, справедливо старозаветное «око за око, зуб за зуб», но где справедливость в том, чтобы подставлять обидчику своему другую щеку.

А может быть христианство – это гениальная придумка, хитроумный бизнес-проект еврейского народа для всех остальных народов, по принципу «на тебе Боже, что нам негоже?». Вам – равенство во Христе, а нам – избранность нашего народа; вам – благородная бедность и разглагольствования о верблюде с игольным ушком, а нам – тяжкое бремя богатства; вам – будущее блаженство на небесах, а нам – довольство на земле здесь и сейчас.

◈ ◈ ◈

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и гонящих вас… Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? (Евангелие от Матфея. 5: 43–46).

Любить следует всех, даже врагов своих, но только не ближних. В первую очередь следует любить врагов, тех, кто направляет на твою страну ракеты с ядерными боеголовками, кто окружает ее военными базами, кто в соседних странах приводит к власти враждебные ей правительства, кто обвиняет твою страну во всевозможных грехах, при этом сам даже не заботится о том, чтобы скрывать свои собственные пороки и преступления.

Затем следует любить дальних, то есть всех иностранцев, которым ты и твоя страна более, чем безразличны. Перед ними надо низкопоклонствовать, ими надо восторгаться, постоянно подчеркивая, что по сравнению с ними ты и твой народ – это серость, дикость и тупость.

Потом надо любить тех, кто живет за твой счет и при этом презирает тебя, считает быдлом, то есть своих начальников и всех власть имущих. По крайней мере, любовь эту надо выказывать, всячески демонстрировать ее.

Нельзя забывать и о личных врагах. И уж если не любить их, то уважать хотя бы за то, что они в принципе не могут тебя предать.

Потом, много меньше, но все-таки можно любить тех, с кем ты лично незнаком, не имеешь к ним прямого отношения, например, своих далеких предков.

Нельзя любить, но можно и не ненавидеть своих современников и соотечественников. К ним отношение должно быть наплевательское, как к чужим. Точно так они отнесутся и к тебе самому. Твои таланты, если они у тебя есть, они никогда не признают, ибо нет пророка в своем отечестве.

Ко всем так называемым приятелям следует относиться настороженно, ожидая от них какой-нибудь пакости. Надо всегда помнить о том, что ты им не нужен и не интересен.

Друзья – это уже скрытые недруги, завистники, лицемеры, от которых нельзя ждать помощи, которые в любой момент могут подставить тебе подножку и тайно рады любой твоей неудаче. Именно из них и только из них рекрутируются предатели. Расположить их к себе можно разве что каким-нибудь несчастьем, когда жалость в них переборет их злобу по отношению к тебе. Самое большое удовлетворение, какое ты только можешь им преподнести, – это твои собственные похороны и поминки.

Открытыми же врагами являются твои домашние, близкие родственники, с которыми ты вынужден жить под одной крышей; не будь которых – ты был бы свободен и независим, а может быть даже счастлив. С кем в твоей жизни ты больше скандалил, на кого больше гневался, кто больше всех остальных поливал тебя бранью и кого больше бранил ты сам, кто больше поднимал на тебя руку, на кого ты чаще замахивался сам? Вот именно – на них, на домашних своих. Они ничего не спустят тебе, для них ты, будь хоть великим ученым, писателем или государственным деятелем, не авторитетен ни на грош, для них ты в лучшем случае только средство удовлетворения их запросов и потребностей.

Но зато, когда ты умрешь, они все тебе прощают. Тогда они, наконец, прозревают, в полном согласии с истиной: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем». И тогда они любят тебя, как никогда. Впрочем это еще не означает, что они будут носить цветы на твою могилу.

Нигде в мире не укоренилась эта странная заповедь, разве что у нас.

◈ ◈ ◈

...Добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными... (Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли. – М.; Харьков, 1998. – С. 102).

Что изменилось со времен Макиавелли? В его век добрыми делами можно было навлечь на себя ненависть точно так же, как дурными, в наш – добрыми делами можно навлечь ненависть скорее, чем дурными.

Не могу говорить за весь современный мир, хотя ясно, что он далек от совершенства, что же касается нашего общества, то в нем добро вызывает в лучшем случае непонимание, в худшем – насмешку, подозрение или озлобление. Насмешку – потому, что добро кажется глупостью; подозрение – потому, что в нем ищут корыстный мотив; озлобление – если отпадают остальные возможности очернить добро. Озлобление берется из сознания, что, несмотря на мерзости жизни, кто-то способен на благородство, которого лишено абсолютное большинство.

Тем не менее, добро самоценно, оно не зависит от точки зрения на него, и тот, кто способен на добро без всякого расчета на вознаграждение или даже рискуя навлечь на себя ненависть окружающих, – не юродивый и не кретин, а **ч е л о в е к**, единственно имеющий право считать себя таковым.

◈ ◈ ◈

Наиболее же частой внешней причиной счастья одного человека является глупость другого, ибо нет другого такого способа быстро

преуспеть, как воспользовавшись ошибками других людей. «Змея не станет драконом, пока не съест другую змею» (Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. / Ф. Бэкон. – М., 1978. – Т. 2. – С. 141).

К этим рассуждениям о неблаговидных источниках счастья Ф. Бэкон добавляет следующую исполненную сарказма мысль: «…Не может быть двух более *счастливых* свойств, чем быть немножко глупым и не слишком честным. Поэтому те, кто чрезвычайно любит свою страну или своих господ, никогда не были *счастливы*; они и не могут быть таковыми. Ибо когда человек устремляет свои мысли на что-либо, лежащее вне его, он уже не волен идти своим собственным путем».

В представлении Ф. Бэкона счастье и стремление к нему не есть нечто достойное в нравственном отношении, потому что счастье отдельного человека, как правило, строится на несчастье других людей, потому что оно недостижимо на пути подлинной нравственности, которая требует заботы не о себе, а о других.

Такая оценка счастья, вероятно, прямо вытекала из характера того времени, в котором жил Ф. Бэкон. Но печально сознавать, что за сотни лет времена не изменились к лучшему, и горькая ирония английского мыслителя актуальна по сей день.

◈ ◈ ◈

Глупец не может быть добрым, для этого у него слишком мало мозгов (Ларошфуко Ф. Максимы / Ф. Ларошфуко. – М., 1974. – С. 77).

По большому счету дурак не может быть нравственным, поскольку жизнь порой ставит перед человеком сложные нравственные проблемы, разрешить которые, опираясь исключительно на чувства или усвоенные правила поведения, не предоставляется возможным.

В свое время литературоведение объясняло колебания шекспировского Гамлета будто бы свойственной ему слабостью и нерешительностью. Он, действительно, мучим сомнениями: сначала Гамлет ищет доказательств виновности короля Клавдия в смерти его отца, затем, убедившись в этой виновности, не использует удобного случая отомстить, останавливая себя рассуждением, что если он убьет Клавдия во время молитвы, то его очищенная от грехов душа попадет в рай.

Неофрейдисты истолковали сомнения шекспировского героя ссылкой на пресловутый «эдипов комплекс». Моральные принципы эпохи требуют от Гамлета мести за смерть отца, но на уровне подсознания он должен быть чуть ли не благодарен дяде, поскольку сам испытывал ненависть к отцу и в детстве ревновал его к своей матери, которую в силу того же «эдипова комплекса» очень любил.

На мой взгляд, обе точки зрения далеки от действительности. Сомнения и колебания Гамлета идут не от слабости и нерешительности, а от глубокого ума. Дураку не свойственны сомнения, он хватается за первое подвернувшееся решение и часто с необыкновенным рвением и энтузиазмом воплощает его. Окружающим же иногда эти дикость и глупость кажутся свидетельством решительности и силы воли. Гамлет не таков, он вопрос о мести превращает в великий вопрос – «быть или не быть», вступать ли в борьбу с конкретным проявлением зла, если зло вообще необоримо. И решение этого вопроса не под силу мелкому уму.

Хотя, с другой стороны, в девяносто девяти случаях из ста человек, не будучи семи пядей во лбу, может быть добродетельным. Для этого как «Отче наш» следует усвоить один единственный принцип: «Боль других принимай, как свою». В жизни достаточно случаев, когда надо действовать решительно без всяких размышлений, без колебаний, свойственных рефлексии. Ведь для ума всегда есть какая-то альтернатива. В сфере морали альтернатива, даже допущение ее легко превращаются в безнравственность. Что можно сказать о человеке, который, видя тонущего человека, начнет рассуждать и прикидывать, хватит ли ему сил, что бы его вытащить, не потянет ли он его за собой и вместо одного утопленника будет два?

◈ ◈ ◈

Тот добр, кто делает добро другим. Если он страдает за то, что делает добро, он достигает высшей доброты, усилить которую может только увеличение страданий за то, что он продолжает делать; если он умрет за это – это самое высшее совершенство (Ж. Лабрюйер Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 259).

Это проповедь противоестественной, а потому и абсурдной морали. Впрочем за абсурдом часто скрывается чей-то корыстный интерес.

◈ ◈ ◈

Довольство – философский камень, превращающий в золото все, к чему он прикасается (Б. Франклин Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 140).

Абсолютное довольство есть остановка в развитии. Чтобы не стоять на месте, идти вперед, добиваться новых результатов, надо быть чем-то недовольным. Довольство – черта ленивых и примитивных натур.

Другая крайность – капризное недовольство всем и вся. Поэтому философский камень следует искать не в этих крайностях, а в чем-то среднем между ними.

◈ ◈ ◈

Будем наслаждаться настоящим: в нем – вся наша жизнь. Прожитые нами годы умерли для нас; будущее, которое еще не пришло, не более в нашей власти, чем прошлое, которого уже нет. Если мы не воспользуемся предоставляющимся нам наслаждением, если мы будем избегать тех из них, которые сегодня как будто ищут нас, то настанет день, когда мы будем тщетно искать их, так как они в свою очередь будут убегать от нас (Ламетри Ж. Соч. / Ж. Ламетри. – М., 1976. – С. 414).

Но всякое наслаждение имеет свою цену. К примеру, моя сегодняшняя приятная леность может обернуться завтра тягостной нищетой. Вопрос, следовательно, всегда в том, по карману ли мне наслаждение. В остальном Ламетри прав: глупо отказываться от наслаждения, если оно само ищет тебя, глупо утомлять себя переживаниями о прошлом и чрезмерными заботами о будущем, не стоит откладывать наслаждения на потом, если можно не дожить до этого «потом»?

◈ ◈ ◈

Если бы я мог снова родиться, я хотел бы жить так, как жил: иметь хороший стол, хорошее общество, житейские радости и любовные связи… предаваясь, одним словом, прекрасной смеси мудрости и безумия, которые, взаимно усиливая друг друга, делают жизнь более приятной и, я бы сказал, более острой (Ламетри Ж. Соч. / Ж. Ламетри. – М., 1976. – С. 413–414).

То же говорил М. Монтень: «Если бы мне довелось прожить еще одну жизнь, я жил бы так же, как прожил; я не жалею о прошлом и не страшусь будущего». Это, думается мне, достаточно точный критерий того, могу ли я считать свою жизнь счастливой. Она такова, если бы я хотел жить так же, случись мне родиться во второй раз.

◈ ◈ ◈

Если истинным источником счастья является радость души, то вполне очевидно, что в отношении к счастью добро и зло совершенно одинаковы; что тот, кто будет испытывать более полное удовольствие, поступая плохо, будет счастливее того, кто получит менее полное удовлетворение, поступая хорошо. Это объясняет, почему во всем мире столько счастливых негодяев, и показывает, что есть вид счастья, который нисколько не связан с добродетелью и может даже сочетаться с преступлением (Ламетри Ж. Соч. / Ж. Ламетри. – М., 1976. – С. 291).

Ж. Ламетри исповедует субъективистское понимание счастья. Счастье для него – это радость, удовольствие, эйфория. И неважно, чем они вызваны. По такой логике писатель, испытывающий эмоциональный подъем от своего творчества, ученый, переживающий чувство восторга от сделанного им открытия, мать, счастливая тем, что родила долгожданного ребенка, ничем не отличаются в отношении счастья от вора, удачно ограбившего квартиру, от политика, обманувшего полстраны, от наркомана, одуревшего от очередной дозы, от маньяка, изнасиловавшего и убившего подростка.

Конечно, счастье имеет субъективную составляющую. Какими бы благородными и выдающимися ни были мои деяния, если они не сопровождаются ощущением радости, душевным подъемом, я не буду чувствовать счастья и действительно не буду счастлив. Но без объективной составляющей, суть которой состоит в реализации гуманного и доброго в человеке, а не мелкого, злого и подлого, также не может быть счастья. Счастье – это высшее удовлетворение от творения добра, ощущение полноты духовных и физических сил от осуществления своего человеческого предназначения.

Воспитывая детей, надо помнить, что мы воспитываем их не для жизни в теперешнем, а в будущем, лучшем состоянии человеческого рода, т. е. для жизни в иных, лучших условиях жизни. Обыкновенно же родители воспитывают детей только так, чтобы они годились для настоящего мира, хотя и испорченного. Воспитывая же детей для будущего, лучшего устройства мира, мы этим самым улучшаем будущее устройство мира (Кант И. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 31).

Основной вопрос педагогики – это вопрос о том, чему учить: должному или сущему, тому, что должно быть или тому, что есть. Философия Нового времени, немецкая классическая в том числе, пребывала в счастливой вере в светлое грядущее. Поэтому должное для нее не просто нечто совершенное и идеальное, чего нет в «испорченном» настоящем, а то, что непременно утвердится в будущем. Наш мир иной, современному воспитателю труднее: он вынужден учить должному, которого нет и которое едва ли появится в будущем. Современный воспитатель, как и его воспитанник, не имеют реальной, практической мотивации учить и учиться добру, справедливости, моральному совершенству. Но если воспитатель будет учить воспитанника современному негодяйству или, того хуже, готовить к еще большему негодяйству в будущем, тогда общество обречено и его стремительная деградация неминуема.

◈ ◈ ◈

Если неопровержимо доказано, что мы обладаем по природе правом испытывать половое влечение ко всем без исключения женщинам, то, сходным образом, мы обладаем правом заставить их удовлетворить наши желания, впрочем, подобное право нельзя считать каким-то исключительным правом, ведь тогда я бы впал в противоречие с самим собой; итак, это право на удовлетворение с данной женщиной должно быть временным. (Пусть здесь не говорят, будто бы противоречу сам себе. А именно, установив выше то, что мы не имеем никакого права привязывать женщину к себе, я якобы опровергаю свое же утверждение, говоря о праве принудить женщину к сношению силой. Я повторяю еще раз, дело идет о сношении, но не о собственности. Действительно, я не имею права собственности на источник воды, попавшийся мне у дороги, когда я начал испытывать жажду. Подобно этому я не имею преимущественного права владеть той или иной женщиной как своей собственностью, однако я, вне всякого сомнения, с полным правом могу насладиться любой женщиной. Я даже обязан принудить ее доставить мне это наслаждение в случае ее несогласия, каким бы веским не представлялся мотив такого отказа.) Вне всякого сомнения, мы имеем полное право установить законы, способные принудить женщину уступать любовному пылу того человека, который ее пожелает, так что в силу подобного права мы сможем насиловать женщину в полном соответствии с законом. Да и сама природа, снабдив мужчин силой, необходимой для подчинения женщин нашим желаниям, разве не подтверждает подобное право?

...Любовь удовлетворяет только двух людей, а именно, существо любящее и существо любимое, следовательно, она выглядит совершенно бесполезной для счастья всех остальных. Женщины же существуют с той целью, дабы давать наслаждение всем, а не обеспечивать привилегированное и эгоистическое счастье. Итак, все мужчины имеют равное право на наслаждение со всеми женщинами, поэтому не существует мужчины, который бы по законам природы пользовался единоличным правом обладания женщиной.

Закон должен обязать женщин заниматься проституцией, если они сами этого не желают. Более того, женщины в силу этого закона будут вынуждены посещать дома терпимости. Если же женщины начнут отказываться выполнять свою самую справедливую обязанность, против которой нельзя привести ни одного законного возражения, то они будут наказаны (Маркиз де Сад. Тереза-философ / Маркиз де Сад. – Минск, 1992. – С. 184–185.

У нас, слава Богу, не так, но обалдевшая от эмансипации Америка, вернее ее правосудие, все чаще сталкивается с делами об изнасиловании, возбужденными самими женщинами порою с явной целью значительной материальной компенсации якобы нанесенного им морального ущерба.

Один юрист, рассуждая на тему изнасилования, утверждал, что закон в данном случае стоит на страже частной собственности, коим является и наше физическое тело, которым мы вправе распоряжаться по своему усмотрению. И если женщина не хочет полового акта, то никто, в том числе и супруг, не вправе его ей навязывать. Чисто теоретически это неоспоримо (хотя есть мыслители, готовые спорить, и один из них маркиз де Сад). Однако вся сложность состоит в том, действительно ли женщина подверглась насилию или же она лжет, а может быть заблуждается, считая насилием повышенную сексуальную энергичность и настойчивость мужчины.

Здесь возможны ошибки, от которых зависит судьба человека.

Прежде всего, никакое домогательство не может считаться насилием, если оно не было сопряжено с применением силы, превышающей возможности сопротивления (применение такой силы не может не оставить существенных следов насилия) или не было связано с угрозой применения какого-либо оружия.

Никакая компенсация (материальная) морального ущерба применяться не должна. Пусть мужчина, признанный виновным, заплатит штраф, но не самой «потерпевшей». Ведь если женщину не смущает процедура суда, огласка, то она явно не слишком стыдлива и говорить о каком-то моральном уроне, нанесенном лично ей, более чем странно. Ущерб наносится не ей, а принципам общественной морали и, следовательно, компенсацию ущерба должно получить общество, а не конкретное лицо.

А самим женщинам не мешает понять, что если природа наделила мужчину известным органом, у которого периодически случается эрекция, то следует терпимее относиться к его желаниям, не считать их противоестественными и согласиться с тем, что привлекательная для противоположного пола часть их тела, хотят они того или нет, не может быть их единоличной собственностью.

◈ ◈ ◈

Я часто придерживался той точки зрения и глубоко верил в то, что для признания у потомства нужно быть ненавистным современникам. Поэтому я был склонен нападать на все (Лихтенберг Г.К. Афоризмы / Г.К. Лихтенберг. – М., 1965. – С. 240).

Нельзя не признать справедливость этой мысли, несмотря на ее кажущуюся парадоксальность. Казалось бы, кто лучше современников,

сформированных теми же условиями жизни, может понять и по достоинству оценить плоды творчества и самого творца. Однако именно современники, а еще более соотечественники, склонны не замечать или даже хулить те творения искусства или философской мысли, которые выбиваются из общего ряда посредственных книг, живописных полотен или музыкальных произведений. У этой странности много причин. Одна из них зависть. Те, кто способен понять величие какого-то творческого взлета, обижены тем, что сами неспособны подняться на ту же высоту. Те же, кто не считает себя компетентным судить о творческом достижении, предпочитают ожидать, когда оценку ему выставит время. Наконец, действительно великие творения опережают свой век и потому не могут быть адекватно поняты и оценены современниками. Нужно, чтобы пророческие идеи, которые часто присутствуют в великом произведении, воплотились в жизни и подтвердили тем самым свою истинность.

Поэтому творить следует без оглядки на окружающих, без заискивания перед ними, без мысли им понравиться. Для этого вовсе не нужно нападать на все, как считает Лихтенберг. Для этого нужно говорить свободно и говорить только правду. Может быть, я ошибусь, и моя правда не будет объективной истиной, но это в любом случае лучше, чем, если я буду заведомо лгать и хитрить.

◈ ◈ ◈

Чтобы здравствовало отечество, тиран должен умереть. Судить Людовика XVI – это значит предположить, что он может быть невиновен: а если Людовик XVI невиновен, то Франция мятежна, а Революция – преступление (М. Робеспьер Цит. по: Жорес Ж. Социалистическая история французской революции / Ж. Жорес. – М., 1983. – Т. 5. – С. 12–13).

Если не иметь в виду мотивы личной мести, то, распорядившись уничтожить Николая II и его семейство, Ленин мог руководствоваться логикой Робеспьера. Суд, хотя и предвзятый, над Людовиком XVI все же состоялся, большевики же не утрудили себя судебной волокитой. Полуазиатская Россия, спустя сто с лишним лет, была более варварской и дикой, чем революционная Франция.

Впрочем, судить королей, опираясь на юридические нормы, совсем непросто. Королей нельзя судить за нарушение закона, потому что они стоят над законами и не подчиняются им. В монархическом государстве закон – это воля монарха.

Следовательно, судить их остается не на основании правовых норм, а на основании политической целесообразности или неких общечеловеческих принципов нравственности, принципов более чем абстрактных и даже туманных.

Что касается Людовика XVI, то вопрос о его участи распадался на два аспекта: 1) виновен ли он сам по себе и заслуживает ли смерти за свои злодеяния? 2) как скажется его наказание на будущности революции, судьбе французского народа?

Если лично он невиновен, то какой бы необходимой с точки зрения общественных интересов ни была его казнь, казнить его нельзя. Такая казнь сама аморальна.

Если он виновен, но его казнь пагубно отразится на судьбе страны, тогда казнить его опять-таки нельзя. Нельзя жертвовать многими ради пусть даже справедливого наказания одного. Такая жертва – верх несправедливости, а значит, она безнравственна.

Казнить его следовало только в том случае, если и он виновен, и смерть его не нанесет ущерба народу и революции. На деле не было ни первого, ни второго условия. Людовик не был тираном, не предавал Франции и не совершал преступлений против ее народа, а его казнь имела самые пагубные последствия для Франции, революции и даже тех революционеров, которые так жаждали его крови. Не вспоминал ли Дантон, отправляясь на казнь, своих роковых для Людовика XVI слов: «Мы не хотим осудить короля, мы хотим его убить»? Не думал ли Сен-Жюст, молчавший с момента ареста до смерти на эшафоте, что его обвинительный тезис «Никто не может править, оставаясь безвинным» станет логическим обоснованием его собственной гибели?

◈ ◈ ◈

В естественном состоянии все люди равны. Нет никого, кто не согласился бы с этой истиной. Однако для того, чтобы оправдать крайнее неравенство имуществ… утверждают, что даже в состоянии дикости все люди, строго говоря, не пользовались абсолютным равенством, потому что природа не наделила каждого из них в одинаковой степени чувствительностью, умом, воображением, трудолюбием, активностью, силой; следовательно, она не наделила людей одинаковыми средствами, чтобы работать для своего счастья и приобретать те блага, которые его обеспечивают (Г. Бабеф. Цит. по: Утопический социализм: хрестоматия. – М., 1982. – С. 181).

Люди неравны. То есть в демократическом обществе они могут быть равны в юридическом отношении, но они ни в каком обществе не могут быть равны в отношении нравственных достоинств и способностей. Поэтому максимум справедливости, который может обеспечить самое совершенное общество – это возвысить лучших, поднять их над остальными. Доказательством тому является опыт воплощения в жизнь социалистических идей: большевики в своем противоестественном

стремлении всех уравнять добились только того, что возвысили худших и унизили лучших.

◈ ◈ ◈

...Все, чем владеют те, чья собственность превышает их индивидуальную долю в общественном имуществе, является кражей и узурпацией.

...Следовательно, справедливо отобрать у них это... Произведения мастерства и умения становятся, таким образом, общественной собственностью, достоянием всего общества с того момента, как изобретатели и труженики их создали; потому что они основаны на предшествующих достижениях мастерства и умения, которыми пользовались новые изобретатели и труженики при своих открытиях (Г. Бабеф. Цит. по: Утопический социализм: хрестоматия. – М., 1982. – С. 202).

Какая лафа для бездарей и бездельников! Рассуждения эти могли бы быть справедливыми только в случае равенства мастерства и умения и одинакового вклада всех членов общества в копилку общественного богатства, а также в том случае, если бы предшествующие творцы, создавшие образцы, которые используют творцы современные, ничего не получали бы для себя лично за свой труд. Но последнее мы не можем утверждать достоверно даже по отношению к тому, кто первый изобрел колесо, а первое просто абсурдно, поскольку неравенство мастерства и умения – это аксиома, не требующая доказательств, потому что доказательством является вся человеческая история.

◈ ◈ ◈

...Невежество, суеверие, лень и страсть к разорительным удовольствиям составляют удел главарей общества, а способные, бережливые и трудолюбивые люди подчинены им и используются лишь в качестве орудий; ибо, одним словом, во всех родах занятий неспособные люди управляют способными, безнравственные призваны наставлять граждан добродетели, наиболее преступные – карать мелкие провинности (А. Сен-Симон Цит. по: Утопический социализм: хрестоматия. – М., 1982. – С. 227).

Следовательно, власть и стремление к ней есть нечто позорное и недостойное благородного человека. Нельзя допускать к власти тех, кто безудержно стремится к ней. Власть должна быть пусть почетным, но бременем, а не символом довольства.

◈ ◈ ◈

Довести ребенка до сознания божественной природы в себе представляется мне главной обязанностью родителей и воспитателей (У. Чаннинг Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 31).

Утвердить веру воспитанника в себя, в свои силы, в свое высокое предназначение – главная задача воспитания.

◈ ◈ ◈

Вы уничтожили несколько угнетателей, – явились другие, худшие, чем прежде. Вы уничтожили законы рабства, и вам дали новые законы крови и еще новые законы рабства… Не стоит разрушать для того, чтобы заместить одно насилие другим. Свобода состоит не в том, чтобы властвовал этот, а не тот, а в том, чтобы никто не властвовал…

Если же люди говорят вам: «До нас никто не знал, что такое справедливость; справедливость от нас, верьте нам, и мы устроим вам такую справедливость, которая удовлетворит вас», – то такие люди обманывают вас или, если искренно обещают вам свободу, сами обманываются (Ламенэ Ф. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 43–44).

Такой вывод сделали умные французы из своей Великой буржуазной революции. А мы не только не научились на их примере, но и не сделали никаких полезных выводов из собственных ошибок и вновь готовы наступать на одни и те же грабли. Возможно, народ наш все-таки выработал некоторый иммунитет на действительные революции, но оказался отзывчив на их пародийно-суррогатные варианты, вроде так называемой «оранжевой революции».

◈ ◈ ◈

«Не любить, не ненавидеть» – первая половина всякого житейского благоразумия; «ничего не высказывать и ничему не верить» – вторая. Но, разумеется, от того мира, в котором нужны такие правила, как эти,… охотно отвратишь лицо свое (Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр. – М., 1998. – С. 605).

Увы, но моя жизнь от начала ее и до конца прошла в мире, от которого, по словам Артура Шопенгауэра, «охотно отвратишь лицо свое». Всю необходимость подлых истин житейского благоразумия я вполне понимал. Но до сих пор не пойму, почему при полном их понимании в

ущерб себе я их почти всегда игнорировал: и любил, и ненавидел, и говорил, когда следовало молчать, и даже верил в заведомый обман.

◈ ◈ ◈

Умный человек прежде всего будет стремиться к удалению себя от тревог и печалей, к покою и досугу, следовательно, будет искать тихой, скромной, но, по возможности, неприкосновенной для постороннего жизни и, сообразно с этим, после некоторого знакомства с так называемыми людьми изберет себе уединение, а при великом уме – даже одиночество. Ибо чем больше человек имеет в самом себе, тем меньше нужно ему извне и тем меньше могут для него значить другие (Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр. – М., 1998. – С. 480).

Если следовать этой логике, то должно признать, что пустой труд искать умных людей среди так называемых общественных деятелей, которые по определению не могут тяготиться обществом и стремиться к уединению. Среди интеллигентного слоя политики, если их вообще к таковому относить, в умственном отношении находятся на последнем месте. Никто, разумеется, не измерял их IQ (коэффициент умственной одаренности), но это мы видим по результатам их усилий. Неслучайно к политической деятельности зачастую стремятся люди несостоявшиеся в других сферах (В. Ленин тому яркий пример). Однако пусть редко, пусть не гении, но среди них встречаются достаточно умные люди. Что их удерживает в политике, кроме корысти и честолюбия? Вероятно, наивная вера в то, что и один в поле воин.

Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе (Чаадаев П.Я. Соч. / П.Я. Чаадаев. – М., 1989. – С. 11).

...Россия слишком величественна, чтобы проводить национальную политику; ...ее дело в мире есть политика рода человеческого; …провидение создало нас слишком сильными, чтобы быть эгоистами, … оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества; … в этом наше будущее, в этом наш прогресс… таков будет логический результат нашего долгого одиночества: все великое приходило из пустыни» (П.Я. Чаадаев. Цит. по: Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М., 1991. – С. 55).

Мысль эта может служить иллюстрацией к тому, что в русском национальном характере нет места золотой середине. Русский человек – по духу русский (хотя бы он даже на французском изъяснялся лучше, чем на русском) – это всегда человек крайности. Часто он эти крайности, то есть противоположные принципы, идеалы и верования, может

исповедовать если не одновременно, то через время, как бы переходя от одной крайней точки зрения к другой прямо противоположной, переходя резко, не задерживаясь на пограничной полосе, одним махом преодолевая нейтральные воды. Это называется впадать в крайности.

Читаем строки П. Чаадаева и думаем: ба, да это чистой воды славянофильство, а ведь когда-то его объявили сумасшедшим за диаметрально противоположные западнические настроения! Вот они, эти настроения: «… мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих… если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, нас и не заметили бы…».

Но не таков ли В. Белинский (умудрявшийся почти одновременно проповедовать монархизм и социализм, гегельянство и атеизм), не таков ли Ф. Достоевский (демократ и социалист в начале своего творчества и богоискатель в конце), не таков ли Л. Толстой (начавший с идеала комильфо и закончивший непротивлением злу насилием)?

Впрочем, на Западе тоже можно сыскать подобные противоречия (к примеру, И. Кант в докритический и критический периоды). Но там это редкость, а у нас шараханье из крайности в крайность – правило.

Что же можно сказать по существу высказанной Чаадаевым мысли? Она зеркально отразила вечную страсть России повести остальные народы за собой, объявить себя третьим Римом, оплотом коммунизма, надеждой прогрессивного человечества. За это, а не только за громадность российских богатств, обширность пространства дружно ненавидели ее немцы и французы, поляки и литовцы, англичане и финны, турки и японцы, а потом и Соединенные Штаты Америки. И эта страсть верховодить сочеталась с почти полным отсутствием эгоизма, более того, с готовностью жертвовать своими интересами, ресурсами и людьми ради того, чтобы еще одно какое-нибудь ничем не знаменитое человеческое племя признало в России «старшего брата». Такой безумный альтруизм был непонятен, повергал в смятение и вызывал у европейцев еще большую ненависть.

Когда немцы стремились к мировому господству, все было понятно, они откровенно заявляли: мы – господа, а все остальные – рабы; когда Англия по всему миру плодила колонии, она без стеснения проповедовала принцип: у Англии нет вечных друзей, а есть вечные интересы; когда японцы осуществляли захватнические планы, они открыто возносили себя как детей Солнца. Когда теперь Америка навязывает всем свою демократию, только дураку непонятно, что она ищет экономических и политических выгод для себя, остальные интересуют ее постольку, поскольку они могут способствовать росту богатств и влияния Америки. И только Россия могла присоединять к себе народы и государства, чтобы кормить их, отрывая кусок хлеба у своего народа. Из пятнадцати

республик Советского Союза хуже всего жили люди именно в Российской федерации.

И вот эту странную, разорительную для страны амбицию П. Чаадаев связывает с прогрессом, с будущим.

Я совсем не прочь, чтобы Россия заняла достойное место в мировой цивилизации, я был бы искренне рад, если бы это место было первым, но мне небезразлично, какой ценой добиваться его. Меня вовсе не вдохновляет пример марафонского бегуна, прибежавшего первым и испустившего дух на финише, или Данко, осветившего путь другим своим пылающим сердцем. России к своему благородному данковскому началу следовало бы добавить немного ларровского. Больше заботы о себе, о своем народе, своей культуре, материальном благополучии. Когда мы свою огромную «пустыню» превратим в оазис, тогда никому не надо будет доказывать свое первенство, тогда безо всяких усилий с нашей стороны другие страны будут бороться за честь идти вслед за нами.

Говорю «за нами», потому что в отличие от пана Л. Кучмы не разделяю судьбы украинского и русского народов.

И еще: приведенные выше слова П. Чаадаева, написаны им А. Тургеневу в 1835 г., когда уже проявил себя гений планетарного масштаба – А. Пушкин, когда заявил о себе талант Н. Гоголя. Прошло всего два десятка лет после того, как усилиями России был остановлен Наполеон, сеявший смерть по всей Европе. Что же говорить о давних временах, когда Русь грудью своей прикрыла Европу от монгольских орд. Но мы, русские, умудряемся сочетать с потугами «дать Европе разрешение всех вопросов» низкопоклонство, самоуничижение, граничащее с мазохизмом. Для нас свой гений – не гений, свой талант – не талант, свое достижение – не достижение. Вот Запад – другое дело, тут мы готовы восхищаться любой пустышкой, взахлеб рекламировать любое ничтожество, а если подражать, то непременно дикости и пошлости. И Запад нас в этой дурости охотно поддерживает, обирая Россию как липку и даже спасибо ей не говоря.

◈ ◈ ◈

Человек, желающий служить правде и справедливости, должен быть готовым остаться в одиночестве (Берсье Е. Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 427).

То есть большинство людей не любит ни правды, ни справедливости. Поэтому избегай быть с большинством. Быть в большинстве – почти всегда означает быть с неправдой и с несправедливостью.

◈ ◈ ◈

Мое Я для меня всего дороже!…

Я не хочу ничего ни признавать, ни почитать в тебе: ни собственника, ни оборванца-бедняка, ни даже человека; я хочу лишь потребить тебя… Для меня ты являешься лишь тем, чем ты мне служишь, т. е. моим объектом, и так как ты – мой объект, поэтому ты представляешь мою собственность (Штирнер М. Единственный и его собственность. Цит. по: Антология мировой философии: в 4 т. / М. Штирнер. – М., 1971. –Т. 3. – С. 418).

Скандально известный М. Штирнер не оригинален, за четыре сотни лет до него Лоренцо Валла писал: «Для меня самого моя жизнь большее благо, чем жизнь всех остальных… Вообще, я сказал бы, что может быть выдумано более извращенное, чем счесть кого-то более дорогим тебе, чем ты сам… То же, что говорит Луцилий, а именно, что прежде всего надо думать об интересах родины, затем родителей и, наконец, о наших собственных, имеет как раз обратную силу: на первом месте должны стоять наши интересы, на втором – родителей и на последнем – родины, т. е. других людей».

На место патриотизма древних римлян и их высшей ценности – государства, за которое без раздумий нужно жертвовать своей жизнью, итальянские буржуа эпохи Возрождения поставили ценность человека как такового, вне его связи с социумом. Немецкие филистеры средины XIX в. пошли дальше: они заявили о естественном праве человека рассматривать остальных людей как объекты присвоения и потребления, то есть собственности, но не в интересах каких-то химер, вроде могущества государства, а в личных интересах. Римский патриций получал в собственность землю и рабов в награду за служение государству, немецкий бюргер хотел иметь все это безвозмездно. Кто-то назовет это бессовестным эгоизмом, грехопадением и нравственной деградацией, а кто-то – торжеством буржуазного либерализма, идеалов демократии и свободы личности.

◈ ◈ ◈

Все истинное и великое – просто и скромно; оно целомудренно стыдится своего достоинства, как красота целомудренно стыдится красоты своей и оттого делается еще прекраснее (Белинский В.Г. Соч.: в 4 т. / В.Г. Белинский. – К.; Петербург; Харьков, 1902. – Т. 4. – С. 507–508).

Очень может быть, что в России первой половины XIX в. эти слова Белинского находили живой отклик в сердцах и разделялись многими людьми. В наш продажный век товарно-денежных отношений само слово «целомудрие» давно вышло из употребления. Великое, если оно просто и

скромно, на нашем рынке не найдет спроса и тихо умрет в безвестности. На красоту, если она вдруг целомудренна, не обратят внимания. Красота ныне должна быть ярка, броска и легко доступна. Она должна выставлять себя напоказ, тут уж не до скромности. Истина, если ее не протрубили, не повторили многократно, не «пропиарили», не растиражировали, не будет услышана. Но вот беда, если вся эта демонстрация, вся эта реклама состоялись, то великое становится заурядным, истина – банальностью, а красота – ширпотребом.

Собственность – гнусная вещь; сверх всего несправедливого, она безнравственна и, как тяжелая гиря, гнетет человека вниз; она развращает человека, и он становится на одной доске с диким зверем… Расточительность, мотовство не разумно, но не подло, не гнусно. Оно потому дурно, что человек ставит высшим наслаждением самую трату и негу роскоши; но его неуважение к деньгам скорее добродетель, нежели порок. Они не достойны уважения так, как и вообще все вещи: человек их потребляет и на это имеет полное право, но любить их страстно, то есть поддаваться корыстолюбию, – верх унижения. Христианство недаром так враждебно смотрит на собственность и на имущество, точимое молью. В роскошном уничтожении временное достигает цели – оно гибнет, доставивши наслаждение высшему существу. В скоплении, совсем напротив, человек начинает принадлежать вещи (Герцен А.И. Соч.: в 2 т. / А.И. Герцен. – М., 1985. – Т. 1. – С. 474).

Спору нет, корыстолюбие – это плохо, плохо, когда человек становится рабом вещей. Но зачем же так возвышать другую крайность? Разве мотовство и расточительность – не подло и не гнусно? В таком случае, почему бы к добродетелям мотовства, расточительности и неуважения к деньгам не добавить еще и воровство? Грабь награбленное – как это революционно, антисобственнически звучит! К тому же вор, как правило, расточителен, он не ценит чужое добро, стремится его поскорее использовать, прокутить, промотать.

При всем моем уважении к А. Герцену, эти его рассуждения – образчик философии набекрень, той самой философии, которая в советское время совершенно развратила русский народ. Но чем больше отклонить маятник от равновесного состояния в одну сторону, тем больше он отклонится в другую, стоит только его отпустить. Насильственно воспитанный в презрении к деньгам и собственности наш современник сегодня испытывает патологическую тягу к ним. Тут уж не до ценностей христианской морали и тем более не до коммунистических идеалов.

Вообще нет ничего проще, чем разглагольствовать о гнусности собственности. Легко это делать тому, у кого ее нет, или тому, кто не

нажил ее своим горбом, но сложно отказаться от собственности. Прав В. Розанов: сам то Герцен из своих капиталов ничего не уступил тому же Белинскому. Впрочем, это обвинение А. Герцен мог бы парировать тем, что они ему требовались на «Колокол», который должен был разбудить Россию и освободить человека от гнета собственности.

◈ ◈ ◈

Бесполезная способность мысли, запавшая в душу становится ядовитою и разъедает ее за отсутствием другого применения (А. де Кюстин. Цит. по: Герцен А.И. Соч.: в 2 т. / А.И. Герцен. – М., 1985. – Т. 1. – С. 560).

Эта цитата из книги французского литератора маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», о которой А. Герцен пишет: «Книга эта действует на меня как пытка, как камень, приваленный к груди; я не смотрю на его промахи, основа воззрения верна, и это страшное общество, и эта страна – Россия». Кюстин и Герцен сходятся во мнении: там, где нет вольнодумия, где мысль не может быть свободно высказана, обсуждена и оценена обществом, где новые и перспективные идеи не воплощаются в общественной жизни, там деспотия, тирания и застой, чреватые социальными потрясениями.

Но ведь умом Россию не понять, тем боле французским или даже русским, но дворянским, привыкшим думать и говорить более по-французски, чем по-русски. У нас свободная общественная мысль ведет не к созиданию и демократии, а к разрушению и анархии, на смену которым приходит еще большая тирания и застой. Мы – азиаты, мы дуреем от свободы, мы ее плохо перевариваем, из нас раба следует выдавливать именно по капле, по малой толике, осторожно и постепенно. Но для тех немногих из нас, кто не подходит под общую мерку, – это действительно пытка, камень, приваленный к груди. Эти немногие судят по себе, сами-то они в силу своей интеллигентности, образованности и культуры легко могут вынести испытание свободой. Им сложно понять психологию раба, который, внезапно получив свободу, ведет себя как бык, вырвавшийся из стойла.

Горбачевская перестройка провалилась именно по причине неучета нашей азиатскости. Китайцы мудрее, они действовали постепенно, соблюдая меру, они не соблазнились перспективой немедленной демократии, и их теперешним результатам можно только завидовать.

◈ ◈ ◈

Ищите не только нравственной жизни, но стремитесь к тому, что выше нравственности (Г. Торо. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 41).

А что выше нравственности? И что Г. Торо называет нравственной жизнью? Может быть навязываемые нам извне обычаи и условности общественной морали? Внешнее соблюдение, формальное следование требованиям общественной морали недостаточно, необходима внутренняя убежденность и готовность действовать во имя идеалов добра, которые порой могут даже противостоять нормам традиционной морали.

◈ ◈ ◈

Чадам и домочадцам, состоящим под властью господина, по тогдашней терминологии «государя», казалось очень естественным состоять под его «наказанием» (т. е. и наставлением, и исправительным взысканием). Эпитет «грозный» выражал хвалу, по крайней мере, одобрение, а никак не порицание. Не наставлять, не руководить подвластных, не взыскивать с них, когда они того заслуживали, считалось в глазах самих подвластных, предосудительным признаком равнодушия, невнимания. Рассказ Олеария о русской жене иностранца, которая плакала о том, что муж никогда не бил ее – есть карикатура, но не злостная выдумка; в основании этого рассказа лежит правда, которую ни Олеарий, ни передававший этот случай не поняли, потому что она лежала совершенно вне круга их понятий. (К.Д. Кавелин. Наш умственный строй / К.Д. Кавелин. – М., 1989. –

С. 215).

До сих пор даже молодым нашим людям известна пословица «бьет – значит любит». Правда, никто из них или почти никто не называет ее справедливой. А пару сотен лет назад не было сомнений в праве русского мужика «учить» бабу уму разуму. В литературном памятнике XVI ст. «Домострое» наряду с рекомендациями по солению грибов дается полезный совет, как воспитывать жену. Бить ее следует исключительно по мягкому месту плетью или розгами: «и больно, и устрашает, и для здоровья полезно». Кстати, о здоровье. Одна дама, медицинский работник, уверяла меня, что утверждение это не далеко от истины, поскольку прилив крови к области таза и раздражение седалищного нерва во время порки способствуют развитию и нормальному функционированию женских половых органов.

Но корни, питающие и удерживающие в народном сознании пословицу «бьет – значит любит» лежат не только в представлениях

нашего исторического прошлого. Они, нравится нам это или нет, прорастают из чтимого нами православия. Сказано: «Да убоится жена мужа своего!». Что значит «убоится»? Может ли она его убояться, если он будет только гладить ее по головке? Сомнительно.

Женская эмансипация, как достижение современной западной цивилизации, конечно же, несовместима с призывом убояться своих мужей. Женщины Америки и западной Европы это вполне усвоили. Не потому ли среди их мужчин так котируются пока еще не развращенные эмансипацией россиянки и украинки.

◈ ◈ ◈

Вы все отрицаете, или выражаясь точнее, вы все разрушаете… Да ведь надобно же и строить.

- Это уже не наше дело… Сперва нужно место расчистить. (Тургенев И.С. Отцы и дети / И.С. Тургенев. – М., 1957. – С. 41).

Базаров провозглашает лозунг нигилистов: все разворотить, все разрушить, чтобы потом когда-нибудь строил кто-нибудь другой. Эту идею не мог породить голодный народ, она могла появиться только в головах скучающих от сытости интеллигентов. Народ мог лишь подхватить ее в силу тупости своей и безысходности.

Базаров хоть и занят, вроде бы, врачебной практикой и даже наукой, однако бредит поприщем политическим. Сомнительно, что в науке он был способен на нечто большее, чем вивисекцию лягушек. Базаров по натуре, по убеждениям своим – нигилист, разрушитель. Таким в науке делать нечего. Другое дело политика. Революционер в науке, как правило, – созидатель; революционер в политике, исключительно, – разрушитель.

◈ ◈ ◈

Есть случаи, в которых деликатность неуместна... хуже грубости (И.С. Тургенев. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 122).

Иван Сергеевич Тургенев – человек высочайшей культуры, интеллигент, аристократ, гуманист – это понимает. Нам же навязывается мысль, что культурность и деликатность – это холодность и бесстрастность, умение всегда сохранять спокойствие и невозмутимость. Поэтому воинствующая, часто беспощадно-резкая, «неделикатная» Наталья Витренко многими воспринимается как базарная баба, зато сладкоречивая, внешне сдержанная, но полная яда Юлия Тимошенко смотрится как образец культурности. Но культура, деликатность – это не лицемерие и не олимпийское спокойствие, а у бескультурья нет ничего

общего с умением и способностью дать пощечину подлецу, обличить лжеца и так прикрикнуть на хама и грубияна, чтобы у него отпало всякое желание грубить и хамить.

◈ ◈ ◈

Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком (К. Маркс // Маркс К. – Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 40. – С. 7).

Может ли великий мудрец не быть великим человеком? Только в том случае, если под человеческим величием понимать высокую нравственность, бескорыстие, альтруизм. Видимо, можно найти мудреца или знаменитого ученого, не отличающихся этими качествами и не исповедующих их. Таковы, например, маркиз де Сад и Н. Макиавелли, но примеры эти редки. В целом же я скорее, чем с К. Марксом, соглашусь с И. Бентамом, который писал: «Организация общества такова, что каждый из нас, работая над своим личным счастьем, работает для общего счастья. Человек не может увеличивать своих собственных средств наслаждения, не увеличивая вместе с тем средств наслаждения других».

◈ ◈ ◈

Нет ничего обычнее представления, будто в истории до сих пор все сводилось к захвату. Варвары захватили Римскую империю, и фактом этого захвата принято объяснять переход от античного мира к феодализму (Маркс К., Энгельс Ф. // Маркс К. Немецкая идеология: избр. произв. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1980. – Т. 1. – С. 66–67).

Историки полагают, что Римская империя погибла под ударами многочисленных варваров и вследствие восстания рабов. Но если это единственные или хотя бы главные причины, то возникает вопрос: а разве на заре Римской империи она не была окружена воинственными варварами, разве не сотрясали ее восстания рабов, подобные восстанию Спартака? Отчего же тогда Рим неизменно выходил победителем? Оттого, что первоначальная организация Древнего Рима, и прежде всего организация нравственной жизни, выгодно отличалась от уровня развития нравственности Рима времен его падения. Вот только один пример. «Все свое ношу с собой» – говорили о себе римские легионеры, которые не использовали вьючных животных и отправлялись в походы с тяжелым грузом воинских доспехов, запасом пищи и вязанкой дров. Такой груз мог бы свалить современного атлета. Они же, преодолев значительное расстояние, порой с ходу вступали в бой и громили противника. А на

закате солнца, как воздаяние за дневные труды, легионеры позволяли себе принять пищу.

На закате Римской империи потомки доблестных воинов ввели за правило многократное употребление пищи, пышные пиры, оргии, на которых неумеренно пили и жрали, искусственно освобождая свой желудок с целью немедленного приема следующей порции пищи. Ожиревшие и распутные патриции, круг интересов которых сводился к безудержному услаждению своего тела и удовлетворению своих прихотей, не могли быть достойными гражданами, не могли защитить свою Родину. Сами они уже не могли доблестно воевать и вынуждены были содержать армию наемников. Таким образом, не внешние, а внутренние причины, которые можно было бы охарактеризовать двумя словами – *моральная деградация*, привели к падению некогда могущественной империи.

◈ ◈ ◈

Я смеюсь над так называемыми «практическими» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о собственной шкуре. (К. Маркс Цит. По: Волков Г.Н. Путь гения / Г.Н. Волков. – М., 1976. – С. 218).

Интересно, был бы еврей Маркс столь отзывчив к мукам человечества, страданиям угнетенных, если бы родился не в семье адвоката со скромным достатком, а, как друг его Энгельс, – в семье богатого фабриканта? Возможно, при таком раскладе матери не пришлось бы сокрушаться: «Умные люди капитал делают, а мой дурачок о нем пишет».

◈ ◈ ◈

…в кабинетах нескольких славянских историков-дилетантов возникло это нелепое, антиисторическое движение, поставившее себе целью ни много, ни мало, как подчинить цивилизованный Запад варварскому Востоку... Но за этой нелепой теорией стояла грозная действительность в лице Российской империи – той империи, в каждом шаге которой обнаруживается претензия рассматривать всю Европу как достояние славянского племени и, в особенности, единственно энергичной его части – русских…, той империи, которая за последние 150 лет ни разу не теряла своей территории, но всегда расширяла ее с каждой предпринятой ею войной (Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии / Ф. Энгельс// Маркс К.: избр. произв. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1980. – Т. 1. – С. 359).

Так ли уж нелепо и тем более антиисторично движение панславизма? Единственный довод против строится на убеждении, что в нем заложена реакционная идея подчинения «цивилизованного Запада варварскому Востоку». Довод, от которого, в свою очередь, изрядно попахивает пангерманизмом. Один из историков-дилетантов неплохо, на мой взгляд, демонстрировал несправедливость и даже неблагодарность, не раз проявленную Европой по отношению к России. Я имею в виду Николая Данилевского и его книгу «Россия и Европа». Глядя на огромность российских территорий, западноевропейские государи испытывали зависть и панический страх. Следствием этого были постоянные интриги и прямые нападки на Россию, стремление вывести из под российского влияния другие славянские народы, а еще лучше стравить их между собой.

Но славяне, кроме разве что окатоличенных поляков, всегда тяготели к России и видели в ней единственный шанс на свободу и независимость. Не странно ли такое их убеждение, если Россия – варвар, монстр и угнетатель? Видимо, не странно. Сам Ф. Энгельс парой страниц ранее рассказывает о том, как немцы «цивилизовывали» Восток: производство всех промышленных товаров в Польше и Чехии «попало в руки немецких иммигрантов», а торговля сделалась «исключительно монополией евреев, которые, если они вообще принадлежат к какой-либо национальности, в этих странах являются, несомненно, скорее немцами, чем славянами». То есть немцы в содружестве с евреями становились экономически господствующим слоем среди славян, последние же выступали в роли их холопов и наемных работников, которые, естественно, должны были исправно трудиться на своих новоиспеченных хозяев.

Чем в этом отношении отличалась Россия, которая тоже проникала на территории обычно еще менее цивилизованные, чем она сама. Она навязывала свой политический режим и свою политическую волю, экономического угнетения по национальному признаку нигде не было. В конце концов в советские времена дело дошло даже до того, что среди пятнадцати республик в РСФСР народ жил хуже всех остальных и своим трудом дотировал другие республики. Иными словами, «порабощенные» народы не только не подвергались экономическому грабежу, но еще и снабжались за счет народа русского. Такова была экономическая плата за политическое господство. Именно поэтому Российская империя продержалась дольше остальных.

Вообще Европа частенько подходила к России, да и к другим славянским государствам и православным народам, с двойными стандартами, похоже, что этот подход сохраняется до сих пор. Поэтому объединение Германии – это очень хорошо, а объединение России, Белоруссии, Украины и Казахстана – это очень плохо. Сепаратизм внутри

России – это хорошо, а в Молдавии и Грузии – плохо. Косово и Чечня – имеют право на самоопределение, а Приднестровье, Левобережная Украина, Абхазия и Южная Осетия – нет. Единая Европа – это замечательно, а славянское единство – это нелепость. Ради того, чтобы эта нелепость не реализовалась, можно на худой конец принять в Евросоюз чуть ли не всех славян, только бы не русских.

◈ ◈ ◈

Рабочий значительно более отзывчив в повседневной жизни, чем буржуа. Я уже говорил выше, что нищие обычно обращаются почти исключительно к рабочим и что рабочие вообще больше делают для поддержания бедняков, чем буржуазия… Гуманизм рабочих проявляется весьма отрадным образом и в других формах. Не баловала их самих жестокая судьба, и потому они умеют сочувствовать тем, кому плохо живется. Для них каждый человек – человек, между тем как для буржуа рабочий не вполне человек. Вот почему рабочие обходительнее, приветливее и, хотя они больше нуждаются в деньгах, чем имущий класс, все же они менее до них падки; для них деньги имеют ценность только ради того, что на них можно купить, между тем как для буржуа они имеют особую присущую им ценность, ценность божества, и превращают буржуа в низкого, грязного «человека наживы». Рабочий, которому это чувство благоговения перед деньгами совершенно чуждо, не так жаден, как буржуа, который готов на все, чтобы побольше нажить и видит цель своей жизни в наполнении своего денежного мешка. Вот почему рабочий гораздо более независим в своих суждениях, более восприимчив к действительности, чем буржуа, и не смотрит на все сквозь призму личных интересов (Ф. Энгельс Положение рабочего класса в Англии / Ф. Энгельс // Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 2. – С. 356–357).

Касательно оценок нравственных качеств буржуазии спорить не буду. Но диву даешься, где выискал Ф. Энгельс такого идеально-гуманного рабочего. Сомнительно, что пролетарии Англии или какой угодно другой страны средины XIX в. являли собой рисуемый классиком образец добродетелей. Это слепота человека, который выстроил свое видение мира и подогнал под него живую жизнь. Реальность оказалась, мягко говоря, несколько приукрашенной. Впрочем, возможно, что такое мнение о рабочих сложилось у Энгельса в процессе личного общения. Он наблюдал их со стороны в качестве фабриканта, барина, от которого они зависели и перед которым вынуждены были ломать шапку. Угодничество и раболепие он принял за будто бы присущие рабочим обходительность и приветливость. Думаю, к вождям мирового пролетариата интеллигенту

Марксу и буржуа Энгельсу можно применить ленинскую оценку декабристов: «страшно далеки они от народа».

◈ ◈ ◈

Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия. Это два совершенно различных народа, которые так же отличаются друг от друга, как если бы они принадлежали к различным расам (Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / Ф. Энгельс// Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 2. – С. 356).

Это то основание, из которого вытекает марксистская идея классового антагонизма. У Гитлера подобные же основания подведены под идею межнациональной розни. Тогда так ли уж противоположны коммунизм и фашизм? Не удивительно, что реальные следствия того и другого весьма похожи: культ личности, тирания, война, многомиллионные человеческие жертвы.

◈ ◈ ◈

Вы приписываете мне большие заслуги, чем следует, даже если считать все то, до чего я, быть может, додумался бы – со временем – самостоятельно, но что Маркс, обладая более проницательным взглядом и более широким кругозором, открыл намного раньше. (Ф. Энгельс // Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 39. – С. 82).

Энгельс, завершив работу над вторым и третьим томами «Капитала», издал их как работу Маркса, хотя его вклад не был чисто техническим. Маркс и его семейство жили на ренту, которую назначил им тот же Энгельс. При этом Энгельс считал Маркса гением, а себя в лучшем случае талантом. На похоронах друга Энгельс заявил: «И имя его и дело переживут века». Наконец, на могиле Маркса на Хайгетском кладбище установлен помпезный бюст, а прах Энгельса по его завещанию рассеян по ветру. Такое поведение – воплощение скромности. Немец Энгельс признавал первенство еврея Маркса.

Гитлер же объявил евреев паразитами, недочеловеками и врагами немецкого народа. И народ радостно откликнулся на все его призывы. Вообще, народ, если он велик, не может бесконечно терпеть кого-либо над собой, и если в один роковой момент он поднимется против своих угнетателей, подлинных или мнимых, то гнев его оказывается страшен. Таковым был гнев русского народа направленный (не без помощи евреев) против собственных бар, таковым был гнев немецкого народа, направленный фашистами, против евреев.

◈ ◈ ◈

Что такое философ? Слово философ у нас на Руси есть слово бранное и означает: дурака (Ф.М. Достоевский // Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. Литературное наследство.– М., 1971. – Т. 83. – С. 263).

Какое еще отношение к любящему мудрость, может быть там, где «горе от ума»?! Это частный случай того презрения и ненависти, которое испытывает невежество по отношению к образованности и интеллигентности. У нас, как мне кажется, это презрение идет от того, что русская интеллигенция, вечно мучимая угрызениями совести, страдавшая, «за несчастный народ вопиявшая», убедила-таки невежественные массы, бывшие «ничем», в том, что они должны быть «всем». Но должны быть не после обучения и культурного развития, а прямо сейчас, потому только, что они видишь ли н а р о д! То есть будьте любезны со свиным рылом да в калашный ряд. Ну и что же будет делать свинья в калашном ряду?! Да то же, что слон в посудной лавке.

Дураку и хаму, если он не желает учиться, нужно постоянно напоминать, что он дурак и хам, иначе он возомнит себя великим умником и мудреца будет считать за дурака.

◈ ◈ ◈

Если сила плохих людей в том, что они вместе, то хорошим людям, чтобы стать силой, надо сделать то же самое (Л.Н. Толстой. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 349).

Это невозможно. Во-первых, кто такие «хорошие» люди? Это, надо думать, личности, личности не в примитивно социологическом смысле, а в смысле этическом. Такие люди трудно объединяются, потому что они различны. Легко объединяется, легко смешивается примитивное и однородное. Положим, однако, что им удалось объединиться. Объединяясь, они перестают быть хорошими. В объединении, то есть в массе, в толпе они становятся в лучшем случае никакими, а в худшем – плохими.

◈ ◈ ◈

Если бы мы увидели, что человек вместо того, чтобы покрыть крышу своего дома и вставить окна, всякий раз, когда заходит дождь и ветер, выходил бы наружу и, стоя на ветру и под дождем, сердился бы на тучи и кричал бы на них, приказывая одной иди направо, другой налево, – мы, наверно, увидав такого человека, сказали бы, что он сумасшедший. А между тем мы все делаем это самое, когда мы сердимся за то зло, которое делают люди, ругая людей, а не заботясь о том, чтобы

искоренить зло в себе. А между тем избавиться от зла в себе – прикрыть крышу, вставить окна – в нашей власти, а искоренить зло из мира так же мало в нашей власти, как распоряжаться тучами. Если бы люди, вместо того чтобы учить других, хоть изредка занимались тем, чтобы учить самих себя, – все меньше и меньше становилось бы зла в мире и все легче и легче было бы жить людям (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 49).

Лев Николаевич как аксиому утверждает мысль, что формировать себя, бороться со злом в себе легче, чем влиять на других, пытаться искоренять зло в других людях. Но это вовсе не аксиома. Известно, что в чужом глазу соломинка видна лучше, чем бревно в своем. Человек вообще, в отличие от всех других животных, стремится не приспосабливаться к окружающей среде, а приспосабливать ее. Для человека другой человек – та же окружающая среда, вот почему он стремится переделать не себя, а его. Я даже думаю, что самовоспитание дело много более сложное, чем воспитание.

Вспомните моралиста Сенеку, он проповедовал самые замечательные идеи, но на вопрос, почему не всегда следует им, отвечал: «Не о себе, а об истине веду я речь». Конечно, некрасиво выглядит, человек, который сам не соответствует идеалу, однако проповедует его. Но это мы наблюдаем в людях столь часто, что не имеем права относить к случайности.

◈ ◈ ◈

Делай добро тайно и жалей, когда про него узнают, и ты научишься радости творить добро. Сознание доброй жизни, без одобрения за нее людей, есть лучшая награда доброй жизни (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 79).

Фактически, это требование невозможного, требование святости от человека, который мало того, что творит добро, но еще и обязан почему-то творить его тайно. Что же касается того, по отношению к кому делается тайное добро, оно ущербно в двух смыслах: во-первых, лишает его возможности быть благодарным, во-вторых, приучает к жизни за чужой счет.

◈ ◈ ◈

Чем выше в своем собственном мнении поднимается человек, тем положение его ненадежнее, чем ниже он опускается, тем тверже его положение (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 91).

Это неудивительно, это почти закон природы: тело тем устойчивее, чем ближе к земле центр его тяжести.

◈ ◈ ◈

Справедливость требует, чтобы брать от людей не больше того, что даешь им. Но нет возможности взвесить свои труды и труды других, которыми пользуешься; кроме того, всякий час ты можешь лишиться возможности трудиться, а должен будешь пользоваться трудом других. И потому старайся давать больше, чем берешь, чтобы не быть несправедливым (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 113).

Чтобы ни ожидало нас после смерти – небытие или загробная жизнь – ясно одно: ничто невозможно взять с собой из этого мира в мир иной. Значит, не затем, чтобы хапать и обогащаться явился на свет человек, а наоборот, чтобы трудом своим привнести в него что-то свое и оставить в память о себе и в благодарность за чудо своего рождения.

◈ ◈ ◈

...Непротивление злу злом есть единственное средство победить зло. Оно убивает злое чувство и в том, кто сделал зло, и в том, кто понес его.

«Но, спрашивается, если мысль учения верна, то исполнимо ли оно?» Так же исполнимо, как всякое добро, предписываемое Законом Божьим. Добро во всех обстоятельствах не может быть исполняемо без самоотречения, лишения, страдания и, в крайних случаях, без потери самой жизни. Но тот, кто дорожит жизнью более, чем исполнением воли Бога, уже мертв для единственной истинной жизни. Такой человек, стараясь спасти свою жизнь, потеряет ее…

Непротивление сохраняет, противление разрушает.

Несравненно безопаснее поступать справедливо, чем несправедливо; сносить обиду, чем противиться ей насилием… Если бы все люди не противились злу злом, наш мир был бы блажен (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 169).

Звучит красиво, но на деле – трусливая мораль рабов, по сути, мораль аморальная, так как разрушает важнейший принцип – принцип справедливости. Опыт показывает, что насильники, не встречая сопротивления, насильничают еще больше… Если бы все люди отвечали на зло добром, мир был бы несправедлив до абсурда.

Хотя, возможно, во времена Л. Толстого, когда не было ни Гитлера, ни Сталина, ни Пол Пота, ни террористов, ни серийных убийц, не было и

двух мировых войн, унесших десятки миллионов жизней, идея непротивления злу насилием не выглядела столь утопичной, как сегодня.

◈ ◈ ◈

Мы часто судим о людях: одного называем добрым, другого злым, одного глупым, другого умным. А этого нельзя делать. Человек течет, как река. Он каждый день тот же и не тот же: был глуп, стал умен; был зол, стал добр, и наоборот. Нельзя судить человека. Ты осудил, а он уже другой (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 170).

Еще можно, хотя и не безоговорочно, согласиться с тем, что не следует осуждать, но никак нельзя согласиться с тем, что нельзя одобрять.

◈ ◈ ◈

Всякое величайшее дело делается в условиях незаметности, скромности, простоты: ни пахать, ни строить, ни пасти скотину, ни мыслить даже нельзя при громе и блеске. Великие, истинные дела – всегда просты, скромны (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 268).

Жаль, что под великими делами мы понимаем войны, революции, политическую трескотню. Если бы мы всю эту дрянь оценивали по достоинству, дряни было бы меньше.

◈ ◈ ◈

Вспоминай при каждом столкновении с людьми закон взаимности: то, чтобы поступать с другими как хочешь, чтобы поступали с тобой (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении/ Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 319).

Золотое правило морали Л. Толстой называет законом взаимности, подчеркивая тем самым, что принципы нравственности не случайны и не субъективны, а представляют собой необходимые условия человеческого общежития.

◈ ◈ ◈

Когда испытываешь чувство недовольства всем окружающим и своим положением, уйди как улитка в свою раковину, в сознание своего назначения в мире и выжидай времени, когда пройдут те условия, которые ввели тебя в это состояние, и ты будешь опять делать свое дело жизни (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 425).

Если каждый будет ждать лучших времен, уйдя как улитка в свою раковину, то они, эти времена, никогда не наступят.

◈ ◈ ◈

Ничто так не поощряет праздности, как пустые разговоры. Если бы люди молчали и не говорили тех пустяков, которыми они отгоняют от себя скуку праздности, они не могли бы переносить ее (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 480).

Мне всегда претила пустая, праздная болтовня. Но любители таковой обычно с неменьшим презрением относятся к любым разговорам, в которых присутствует хотя бы толика интеллектуализма и тем более философичности.

◈ ◈ ◈

Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы (Д.И. Писарев // Антология мировой философии: в 4 т. – М., 1970. – Т. 4. – С. 294).

Надо думать, у Д. Писарева это только метафора, но так ли далеки такого рода иносказания от реальной практики революционного насилия. Идея физического уничтожения царствующей династии и иже с нею, вынашиваемая и культивируемая революционной демократией, была очень популярна в интеллигентской среде. Да что интеллигенция, она, эта идея, пьянила головы и просвещенного дворянства. «Самовластительный злодей, – восклицал великий Пушкин, – тебя, твой трон я ненавижу, твою погибель, смерть детей с жестокой радостию вижу».

Властители дум русского общества XIX в., вероятно, не догадывались, как опасно и даже преступно звать народ к топору, манить толпу запахом крови. Великий человек, обращаясь к народу, должен говорить с ним на уровне его понимания, он не должен забывать, что любая его мысль может быть искажена и доведена до крайности.

Однако великий человек часто недооценивает эту опасность, ему главное бросить идею, полюбоваться красивостью своей мысли, он склонен не замечать, сколь велика пропасть между ним и темной массой. Не то что бы он совсем не видит эту разницу, но он не придает ей значения, поскольку понимает, что по сравнению с неведомым, по

сравнению с загадками и тайнами бытия его знания и его ум столь же ничтожны, сколь знания и слабый умишко любого невежды.

◈ ◈ ◈

Счастье всегда впереди – это закон природы. (Д.И. Писарев. Цит. по: Тумаркин И.Б. Золотые россыпи: Мысли и афоризмы И.Б. Тумаркин. – Одесса, 1961. – С. 42).

Счастье или впереди, или позади. Оно где угодно и у кого угодно, только не в настоящем и только не у нас.

◈ ◈ ◈

...походите на толпу: чем менее стыдно ей будет перед вами, тем вы будете популярнее. Поэтому будьте насильником, корыстолюбцем, вымогателем, интриганом, льстецом, низкопоклонником, гордецом и, смотря по обстоятельствам, даже совмещайте в себе все эти качества (Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Собр. соч. – М., 1901. – Т. 4. – С. 330).

Вот краткое объяснение тому, почему никакая демократия не является препятствием для выдвижения откровенных негодяев, шутов или посредственностей. Что же касается охлократии, то она и вовсе создает все условия для их процветания и продвижения.

◈ ◈ ◈

Людей, мечтающих о революции, нужно разделить на два вида: на таких, которые ожидают чего-нибудь для самих себя, и таких, которые заботятся лишь об интересах своих детей и внуков. Последние самые опасные революционеры: за ними стоит вера и чистая совесть людей бескорыстных (Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Собр. соч. – М., 1901. – Т. 4. – С. 326).

Действительно, революционеры – альтруисты и фанатики куда опаснее, их невозможно подкупить, их невозможно переубедить, и в неколебимом сознании своей правоты они будут творить ужасные вещи. М. Робеспьер, став главой Конвента, оставался жить на мансарде, проще говоря, на чердаке. Его правая рука – Сен-Жюст был гол как сокол. Этих людей никто не мог упрекнуть в том, что они действуют ради собственной корысти, тем проще им было развернуть жесточайший террор.

◈ ◈ ◈

Мораль отрицает жизнь (Ф. Ницше. Цит. по: Сиднев Л.Н. Десять лекций по этике / Л.Н. Сиднев. – Запорожье, 1999. – С. 47).

Ф. Ницше заявлял, что жизнь заквашена на борьбе, а мораль стремится к примирению, сглаживанию противоречий. Тем самым мораль отменяет борьбу, а следовательно, отрицает жизнь. Разумеется, с однозначностью этого утверждения можно и нужно спорить. Но можно ли привести примеры его подтверждающие? Можно и немало. Вот один из них. Когда-то в Америке существовала крупная и процветающая автомобильная компания «Паккард». Управляющий компании был уличен в связях с… женой, но не своей, а чужой. Для пуританской Америки этого было достаточно, чтобы вокруг его имени разразился скандал. Хозяин компании решил, что скандал наносит ущерб предприятию и счел за благо уволить «аморального» управляющего. Но тот, что был назначен на его место, не обладал и половиной деловых качеств уволенного. С тех пор компания начала быстро хиреть и уступать своим конкурентам. В 1959 г. «Паккард» приказал долго жить.

Ф. Ницше следовало бы добавить к своему изречению только одно слово, тогда бы он был стопроцентно прав: *ханжеская* мораль отрицает жизнь.

◈ ◈ ◈

...Простой здравый смысл кричит: «Отчего же это фабриканты должны уступить рабочим машины и корпуса фабрик – когда решительно ничего не уступили: Герцен – Белинскому, Михайловский и Некрасов – Глебу Успенскому» (Розанов В.В. Уединенное / В.В. Розанов. – М., 1990. – Т. 2. – С. 226).

А русские революционные демократы, подобно богачу-моралисту Сенеке, не о себе, а об истине вели речь. Вообще, как показывает опыт, это для любого радетеля общественных интересов пункт самый сложный: распространить общее правило на самого себя. Кто из четырехсот пятидесяти депутатов Верховной Рады потребовал себе среднюю по стране зарплату? Найдите мне такого – и я ему перечислю весь гонорар за эту книгу.

◈ ◈ ◈

С великих измен начинаются великие возрождения… Тот насаждает истинно новый сад, кто предает, предательствует старый, осевший, увядший сад… (Розанов В.В. Опавшие листья / В.В. Розанов. – М., 1990. – Т. 2. – С. 436–437).

Казалось бы, что может быть низменнее, мерзостнее предательства. Однако изощренная мысль способна не только оправдать, но и возвести в добродетель даже предательство. Вот почему на одной только мысли, на одной только логике не может быть основана мораль. Переход от

язычества к христианству, от католицизма – к лютеранству В. Розанов представляет как измену, предательство. Формально, по внешним только признакам это так. Но можно ли назвать изменой и предательством пришедшее к человеку в мучительной внутренней борьбе разочарование в его старых убеждениях, стремление, может быть даже ценою жизни, объявить всем и каждому свою новую веру? Предательство всегда связано со спасением своей шкуры или, того хуже, с желанием помягче примостить собственную задницу.

◈ ◈ ◈

Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь (Чехов А.П. Избр. соч.: в 2 т. / А.П. Чехов. – М., 1986. – Т. 2. – С. 624).

Так говорит одна из героинь чеховской пьесы «Три сестры». Антон Павлович неслучайно вкладывает эти патетические слова в уста неопытной девицы. Было бы смешно и глупо, если бы их проповедовал зрелый муж. Опыт убеждает нас, что никогда страдания нынешнего поколения не переходят в радость грядущих поколений. Даже страдания Христа не сделали людей ни добрее, ни чище, ни счастливее. Поэтому пусты и лживы призывы демагогов надрывать пупок сегодня ради того, чтобы блаженствовать в далеком будущем, к тому же блаженствовать не надрывающему пупок, а его потомкам. Чем более настоящее поколение позаботится о себе, чем лучше материально и духовно оно обустроит свою жизнь, тем больше достанется и потомкам.

◈ ◈ ◈

Смысл жизни в красоте и силе стремления к целям, и нужно, чтобы каждый момент бытия имел свою высокую цель (М. Горький. Цит. по: Тумаркин И.Б. Золотые россыпи: Мысли и афоризмы / И.Б. Тумаркин. – Одесса, 1961. – С. 37).

Красиво сказано! Но если вдуматься, то первая часть сентенции нуждается в доказательстве, а вторая – просто невыполнима. Человек ест, спит, сидит на горшке. Покажите мне хоть одного, кто наполнил эти жизненные моменты высокими целями. Абсолютное большинство людей вообще не преследует никакие возвышенные цели и не задумывается о смысле жизни. Но даже и те, кто не чужд возвышенному и жаждет смысла, все же больше едят, спят и сидят на горшках. Кто-то сказал и очень верно: все мы барахтаемся в грязи, но иные из нас при этом глядят на звезды.

◈ ◈ ◈

Я не боюсь сказать, что все сделанное до меня не кажется мне лучше того, что я сам могу сделать. Если ты сочтешь мои слова самонадеянностью, ты – ошибаешься. Нет, видишь ли, это должно быть основным убеждением каждого, кто не хочет ставить себя в безличные ряды миллионов людей. Именно убеждение в своей исключительности должно – и может – служить источником творческой силы. Сначала скажем самим себе: мы не таковы, как все другие, потом уже легко будет доказать это и всем другим (М. Горький // Собр. соч.: в 18 т. /М. Горький. – М., 1963. – Т. 18. – С. 114–115).

Эти рассуждения Леонида Андреева Горький пересказывает в очерке о нем. Горький характеризует такую позицию как наивное хвастовство. Но, по сути, Андреев прав. Творчество – это всегда акт исключительности, самости и оригинальности. Коллективное творчество – выдумка. Коллективное творчество – это когда к одному таланту примазываются десять бездарей. И, конечно же, понимание того, что ты талантлив, что можешь достигнуть большего, чем остальные, может служить если не источником, то дополнительным стимулом творческой деятельности.

Андреев, пожалуй, прав и в том, что человек, уверившийся в своей исключительности, легко докажет это и всем другим. Но, на мой взгляд, только при том условии, что уверенность эта ложная. Чтобы иметь успех у массы, необходимо быть подобным ей, то есть бесталанным и малообразованным. Никчемные люди, обладающие самонадеянностью и наглостью, имеют много больше шансов стать кумирами толпы, чем люди действительно выдающиеся. К тому же последние обычно не любят самовосхваления и не ищут славы.

◈ ◈ ◈

…Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы»… это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое рабство перед попами, царями, помещиками и капиталистами (Ленин В.И. О национальной гордости великороссов / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 108).

Есть замечательная пословица: «Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь». Рано заговорил Владимир Ильич о способности русских к

борьбе за свободу. Почти сто лет прошло с тех пор, как были сказаны эти слова, а волю к свободе и сегодня нельзя назвать чертой русского национального духа. За революционность и способность к борьбе за свободу В. Ленин принял отчаяние людей, доведенных до крайности, и слепое невежество масс, поверивших в лозунги большевиков. Когда утопающий отчаянно барахтается и хватается за соломинку – это не мужество, а всего лишь инстинкт самосохранения. А вера красивым и пустым фразам – это не революционность, а глупость.

Может быть, идея свободы, пусть в извращенных, уродливых формах (вроде грабежа награбленного), в начале XX в. действительно зарождалась в сознании масс, но годы большевистского правления нещадно выпололи ее слабые ростки. Холопство и рабство не только выстояли, но и укоренились еще больше. И сегодня по-прежнему мы способны разве что на то, чтобы наступать на старые грабли: ругать власть, но срывать злобу на себе подобных, затевать «революции» на зарубежные деньги, обольщаться заведомо лживыми обещаниями рвущихся к власти политиканов и непроходимой тупостью своей содействовать негодяям и проходимцам, сажать на троны очередных мандаринов. Многоцветные коричневато-малиновые и лимонно-апельсиновые революции в некоторых постсоветских республиках – наглядное тому подтверждение.

◈ ◈ ◈

...мы видим ясно три поколения, три класса, действующие в русской революции. Сначала дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» – звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян (Ленин В.И. Памяти Герцена / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 262).

Первое поколение русских революционеров готово было положить на алтарь своей веры свои жизни. И только свои. Они не погнали на Сенатскую площадь народ, не убили Николая I, не расстреляли верные ему войска. Второе – уже жертвовало не только собой, но и другими. Таковы народовольцы. Бросая бомбы в ненавистных им тиранов, они

готовы были и к своей гибели, и к гибели ни в чем невинных людей: случайных прохожих и слуг. Третье поколение согласно было жертвовать кем угодно, только не собой. Или собой… в последнюю очередь. Это поколение революционеров «пошло другим путем», оно взбунтовало и бросило в братоубийственную войну миллионы людей, развернуло жестокий террор против широчайших народных масс. Таковы большевики. Но надежды последних не оправдались и революционный каток, которым они сначала прошлись по всей России, потом раздавил их самих.

◈ ◈ ◈

Когда люди хвастаются пороками, это еще не беда; нравственное зло возникает, когда хвастаются добродетелями (Честертон Г. Цит. по: Носков В.Г. Перекличка веков. Размышления, суждения, высказывания / В.Г. Носков. – М., 1990. – С. 101).

Гилберт Честертон утверждает, что не беда, когда люди хвастаются пороками, зло возникает, когда хвастаются добродетелями. Мысль, может быть, оригинальная, но ложная. Можно согласиться с тем, что когда хвастаются добродетелями, уже тогда возникает моральное зло. С позиций высокой этики хвастаться чем-либо – дурно, но когда общество терпит и даже благосклонно принимает хвастовство злом, тогда речь идет уже не о возникновении зла, не о какой-то начальной стадии его, а о полном его торжестве и утверждении. Это уже конец, дальше двигаться по пути аморализма, собственно, некуда.

К сожалению, примеры последнего мы наблюдаем на каждом шагу: бандит кичится тем, что он бандит, воры (а только наглые воры богатеют в одночасье) банальное жульничество преподносят как «успешность» и становятся избранниками народа, бывший украинский Президент на всю страну похваляется способностью сухим выходить из воды, т. е. смакует свою подлость и беспринципность.

◈ ◈ ◈

Он морально уготовлял историческое самоубийство русского народа. Он подрезывал крылья русскому народу как народу историческому, морально отравил источники всякого порыва к историческому творчеству. Мировая война проиграна Россией потому, что в ней возобладала толстовская моральная оценка войны. Русский народ в грозный час мировой борьбы обессилили, кроме предательств и животного эгоизма, толстовские моральные оценки. Толстовская мораль обезоружила Россию и отдала ее в руки врага. (Бердяев Н.А. Духи русской

революции / Н.А. Бердяев // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М., 1991. – С. 282).

Это явная натяжка. Конечно, толстовский пацифизм, толстовское «непротивление злу насилием» не могли способствовать воинской доблести, отваге и героизму. Но видеть в них сколько-нибудь серьезную причину пораженческих настроений, умерщвления в русском воинстве «инстинкта силы и славы» можно разве что под микроскопом с многократным увеличением.

◈ ◈ ◈

Толстой был крайним анархистом, врагом всякой государственности по морально-идеалистическим основаниям. Он отверг государство как основанное на жертвах и страданиях и видел в нем источник зла, которое для него сводилось к насилию. Толстовский анархизм, толстовская вражда к государству также одержали победу в русском народе. Толстой оказался выразителем антигосударственных, анархических инстинктов русского народа. Он дал этим инстинктам морально-религиозную санкцию. И он один из виновников разрушения русского государства. (Бердяев Н.А. Духи русской революции / Н.А. Бердяев // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М., 1991. – С. 282).

Вновь грандиозное преувеличение. Не то что один Л. Толстой, но и все остальные так называемые «виновники» разрушения русского государства виноваты в этом разрушении много меньше самого государства. Оно разрушало себя барским небрежением к собственному народу, разрушало тем, что безмозгло топтало в нем всякое проявление мысли, держало в невежестве. Оно саморазрушалось тем, что личность в нем нивелировалась, всячески подавлялась, стремление к свободе выкорчевывалось, насаждалось всеобщее рабство. В таком государстве всякий честный человек мог быть только анархистом. Неслучайно, что самые именитые идеологи анархизма (М. Бакунин, П. Кропоткин, П. Ткачев) родились именно в России.

◈ ◈ ◈

У меня в результате испытаний выработалось очень горькое чувство истории. Оно более всего питается наблюдениями над жизнью общества, но так же и чтением книг по истории. Периодически являются люди, которые с большим подъемом поют: «От ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови, уведи меня в стан погибающих за великое дело любви». И уходят, несут страшные жертвы, отдают свою жизнь. Но когда они побеждают и торжествуют, то

быстро превращаются сами в «ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови». И тогда являются новые люди, которые хотят уйти в «стан умирающих». И так без конца совершается трагикомедия истории. Только Царство Божие стоит над этим (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии/ Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 220).

В глубокой юности я был в восторге от этих некрасовских строк и, кажется, сам не прочь был уйти в «стан погибающих», во всяком случае, мое сочувствие целиком и полностью было на их стороне. Я понимал, что победивший дракона сам превращается в дракона, что революции по общему правилу вырождаются и со временем превращаются в контрреволюции. Но из этого следовало, на мой взгляд, что революция должна быть перманентной, что при первых признаках общественного упадка и деградации следует воздвигать новые баррикады, поднимать знамя новой революции.

Моя сегодняшняя точка зрения кардинально иная. Но она не следствие старческой усталости. Моему радикализму могли бы поучиться многие молодые люди. Но долгие размышления и опыт привели меня к убеждению, что всякое насилие, в том числе революционное, не уничтожает, а приумножает зло. История еще не знала такого революционного бунта, который бы разрешил сколько-нибудь полно социальные проблемы, не знала революций, которые хотя бы на треть реализовали свои обещания, призывы и лозунги. Одна из причин этого в том, что революция втягивает в свой водоворот широкие народные массы. А масса неспособна к творчеству и сознательному действию, ее действия всегда иррациональны и стихийны. Поэтому революционерам, выпускающим дремлющего джина на волю, рано или поздно приходится загонять его обратно: в его рабское и пассивное состояние. И вместо демократии является тоталитаризм.

Даже современные «революции», например оранжевая на Украине, которые только условно можно называть революциями, которые по сути являются политическими переворотами, даже они не имеют практически никакого положительного результата. Польза от них не доказана, а вред несомненен.

Однако было бы большой ошибкой винить в революции исключительно революционеров, не менее чем наполовину виноваты власти, доведшие народ до той степени невежества или нищеты, когда он готов очертя голову удариться в революцию.

◈ ◈ ◈

В противоположность распространенному мнению я всегда думал, что свобода аристократична, а не демократична. Огромная масса людей

совсем не любит свободы и не ищет ее. Революционные массы не любят свободы (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии/ Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 48).

Справедливое замечание. Масса не любит свободы. Она обожает тиранов, которые лишают ее свободы. К свободе стремится мыслящий индивид, а не толпа. Может быть это печально, но мыслящий индивид заблуждается, думая, что массе нужна свобода. Свобода ей не только не нужна, но и вредна для нее. Но беда в том, что те немногие, которые узурпируют свободу для себя, так называемые власть имущие, пытаются лишить свободы не только толпу, но и мыслящих индивидов, даже в первую очередь мыслящих индивидов. По сути, они правы: им опасны диссиденты, а не безропотные и бестолковые массы.

◈ ◈ ◈

Но сейчас я остро сознаю, что, в сущности, сочувствую всем великим бунтам истории: бунту Лютера, бунту разума просвещения против авторитета, бунту «природы» у Руссо, бунту французской революции, бунту идеализма против власти объекта, бунту Маркса против капитализма, бунту Белинского против мирового духа и мировой гармонии, анархическому бунту Бакунина, Бунту Льва Толстого против истории и цивилизации, бунту Ницше против разума и морали, бунту Ибсена против общества, и самое христианство я понимаю как бунт против мира и его закона (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии/ Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 54).

Да, в бунте, как и в разрушении, как и в смерти, есть своя притягательность, есть некое дьявольское искушение. «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья». Но это не основание для того, чтобы сочувствовать любому бунту. Конечно, Н. Бердяев приводит примеры великих бунтов, которые были исторически необходимы, были порождены упрямым нежеланием отжившего свой век старого уступить дорогу новому. Но даже в этих бунтах для меня есть содержание, которому я не могу сочувствовать, есть следствия, которые я не могу принять и признать, есть то, чему я не только не сочувствую, но чем возмущен до глубины души. Это средневековая инквизиция – уродливое порождение христианской церкви, гильотины французской революции, ГУЛАГ большевистского рая, строившегося по вдохновению Карла Маркса, фашизм, искавший себе оправдания в идее сверхчеловека Фридриха Ницше.

◈ ◈ ◈

Меня всегда возмущало, когда общество вмешивалось в эротическую жизнь личности. Социальные ограничения прав любви вызывали во мне бурный протест, и в разговорах на эту тему мне случалось приходить в бешенство. Любовь есть интимно-личностная сфера жизни, в которую общество не смеет вмешиваться. Я вообще не люблю «общества». Я человек, восставший против «общества» (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии/ Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 67).

Мне не приходилось впадать в бешенство, отстаивая принцип свободы любви, но сам этот принцип я всегда поддерживал и, как мог, проповедовал. (Кстати о бешенстве. Мне случалось бесноваться либо по более значимым, как мне кажется, поводам, когда оскорблялось достоинство человека, когда политиканы под видом демократии обтяпывали свои делишки, когда под лозунгом восстановления исторической справедливости поднимал голову национализм, либо по поводам совершенно ничтожным и бытовым. Последнее было досадным следствием несдержанности, нежелания себя строго контролировать еще и среди близких, в кругу своей семьи).

Моя позиция в вопросе вмешательства в эротическую жизнь коротко такова: минимум регламентации в вопросах любви и сексуальной жизни со стороны общества и государства. Некоторая регламентация возможна и даже необходима, тогда, например, когда в половых отношениях имеет место принуждение, насилие одного человека по отношению к другому, когда те или иные сексуальные отношения порождают имущественные конфликты или конфликты по вопросу о том, как супруги после развода должны выполнять свои родительские обязанности.

Но все остальное должно решаться теми, кто вступает в любовные связи. Должны они быть однополыми или нет – дело самих любящих, а не закона и не кумушек на лавочке у подъезда. Какую семью хотят создать люди – моногамную или полигамную – это их личное дело, государство и общество не должны навязывать свои стереотипы. Когда, как, сколько и с кем конкретные люди будут заниматься любовью – это дело их и никого другого. Разве что медицина может им что-нибудь присоветовать из соображений сохранения здоровья и избежания заболеваний. Государство должно не запрещать проституцию и порнографию хотя бы потому, что все запреты такого рода неэффективны, а определить места, где они допустимы, ограничить возраст тех, кто может быть в них вовлечен, установить суммы налогообложения. Между прочим, из тех стран западной Европы, в которых мне довелось побывать, более культурной, чем Дания, я не видел. Однако в этой стране порнография и проституция

разрешены, но поставлены в определенные условия, регламентированы с учетом общественных интересов.

Помню, иду вечером по улице Истеткель в Копенгагене, на которой сосредоточены секс-шопы и другие подобные заведения. Витрины магазинов сверкают шокирующими советских туристов предметами. Совершенно спокойно, не глазея, не падая и не дрыгая ножками, без гыканья и ржанья прогуливается семейство: муж, жена и двое детей: девочка лет семи и мальчик лет пяти. Эта картинка для меня является символом толерантности и благоразумия.

◈ ◈ ◈

Если ты утаил правду, скрыл ее, если ты не поднялся с места и не выступил на собрании, если выступил, не сказав всей правды, – ты изменил правде (Д. Лондон. Цит. по: Стоун И. Моряк в седле: Биография Джека Лондона / И. Стоун. – М., 1962. – С. 5).

Любовь к жизни – это значит любовь к правде (Рокуэл Кент. Цит. по: Тумаркин И.Б. Золотые россыпи: Мысли и афоризмы / И.Б. Тумаркин. – Одесса, 1961. – С. 145).

Но как быть, если на одной чаше весов оказывается правда, а на другой – жизнь, и приходится выбирать? Мой дядя Павел, брат отца, единственный на партийном собрании выступил в защиту своего бывшего научного руководителя, объявленного врагом народа. Он заявил, что не может поверить обвинениям, поскольку знает обвиняемого не только как большого ученого, но и как честного советского человека. И это была святая правда. Но ничего изменить она не могла. На следующем собрании обвиняемым был он сам. Из тюрьмы он уже не вышел, зато протоптал туда дорогу моему отцу. Вот какая цена может быть у правды. За американцев можно только порадоваться – они никогда не платили такую цену.

◈ ◈ ◈

Насилие над людьми, принудительная борьба даже с преступником есть грех и выражение нашей слабости; но истинно свободен от этого греха не тот, кто равнодушно смотрит на преступление и холодно пассивен в отношении причиняемого им зла, а лишь тот, кто в состоянии силою Божьего света просветить злую волю и остановить преступника; всякий иной меньше грешит, применяя насилие к преступнику, чем равнодушно умывая руки перед лицом преступления (Франк С. Смысл жизни / С. Франк // Франк С.Л. С нами бог / С.Л. Франк. – М., 2003. – С. 119).

Конечно, если человек может остановить преступника силою слова, то было бы грешно прибегать к насилию. Но в отличие от Франка я убежден, что человек менее грешит, применяя насилие, чем отступая перед преступником, пусть даже отступая не равнодушно, а после того, как исчерпал все возможности ненасильственного обуздания его. К сожалению, в наше время распространена порода людей, которая не понимает слов, воспринимает терпеливость и нежелание использовать грубую силу, как свидетельство слабости. Эта порода людей совершенно хамеет, когда к ним обращаются с увещеваниями и благими призывами. Их не может пронять никакая этика и никакая логика, они признают и уважают только кулак.

◈ ◈ ◈

В большинстве случаев люди живут настоящим, т. е. ничем не живут, а так – существуют. Жить можно только будущим (Блок А.А. Собр. соч.: в 6 т. / А.А. Блок. – М., 1971. – Т. 6. – С. 219).

Эту мысль А. Блок высказывает в своем дневнике. Мысль характерная для русского сознания. Во всем мире люди живут настоящим и готовят тем самым основание будущего, и только у нас спешат жертвовать настоящим ради призрачного будущего. Чего тут больше не знаю: мечтательности, уводящей от действительности, мятежности и бунтарства, вечно недовольных настоящим, или просто безалаберности и лени (всегда легче прохлаждаться в надеждах или крушить все очертя голову, чем заниматься будничной работой). Но факт есть факт, и пока остальные народы строят свое настоящее, мы носимся с прожектами будущего («Я планов наших люблю громадье»), надрываемся в попытке осуществления несбыточных мечтаний. А если и достигаем путем невероятных усилий каких-то значительных результатов, то легко разочаровываемся, от всего отказываемся и хватаемся за новую иллюзию. В нашей истории тому бездна примеров, не стоит и перечислять. Но от аналогии не удержусь. Представьте себе ребенка, строящего замок на песке. Пыхтит, старается, вроде уже что-то начинает вырисовываться, но он уже устал, он капризничает, то одну, башенку снесет (перестроит), то другую и, наконец, срывается и в неистовстве все крушит и топчет.

◈ ◈ ◈

Что такое национализм? Неблагородный и доведенный до абсурда патриотизм, находящийся в таком же отношении к благородному и здоровому чувству любви к родине, как бредовая идея к нормальному убеждению (Швейцер А. Культура и этика / А. Швейцер. – М., 1973. – С.59).

Здесь, на мой взгляд, А. Швейцер подметил одну тонкую вещь, отличающую патриотизм от национализма: патриотизм – это любовь к родине, основанная на реализме. Это любовь не слепая, а зрячая, основанная на понимании, что существует большая величина, чем родина – человечество, на понимании того, что родиной можно восхищаться, но только в том, что достойно восхищения, и необходимо бороться с тем, что требует борьбы, на понимании того, что в каждом народе есть свои герои и свои негодяи, и потому нет наций высших и низших, лучших и худших. Патриотизм – это благородная и деятельная любовь к родине, любовь безо всякого принижения достоинств других стран и народов.

Национализм же – это потеря чувства реальности, это дорога к полному умопомрачению, к нацизму и шовинизму.

Национализм многолик: сегодня на Украине, где национализм расцвел пышным цветом, он выражается, прежде всего, в патологической русофобии и проституированной любви к Америке. Я назвал бы эту любовь странной, если бы не знал, что она хорошо оплачивается.

◈ ◈ ◈

Суд: место, где Иисус Христос и Иуда Искариот находились бы в равном положении, с небольшим перевесом в пользу Иуды (Менкен Г. Цит. по: Душенко К.В. Большая книга афоризмов / К.В. Душенко. – М., 2001. – С. 813).

Американский журналист и эссеист Генри Луис Менкен, имея в виду, надо думать, судопроизводство своей страны с сарказмом писал: «Суд: место, где Иисус Христос и Иуда Искариот находились бы в равном положении, с небольшим перевесом в пользу Иуды».

Не уверен, что эти слова справедливы по отношению к американскому суду. Что же касается нашего суда, то в случае, если судья ни от кого не получил взятку и на него никто не оказывал никакого давления, Иуда Искариот вообще не мог попасть в суд, во всяком случае в качестве ответчика. Он выдал властям государственного преступника – за это не судят.

◈ ◈ ◈

Будь жесток к себе, если не хочешь, чтобы другие были к тебе жестоки (Л. Леонов. Тумаркин И.Б. Золотые россыпи: Мысли и афоризмы / И.Б. Тумаркин. – Одесса, 1961. – С. 185).

Странный совет. В мире так много людей жестоких к нам, что присоединять к ним еще и самих себя – значит давать им бесспорное преимущество. Другое дело требовательность к себе, но требовательность не должна превращаться в мазохизм.

◈ ◈ ◈

...Разве может отдельный человек всерьез начать жизнь по законам совести, если целые нации, претендующие на роль защитников морали, в своих действиях игнорируют нравственные заповеди? Нет. Если спит совесть нации, то неизбежным следствием этого будет молчание каждого гражданина (Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М., 1998. – С. 516).

Логика этого рассуждения проста: с волками жить – по волчьи выть. Иного, дескать, не дано. Конечно, абсолютное большинство людей в духе конформизма приспосабливается к окружающей среде и безропотно принимает ее моральные стандарты, даже если они далеки от подлинной нравственности. Но значит ли это, что среди рабов все непременно и без всяких исключений должны быть рабами? Их немного, готовых плыть против течения, но они почти всегда находятся. Более того, в конечном счете именно они побеждают, не численностью, разумеется, а силою морального авторитета, перед которым пасует пресловутая «совесть нации» – мораль толпы.

Если даже я заблуждаюсь, а Фромм стопроцентно прав, то и тогда я буду считать свое заблуждение тем самым возвышающим обманом, который мне дороже тьмы низких истин.

◈ ◈ ◈

Эшафоты воспринимаются как алтари религии и несправедливости. Новая вера не может их терпеть. Но приходит срок, когда она, став догматической, воздвигает собственные алтари и требует безусловного поклонения. Тогда вновь поднимаются эшафоты и, несмотря на алтари, свободу, клятвы и празднества Разума, мессы новой веры должны будут совершаться среди человеческой крови (Камю А. Бунтующий человек / А. Камю. – М., 1990. – С. 208).

Таков конечный результат всех революций. Это жестокая ирония всемирной истории, которая, по словам К. Маркса, ставит все вверх ногами.

◈ ◈ ◈

Еще вчера сей мелкий клоп
был насекомым, кровь сосущим,
а ныне – видный филантроп
и помогает неимущим (И.М. Губерман. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 614).

Известный поэт-сатирик Игорь Губерман обрисовал здесь явление редчайшее, если не сказать, вовсе несуществующее: мелкие клопы, как и крупные, склонности к благотворительности не имеют. Они наворованное могут пустить в оборот или прокутить, но только не раздать неимущим.

Поэтому филантропия является косвенным свидетельством того, что капиталы нажиты сравнительно честно.

◈ ◈ ◈

Взывать к совести алкоголика бессмысленно – совесть травится первой. Так же и мораль: вначале она объявляет аморальным обсуждение морали, запрещает сомневаться в себе, вырубает критику – а затем без препятствий диктует свою волю, не заботясь даже о видимости аргументации. Мораль, как гипноз массового поражения, работает в режиме диктатуры. Под ее действием бодрствующие засыпают, но спящим внушается, что они бодрствуют (Козлов Н.И. Философские сказки для обдумывающих житье, или Веселая книга о свободе и нравственности / Н.И. Козлов. – М., 1996. – С. 235).

Это верно! Но идеи такого рода опасны, потому что вывод из них только один: долой мораль. Антиморальные идеи проповедуют обычно идеологи-интеллигенты с высокими лбами, добрыми глазами и маленькими подбородками (смотрите портрет Козлова), а используют – как бы это деликатнее сказать – «практики» с узкими лбами, жестокими глазами и массивными подбородками.

ГЛАВА 3
НА ЧТО Я СМЕЮ НАДЕЯТЬСЯ?

…Отечество дороже и матери, и отца, и всех остальных предков, оно более почтенно, более свято и имеет больше значения и у богов, и у людей – у тех, у кого есть ум, – перед ним надо благоговеть, ему надо покоряться и, если оно разгневано, угождать ему больше, чем родному отцу. Надо либо его переубедить, либо исполнить то, что оно велит, а если оно приговорит к чему-нибудь, то нужно терпеть невозмутимо, будут ли то побои или оковы, пошлет ли оно на войну, на раны и на смерть; все это нужно выполнять, ибо в этом справедливость. И на войне, и на суде и повсюду надо исполнять то, что велит Государство и Отечество, или же стараться вразумить их, в чем состоит справедливость. Учинять же насилие над матерью или над отцом, а тем паче над Отечеством – нечестиво (Платон. Избранные диалоги / Платон. – М., 1965. – С. 319–320).

Этими словами Сократ объясняет свое нежелание бежать из тюрьмы, в которой он ожидал исполнение смертного приговора. Для Сократа воля Государства и Отечества, даже если эта воля несет в себе несправедливость и зло, все же есть высший закон, которому должно покоряться каждое частное лицо. Если государство поступает несправедливо по отношению к тебе, то все, что ты можешь, это вразумить и переубедить его, если же тебе это не удалось, то ты должен покориться. Бунт против государства и его законов губителен для общества, такой бунт сам по себе несправедлив. Нельзя на несправедливость отвечать еще большей несправедливостью.

Думаю, у Сократа были веские основания столь трепетно относиться к своему Отечеству и Государству. Он жил в эпоху развитой афинской демократии, в эпоху законов Перикла, многие из которых могут быть признаны образцом правосудия. Возьмите, к примеру, закон о том, что судьи, совершившие судебную ошибку, подвергаются тому же наказанию, что и их безвинная жертва. Так со временем были казнены клеветники и обвинители самого Сократа. Закон предполагал, что осужденный должен принять участие в суде над собой, посредством выбора одного из трех примерно равных наказаний. Сократу был предложен выбор между денежным штрафом, тюремным заключением и изгнанием. Но он отказался выбирать и тем подписал себе смертный приговор.

Если бы я жил в Афинах времен Сократа, очень может быть, что рассуждал бы так же, как он. Но в свое время и в своей стране у меня

отношение к государству противоположное. Наше современное государство не стоит на страже интересов своих граждан, оно даже находится в антагонизме по отношению к ним. Таким образом, необходимая функция государства, единственно оправдывающая его существование, им не выполняется. Государство – это власть, а власть осуществляют немногие люди. У меня нет оснований считать этих людей лучше и достойнее себя и тем более всего общества. Перед таким государством у меня нет никаких оснований благоговеть, более того, есть множество причин такое государство презирать. Потому те действия, которые осуществляет государство по отношению к своим гражданам несправедливо и бесчестно, должны со стороны этих граждан встречать решительный отпор. Такое положение не развалит государство, а убережет его от самодискредитации и неизбежного падения.

Личность и гражданское общество есть единицы более значимые, чем государство: не они существуют для государства, а государство – для них.

◈ ◈ ◈

Пока в городах не будут либо царствовать философы, либо искренно и удовлетворительно философствовать нынешние цари и властители, пока государственная сила и философия не совпадут в одно… до тех пор ни для государств, ни даже, полагаю, для человеческого рода нет конца злу (Платон. Цит. по: Асмус В.Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус. – М., 1976. – С. 244).

Это не более, чем утопическая мечта, неосуществимая потому, что цари не могут философствовать, а философы не хотят царствовать. Исключения редки (Соломон, Марк Аврелий) и они только подтверждают правило.

Почему властители не могут философствовать? Потому что их усилия направлены на достижение и сохранение власти, на пути к ней они идут по головам и теряют черты гуманности, если даже они у них были. Но подлинная философия невозможна без гуманизма. Стремление к власти может формировать в человеке хитрость, вероломство, лживость, но не мудрость. Любовь к мудрости и любовь к власти – несовместимы. Великий мудрец Гераклит, который происходил из царского рода, когда ему предложили корону, отказался от нее. Царской власти он предпочел игры с детьми на ступенях храма Артемиды, а потом и отшельничество.

Почему философы не хотят властвовать? Потому что презирают все суетное и лживое, без чего не обходится ни одна власть. В основе философской мысли лежит сомнение и вечный поиск истины, а стремление к власти основывается на фанатичной вере или на беззастенчивой лжи. Стремящийся к власти, если он не подлец и лгун,

верит в то, что он намерен осуществить, и хочет эту веру вселить в других. Политик, жаждущий власти, не может подобно философу заявить: я знаю, что ничего не знаю. Политик убеждает всех, и себя в том числе, что он единственный все знает и все может. Философ, говорящий то, что говорят обычно кандидаты в цари, смотрелся бы как полный кретин.

Философ не считает себя обладателем истины, но он жаждет ее, для него истина – это высшая ценность. Для властителя высшая ценность – власть, ради которой можно пожертвовать всем, в том числе и истиной.

Наконец философ, то есть мыслитель, мудрец, в демократическом государстве не может оказаться на вершине власти, власть в таком государстве избирается народом, а народ, который в массе своей далек от интеллектуальных высот, не только не понимает философов, но и проникнут к ним плебейской ненавистью.

◈ ◈ ◈

Слава человеку, не поддающемуся искушению. Бог испытывает всякого: одного богатством, другого бедностью; богатого – откроет ли он руку нуждающемуся, бедного же – снесет ли он безропотно, с покорностью свои страдания (Талмуд. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 22).

Бог испытывает, а змей, сатана искушает. Мне кажется, что мир мог быть добрее и лучше, если бы все было наоборот.

◈ ◈ ◈

Так как ты... не пожалел сына твоего... для Меня, то Я, благословляя, благословляю тебя и, умножая, умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих; и благословятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего (Ветхий завет. 22:17–19).

Многочисленные ветхозаветные притчи внушают едва ли не главную мысль: добродетель – в послушании, непослушание – великий грех. Бездумное подчинение авторитету – вот высший идеал. Ветхий Завет консервативен, Новый – революционен. Но революционность сводится к призыву *осознанного* подчинения авторитету. Христос не заставляет, а убеждает людей следовать за ним.

◈ ◈ ◈

Каин принес от плодов земли дар Господу, и Авель также принес от первородных стада своего… И призрел господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел… Восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. (Ветхий завет. 4: 4–8).

Итак, Авель угодил Господу мясными дарами, а Каин с его вегетарианским подношением был отвергнут. Богословы объясняют братоубийство, совершенное Каином, завистью. Но не правильнее ли было бы объяснять его преступление восстанием против несправедливости?

Грех Каина не в том, что он посмел обвинить самого Бога в несправедливости. Восстание против несправедливости кого бы то ни было, пускай даже Бога, могут считать греховным только рабские души. Преступление Каина в том, что мстил он не Богу, сотворившему несправедливость, а брату своему, не более чем невольному соучастнику несправедливости.

◈ ◈ ◈

Развитие человечества не находится еще в столь блестящем состоянии, чтобы истина была доступна большинству. Одобрение толпы – доказательство полной несостоятельности (Сенека. Антология мировой философии: в 4 т. / Сенека. – М., 1969. – Т. 1. – С. 509–510).

Что изменилось со времен Сенеки? Ничего! Чем громче рев толпы, тем слабее в нем голос истины. Человечество в массе своей не поумнело и не стало чище в нравственном отношении. Сенека утверждал, что мерилом духовного достоинства не может служить мнение черни. К черни же философ относил не только простонародье, но и венценосцев. Две тысячи лет отделяют нас от времени Сенеки, но очень многое в его этических воззрениях сохраняет актуальность. Как мало уроков извлекло человечество из идей своих духовных наставников, как мало продвинулось оно к вершинам нравственного прогресса.

◈ ◈ ◈

Всякому приходится расплачиваться за свои грехи (Петроний. Цит. по: Казаченко Т.Г. Античные афоризмы: Тематический сборник / Т.Г. Казаченко, И.Н. Громыко. – Минск, 1987. – С. 134).

На самом деле людям чаще приходится расплачиваться за чужие грехи. Кто-то готовит войны, и если погибает в них, то в последнюю очередь, когда уже погибнут тысячи и миллионы невинных. Кто-то вершит революции. И нож революционной гильотины до зачинщиков добирается лишь после того, как умоется кровью тех, кто хотел ее предупредить. Кто-то проводит реформы, от которых в первую очередь страдают обыватели, которые и раньше-то жили бедно, а теперь становятся просто нищими. Христианство вообще утверждает, что на всех нас лежит так называемый первородный грех. То есть согрешили двое, а расплачиваются миллиарды, без вины виноватые.

◈ ◈ ◈

Это ужасный мир, если страдания в нем не производят добра. это какое-то злое устройство, сделанное для того, чтобы духовно и телесно мучить людей. Если это так, то мир невыразимо безнравственен, так как он делает это не для будущего добра, но праздно, бесцельно. Он как будто нарочно заманивает людей только для того, чтобы они страдали. Он бьет нас с рождения, подмешивает горечь ко всякой чаше страдания и делает смерть всегда грозящим ужасом. И, конечно, если нет Бога и бессмертия, то понятно, высказываемое людьми отвращение к жизни: оно вызывается в них существующим порядком или, скорее, беспорядком – ужасным нравственным хаосом, как его следует назвать.

Но если только есть Бог над нами и вечностью перед нами, то изменяется все. Мы прозреваем добро в зле, свет в мраке, и надежда прогоняет отчаяние (Эразм Роттердамский Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 99).

Все это так, но это ничего не доказывает, не доказывает ни бытия Бога, ни бессмертия души.

◈ ◈ ◈

Христианская вера, по-видимому, сродни некоему виду глупости и с мудростью совершенно несовместима. Ежели хотите доказательств, то вспомните прежде всего, что ребята, женщины, старики и юродивые особенно любят церковные обряды и постоянно становятся всех ближе к алтарю, покорные велениям своей природы» (Роттердамский Э. Похвала глупости / Э. Роттердамский. – М., 1971. – С. 202).

Глядя на современные церковные службы, обильно транслируемые телевидением, я бы к детям, женщинам, старикам и юродивым прибавил еще и политиков, причем поставил бы их на первое место. Разумеется, политиками в этом случае движет не их глупая природа, а стремление, как сейчас говорят, на чем-то пропиариться. Но касательно политиков, по крайней мере наших, в целом тоже можно утверждать, что интеллектом они не блещут.

◈ ◈ ◈

Государи или республики, желающие остаться неразвращенными, должны прежде всего уберечь от порчи обряды своей религии и непрестанно поддерживать к ним благоговение, ибо не может быть более очевидного признака гибели страны, нежели явное пренебрежение божественным культом…

Поэтому главам республики или царства надобно сохранить основы поддерживающей их религии. Поступая так, им будет легко сохранить государство свое религиозным, а следовательно, добрым и единым. Им надлежит поощрять и умножать все, что возникает на благо религии, даже если сами они считают явления эти обманом и ложью (Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли // Государь. – М., Харьков, 1998. – С. 152–153).

Эту простую истину не могли не понимать большевики. Они не могли не понимать, что, разрушая религию, они разрушают основы государства. Но этого они, собственно, и добивались, этого их руками добивались и враги России. Но, разрушая основы государства, они неминуемо подрывали и основы государственного единства. Поэтому большевики, хотели они того или нет, вели дело к распаду России. Разгром религии и учреждение федеративного устройства, основанного на праве наций на самоопределение, было той миной замедленного действия, которая и взорвалась, наконец, через семь десятков лет после большевистской революции.

◈ ◈ ◈

Начальники ... будут строго следить за тем, чтобы законы и уставы о воспитании детей соблюдались точно и единообразно, в особенности же, чтобы мудро исправлялись и предупреждались недостатки детского возраста, могущие пробудить дух собственности (Морелли. Кодекс природы, или истинный дух ее законов / Морелли // Утопический социализм: хрестоматия. – М., 1982. – С. 172).

В этих словах французского мыслителя заключена самая суть социалистической утопии в области воспитания: в деталях разработанный кодекс («законы и уставы») формирования человека; «начальники», зорко следящие за «единообразием», и вполне логичное в данной системе отрицание частной собственности (чтобы и «духа» ее не было), которая может нарушить единообразие и сделать человека независимым от начальников.

◈ ◈ ◈

Религия необходима только для тех, кто не способен испытывать чувство гуманности. Опыт и наблюдение наглядно показывают, что она бесполезна в отношениях честных людей. Но только возвышенные души способны понять эту великую истину. В самом деле, для кого создано это великое изобретение политики? Для умов, для которых, может быть, была бы недостаточна другая узда. К сожалению, эта глупая, пресмыкающаяся природа людей составляет огромное большинство, и

общество поняло, что сможет извлечь из них пользу только прельстя их тем, что заманчиво для всех, – надеждой на призрачное счастье (Ламетри Ж. Соч. / Ж. Ламетри. – М., 1976. – С. 413).

Это признание необходимости религии для глупцов и скотов, составляющих большинство. Но разве не нужна она также многим другим, благородным и честным, но слабым людям, или даже сильным, но надорвавшимся и отчаявшимся в борьбе со злом?

◈ ◈ ◈

...злоупотреблениям может быть подвержена всякая вещь, а лучшие из них – в особенности… И чем более… принцип чист и истинен, тем хуже его воздействие в… анналах войн, политических акций и интриг, революций, беспорядков и потрясений… (Д. Юм. Цит. по: Нарский И.С. Давид Юм. / Д. Юм. – М., 1973. – С. 167–168).

Источником самых ужасных злодеяний обычно являются самые светлые идеи. Великое зло никогда не вырастает из мелких пакостей, оно вырастает из великого добра. Христианская любовь обернулась инквизицией, коммунистическое братство – тотальным муравейником, патриотизм – нацизмом. Такова страшная диалектика превращения идеала в свою противоположность, Христа – в Антихриста.

◈ ◈ ◈

Относительно догматов разум говорит мне, что они должны быть ясны, прозрачны и поразительны своей очевидностью. Вера утверждается пониманием, лучшая из всех религий самая ясная; та же, которая наполняет тайнами, противоречиями то богопочитание, которое она проповедует, заставляет меня вследствие этого самого остерегаться ее. Обожаемый мною Бог не Бог мрака. Он дал мне разум не для того, чтобы запретить мне употребление его. Когда мне говорят, чтобы я подчинил свой разум, я вижу в этом оскорбление его творцу. (Ж.-Ж. Руссо. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 738).

Вера в Бога может быть согласована с доводами разума, но нет такой религии, которая могла бы выдержать критику разума.

◈ ◈ ◈

Человек без религии, т. е. без какого-либо отношения к миру, так же невозможен, как и человек без сердца. Человек может не знать, что у него есть сердце; но как без сердца, так и без религии человек не может

существовать (И. Кант. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 101).

Разве можно определять религию, как *какое-либо* отношение к миру, это не какое-либо, а вполне определенное отношение. Потому без сердца человек, действительно, существовать не может, а вот без религии – может. Другой вопрос, что это за существование, лучше ли ему существовать с религией или без нее.

◈ ◈ ◈

Разум – это та почва, на которой религия только и может быть как у себя дома (Г. Гегель. Цит. по: Быховский Б.Э. Кьеркегор / Б.Э. Быховский. – М., 1972. – С. 116).

Мысль более чем сомнительная. Проникновение разума в сферу религии губительно для последней. Разум основан на сомнении и критическом анализе, религия – на вере и догматическом утверждении. Сомнение как ржа разъедает веру. Фактически Г. Гегель этим заявлением противоречит сам себе. Ведь никто иной, как сам Гегель выводил из первородного греха, из библейской легенды о вкушении Адамом и Евой плода с древа познания идею о том, что познание есть зло.

◈ ◈ ◈

Смертный, введенный в заблуждение страхом! После смерти твои глаза не будут видеть, твои уши не будут слышать! Лежа в своем гробу, ты не будешь свидетелем той сцены, которое твое воображение рисует теперь в столь мрачных красках. Ты не будешь больше принимать участие в том, что творится на свете. Ты будешь интересоваться тем, что сделают с твоими бренными останками, не больше, чем интересовался этим накануне того дня, когда ты появился среди смертных. Умереть – это значит перестать мыслить и чувствовать, наслаждаться и страдать; твои идеи погибнут с тобой, твои страдания не последуют за тобой в могилу… Страх смерти – пустая иллюзия, которая должна исчезнуть, как только мы начнем смотреть на это необходимое событие под правильным углом зрения (Гольбах П.А. Избр. произведения: в 2 т. / П.А. Гольбах. – М., 1963. – Т. 1. – С. 273).

Страх перед неизбежным – бессмыслен. Вот все, что может сказать себе человек, боящийся смерти. Но «успокаивать» его так, как это делает П. Гольбах, по меньшей мере странно. «Аргументы» типа «глаза не будут видеть, уши слышать, ты не будешь принимать участие в том, что творится на свете, твои идеи погибнут вместе с тобой» способны только удручить и лишний раз подчеркнуть трагедийность конца нашей жизни.

◈ ◈ ◈

Материализм все объясняет из материи, принимает материю как нечто первое, изначальное, как источник всех вещей (Ф. Шлегель // Мир философии: в 2. ч. – М., 1991. –Ч. 1. – С.139).

Предположим, что материализм вполне прав, утверждая, что в основе мира лежит материя, и материя эта существует вечно. Однако тот же материализм усматривает в материи тенденцию к саморазвитию и совершенствованию. Бесконечно совершенствуясь, материя должна была бы произвести из себя не только земную жизнь, не только человека с его слабым умишком, но и нечто подобное Абсолютному Разуму, который был бы способен пусть не породить материю, но упорядочить, организовать и подчинить ее своим целям. Стоит только наделить материю такими свойствами, как вечное существование и прогрессивное развитие, и мы придем к Мировому Разуму, который не мог не появиться, хотя и не раньше материи, но тоже бесконечно давно. И именно Разум, как начало более совершенное по отношению к остальному миру, должен быть признан нами началом главенствующем и в этом смысле первичным.

Можете принять это за седьмое доказательство бытия Бога вслед за пятью Фомы Аквинского и одним (моральным) доказательством Иммануила Канта.

◈ ◈ ◈

Мы должны на место любви к богу поставить любовь к человеку как единственную истинную религию, на место веры в бога – веру человека в самого себя, в свою собственную силу, веру в то, что судьба человечества зависит не от существа, вне его или над ним стоящего, а от него самого, что единственным дьяволом человека является человек грубый, суеверный, своекорыстный, злой, но также единственным богом человека является человек (Фейербах Л. Антология мировой философии: в 4 т. / Л. Фейербах. – М., 1971. – Т. 3. – С. 458).

Марксисты утверждают, что фейербаховский материализм не был последовательным: объявив «разумный эгоизм» естественным источником альтруизма, он выдвинул теорию, что на смену религии, в основе которой лежит любовь к Богу, придет новая религия, религия любви человека к человеку. Эту идею немецкого философа я считаю не недостатком, а скорее достоинством, то, что на первый взгляд кажется непоследовательностью, при дальнейшем рассмотрении может быть понято как диалектическая преемственность, которая не только уничтожает отжившее, но и сохраняет жизнеспособное.

◈ ◈ ◈

Мир всегда готов принять талант с распростертыми объятьями (О. Холмз. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 571).

Мир всегда готов принять талант с распростертыми объятьями… чтобы задушить его. Впрочем, бытие определяет сознание, и Оливер Холмз, живший в энергичной Америке XIX в., мог думать иначе.

Процветают страны, в которых талант уважаем и высоко оценен. Такое отношение к таланту одно из условий их процветания. Но таких стран и раньше было немного, а сегодня и вовсе нет. И талант в современном мире редко бывает оценен и еще реже уважаем. Сегодня реклама и большие деньги из бездаря способны слепить видимость таланта, этим они, прежде всего, и заняты. Поэтому настоящие таланты им не только не нужны, они им даже мешают, так как могут свести на нет все их «труды». Вот почему на действительный талант обычно ополчается свора дельцов от искусства и науки.

◈ ◈ ◈

Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов (Белинский В.Г. Избранные философские произведения / В.Г. Белинский. – М., 1941. – С. 175).

Вот он самый корень коммунистических иллюзий. Этот тезис В. Белинского большевики выучили как «Отче наш». Они присвоили себе право за народ судить о том, что для него лучше, а что хуже. Большевики вышли из народа. Значит, народ они знали достаточно хорошо и сознавали тайно, что уважать его, собственно, не за что. Он – быдло, стадо баранов, нужны пастухи, которые укажут ему путь к тучным лугам. А если стадо будет по глупости своей упираться, то надо гнать его с помощью собак и кнута. И, конечно же, можно для достижения конечной цели пожертвовать частью баранов, чтобы остальным стало хорошо и вольготно. Цель оправдывает средства.

Коммунистический рай построить не удалось, из благих намерений выстроилась дорога в ад. Но представим себе, что удалось бы, представим, что цель была достигнута. Даже и тогда счастья не было бы: насильно навязанного счастья не бывает.

◈ ◈ ◈

…неужели же в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про

попа, попадью, попову дочку и попова работника. Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонства, бесстыдства?… По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себя кое-где (Белинский В.Г. Избранные философские произведения / В.Г. Белинский. – М., – 1941. – С. 149).

Это в письме Гоголю утверждает Виссарион Белинский. Прав ли он или всего-навсего навязывает русскому народу безрелигиозность и даже богохульство, которых на деле не было, но которые стремились ему привить так называемые западники?

Думаю, тут было и то и другое: и народ не являл особой религиозности, и русская интеллигенция из кожи вон лезла, чтобы осмеять и разрушить православную веру. Чего стоит такая тирада Льва Толстого: «Православная церковь! Я теперь с этим словом не могу уже соединить никакого другого понятия, как несколько нестриженых людей, очень самодовольных, заблудших и малообразованных…, называемых архиереями и митрополитами, и тысячами других нестриженых людей, находящихся в самой рабской покорности у этих десятков, занятых тем, чтобы под видом совершения каких-то таинств обманывать и обирать народ».

Семена безбожия, посеянные революционными демократами, упали на благодатную почву. Это-то и стало тем духовным, а вернее, бездуховным трамплином, с которого Россия прыгнула в пропасть. Но едва ли не первыми туда полетели и насмерть разбились идейные наследники В. Белинского.

Если нельзя обойтись без заимствования, то заимствовать нужно лучшее. Мы же у Европы, как в прошлом, так и теперь норовим заимствовать худшее. Европейский атеизм был перенесен в Россию в своих крайних, агрессивных формах. «Раздавить гадину», то есть уничтожить церковь – это мы приняли на ура. А вот идеи: «Если бы бога не было, его следовало бы выдумать» или «Атеизм – это тонкий слой льда, по которому один человек может пройти, а целый народ ухнет в бездну» до нас не дошли, их мы проигнорировали.

◈ ◈ ◈

Для большей части человечества религия есть обычай или, скорее, обычай есть религия. Как ни кажется это странным, но я убежден, что первый шаг к нравственному совершенствованию есть освобождение себя от религии, в которой вырос. Ни один человек не шел к совершенствованию иначе, как по этому пути (Г. Торо. Цит. по:

Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 528–529).

Первый и самый важный шаг к совершенствованию и освобождению личности состоит в переоценке ценностей, тех ценностей, которые слепо принимаются толпой. Но на этом пути разрушение и отрицание – не главное, главное – созидание новых, высших идеалов и ценностей.

Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляет сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению (Маркс К. Нищета философии // Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 4. – С. 136).

Является ли закон противоречия (развитие как зарождение, становление и разрешение противоречия, в результате чего борющиеся противоположности либо взаимоуничтожаются, либо одна из них погибает) вселенским законом, законом, который предрекает конечную гибель любого явления? Или возникновение разума знаменует возможность исключения из этого правила? До сих пор разум развивался в силу многих противоречий, внутри себя и во взаимоотношении с природой, но руководящей, центральной идеей разума была идея достижения гармонии. Любая научная система – это известная гармония знаний, предположений, фактов. И человек стремится к ней (гармонии) в процессе познания, да и в социальных, в идейных, в частности религиозных, исканиях человек руководствуется идеалом грядущей гармонии.

Если даже предположить, что закон борьбы противоположностей есть всеобщий мировой закон, то неизбежна ли гибель борющихся начал или, несмотря на весь свой антагонизм, они все-таки могут сосуществовать без кардинальной ломки. Ведь кардинальная ломка в современных условиях грозит обернуться непоправимой трагедией.

«Не будь грабителем бедного, потому что он беден», – говорит Соломон. А между тем это «ограбление бедного, потому что он беден», – самое обыкновенное дело… Ограбление богатого на больших дорогах за то, что он богат, гораздо реже встречается, потому что грабить богатого опасно, бедного же можно грабить, ничем не рискуя (Д. Рескин. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С.173).

По-моему, это наблюдение для современной Украины не менее, а возможно и более актуально, чем для Иудеи времен Соломона.

◈ ◈ ◈

…неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, даже будь он искренен сердцем и умом гениален. Это помните. Народ встретит атеиста и поборет его… ибо сей народ – богоносец (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – М., 1976. – Т. 14. – С. 285).

Эту идею устами старца Зосимы вещает Федор Михайлович Достоевский. Идея ложная: народ всегда «шире» приписываемых ему добродетельных рамок. А русский народ до такой степени «шире», что, действительно, не мешало бы «сузить».

Ошибка русской интеллигенции заключалась, прежде всего, в том, что она идеализировала народ, без всякого на то действительного основания. Но русский народ всегда был и до сих пор является народом-рабом. А народ-раб лишен не только собственности, но и собственных идеалов. Такому народу от богоносца до богохульника – один только шаг.

◈ ◈ ◈

То, что умирает, отчасти причастно уже вечности. Кажется, что умирающий говорит с нами из гроба. То, что он говорит нам, кажется нам повелением. Мы представляем его себе почти пророком. Очевидно, что для того, который чувствует уходящую жизнь и открывающийся гроб, наступило время значительных речей. Сущность его природы должна проявиться. То божественное, которое находится в нем, не может уже скрываться (А. Амиель. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 331–332).

Незадолго до смерти тетя Вера, сестра моего отца, человек исключительной доброты и бескорыстия, говорила мне, что смерть ее не страшит, что ей хотелось бы верить в загробную жизнь, в предстоящую встречу с родными и любимыми людьми, но не позволяет рассудок и то атеистическое воспитание, которое навязано было всему нашему народу. Она говорила, что пыталась читать Библию, но не могла, потому что логика восставала против абсурда и нелепостей. Тогда она принялась читать Библию на немецком языке, на котором говорила в детстве, но забыла до такой степени, что далеко не все понимает теперь. Так ей читать легче: звучит Божье Слово, а человеческий разум молчит.

◈ ◈ ◈

Религия, которая была бы так ясна, как геометрия, не возбуждала бы ни любви, ни ненависти. Связь между людьми создается только тем, что включает в себя свободный и личный выбор: чем очевиднее истина, тем меньше ценят ее; страсть возбуждается только тем, что темно, ибо очевидность исключает индивидуальный выбор. (Ж. Ренан. Цит. по: Паульсен Ф. Введение в философию / Ф. Паульсен. – М., 1899. – С. 343).

То, что темно, действительно возбуждает страсть. Но скорее само по себе, своею таинственностью, неизвестностью и необъяснимостью, а не возможностью индивидуального выбора. Истина исключает чудо, а человек при всей своей образованности и уме жаждет чуда. Зачем человеку истинное знание о том, что он смертен, что справедливости нет, что в этом мире вознаграждается не добро, а зло? Религия тем и привлекательна, что обещает чудо: бессмертие, райское блаженство, вознаграждение за терпение и добродетель.

◈ ◈ ◈

Каждый день мы удостоверяемся, что поступок самый недостойный, злодеяние самое оскорбительное для человечества может быть совершено очень умно, по самому основательному и расчетливому плану и по самым глубоким соображениям, и тем не менее правило «поступай разумно» принимается в большинстве как источник чистой нравственности. Что означает это? Мы не будем искать причин, почему эти разнородные основания смешиваются, а только скажем, что в этом мнимо нравственном начале выражается вся односторонность современного образования. Как мы умеем быть умными без убеждения, так хотим быть нравственными без подвига… (Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека // Философские произведения / П.П. Юркевич. – М., 1990. – С. 97–980).

В целом П. Юркевич прав, наивно думать, что люди поступают плохо лишь потому, что не знают, как следует поступать, не знают, что такое хорошо. Как правило, они все знают, понимают, что поступают гадко, нечестно, несправедливо, но готовы придумать массу хитрых оправданий любым своим поступкам, если они сулят хоть малейшую выгоду.

«Прекрасный ум редко бывает прекрасной душой» – утверждал Жан Поль. И тоже был прав. Но справедливо и другое: скверный ум никогда не бывает прекрасной душой, дурак в принципе, по определению не может быть нравственным. Хотя бы потому, что нравственным может считаться лишь поступок, совершенный по доброй воле и *осознанно*. Если дурак толком не понимает сути своих действий, их возможных последствий (в

том числе негативных), о какой моральности может идти речь? Поэтому мне трудно сделать выбор между умным негодяем и прекраснодушным балбесом, хотелось бы быть подальше как от одного, так и от другого.

◈ ◈ ◈

Вообрази себе, что цель жизни – твое счастие, – и жизнь жестокая бессмыслица. Признай то, что говорит тебе и мудрость людская, и твой разум и твое сердце: что жизнь есть служение Тому, Кто послал тебя в мир, и жизнь становится постоянной радостью (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 19).

Это так. Но что делать, если нет Того, Кто послал меня в этот мир, если существование Его под большим вопросом? В чем тогда смысл и цель моей жизни? Само обоснование бытия Бога и вера в него обычно строятся на невозможности найти смысл человеческой жизни без Абсолюта, который этот смысл порождает.

◈ ◈ ◈

Умирающий с трудом понимает все живое, но при этом чувствуется, что он не понимает живого не потому, что он лишен сил понимания, а потому, что он понимает что-то другое, такое, что не понимают и не могут понимать живые и что поглощает его всего (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 331).

Незадолго до того, как остановилось сердце моей мамы, она безо всякой связи произнесла: «Мамай, Мамай». «Какой Мамай?», – подумал я. Возможно, мне послышалось, возможно, она позвала свою давно умершую маму, как недавно произносила имя Веры, моей тетки по отцу. И тут же в голове моей пронеслось: «Мамаев курган». А мама вдруг отчетливо сказала: «Мамаев курган». Я сидел рядом, и мне виделась залитая солнцем гора, по которой я поднимался к величественному, ослепительно сияющему монументу Матери-Родины.

◈ ◈ ◈

Готовиться к смерти не в том смысле, как обыкновенно понимают приготовление, полагая эту готовность в исполнении обрядов или в заботе о мирских делах, а готовиться к тому, чтобы наилучшим образом умереть, т. е. воспользоваться теми торжественными минутами смерти, во время которых человек как бы находится в ином мире и слова и поступки его получают особенную власть над оставшимися

(Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 332).

Так готовиться следует всю жизнь, неустанно стремясь к творению того, что достойно остаться после тебя, что после твоей смерти получит «особенную власть над оставшимися».

◈ ◈ ◈

Все бедствия людей от отсутствия религии. Без религии нельзя жить. Только религия дает определение хорошего и дурного, и потому человек только на основании религии может сделать выбор из всего того, что он может желать сделать. Только религия уничтожает эгоизм, только вследствие религиозных требований человек может жить не для себя. Только религия уничтожает страх смерти; только религия дает человеку смысл жизни; только религия устанавливает равенство людей; только религия освобождает людей от внешних стеснений (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 549–550).

Я стал бы яростно спорить с этим утверждением, если бы не та страшная катастрофа, к которой привел нас большевистский эксперимент построения общества массовой безрелигиозности. Но мое неверие в толпу не отрицает веры в Человека, который может стоять на такой ступени духовно-нравственного величия, что ему не нужны никакие подпорки ни в виде церкви, ни в виде религиозной обрядности и атрибутики, ни в виде религиозной догматики.

◈ ◈ ◈

Вредно распространение между людьми мыслей о том, что наша жизнь есть произведение вещественных сил и находится в зависимости от этих сил. Но когда такие ложные мысли навязываются науками и выдаются человечеству за святую мудрость, то вред, производимый таким учением, ужасен (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 556).

Великий русский писатель пророчествовал ужасный вред мудреной идеологии, по которой общественное сознание определяется материальным производством, религия объявляется опиумом народа, а жизнь оказывается не более чем существованием белковых тел. Это прямое предупреждение от марксизма, предупреждение, к которому – увы! – не прислушалась русская интеллигенция. Она не только сама обольстилась теорией, нуждающейся в проверке на народе, *«который не жалко»*, но и навязала ее всему обществу.

◈ ◈ ◈

Попытки основать нравственность помимо религии подобны тому, что делают дети, которые, желая пересадить нравящееся им растение, отрывают от него не нравящийся им и кажущийся им лишним корень и без корня втыкают растение в землю. Без религиозной основы не может быть никакой настоящей, непритворной нравственности, точно также, как без корня не может быть настоящего растения (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 568).

В этих рассуждениях есть свой резон, поскольку только религия предлагает высший нравственный абсолют. Безрелигиозные концепции морали практически все носят релятивистский характер, для них не существует безусловной нравственной величины и нет незыблемой основы для императивных требований морали.

◈ ◈ ◈

Жизнь есть добро, смерть есть зло. Возвращение живущими жизни всем умершим для жизни бессмертной есть добро без зла. Воссоздание из земли всех умерших, освобождение их от власти земли и подчинение всех миров воскресшим поколениям – вот высшая задача человечества, его высший долг и вместе с тем, – высшее благо (Федоров Н.Ф. Философия общего дела / Н.Ф. Федоров. – М., 1913. – Т. 2. – С.122).

В этой фантастической идее воскресить всех умерших воплотилась неколебимая вера русского мыслителя в могущество человеческого разума, в силу науки. Н. Федоров осуществление мечты о бессмертии переложил с плеч Бога на плечи людей, вернее будущих поколений, и заявил, что это главная задача всего человечества, без разрешения которой оно не может обрести смысл и быть счастливо.

Если даже поверить в такую возможность, которая, конечно же, ничуть не более вероятна, чем та, что обещана христианством, то все же возникнет вопрос о необходимости воскрешения всех умерших. Нужно ли воскрешать Калигулу, Гитлера и Джека-потрошителя?

Мечтая о бессмертии, подумай, достоин ли ты его. Пока мир полон негодяев, идея бессмертия будет противоречить справедливости.

◈ ◈ ◈

Ни в какой иной стране литература не занимает такого влиятельного положения, как в России. Нигде она не оказывает такого глубокого непосредственного влияния на интеллектуальное развитие молодого поколения (Кропоткин П. Идеалы и действительность в русской литературе / П. Кропоткин. – СПб., 1907. – С. 2).

Мавр сделал свое дело, мавр может умереть. Примерно такое впечатление осталось у меня от книжной ярмарки в Харькове. Я написал незаурядную книгу, но ее никто не знает и потому ее некому оценить. На презентацию двух моих книг собралось аж шесть человек. Правда, трое из них потом купили моего «Бегемота», может быть, действительно заинтересовались этой вещью, а возможно, просто пожалели неизвестного автора.

Я не могу сказать о себе, что разочарован, потому что не питал иллюзий, но я удручен. Если бы я написал нечто макулатурное, не было бы так жаль, но я могу отличить пустое и бездарное от содержательного и талантливого. Предположим, что моя книга есть нечто совершенно выдающееся, даже гениальное, что с того, если ее не знают, и не покупают. Если она не лежит хотя бы в одном экземпляре во всех книжных магазинах. Она, пожалуй, и ценности никакой не имеет, если ее не оценивают. То есть в ней есть содержание, делающее возможным ее высокую оценку, но самого содержания ничтожно мало для того, чтобы такая оценка состоялась. Более того, ценность товара ныне определяется не его действительным качеством, а рекламной раскруткой. Реклама не столько двигатель торговли, сколько средство втирания очков, создания ажиотажного спроса. Впрочем, даже при наличии рекламы на книги сегодня нет спроса. Произошла переоценка ценностей, наконец-то целиком и полностью восторжествовала формула «бытие определяет сознание». Грубо материальное, вещественное ныне доминирует над духовным. Убогое бытие породило убогое сознание. Так что поспешили мы с похоронами марксизма.

Одного издателя на этой ярмарке я спросил: «Положим, к вам пришел новый Лев Толстой и принес новую «Войну и мир», вы бы его напечатали?»

Тот ответил: «Не только не напечатал, но и читать бы не стал. Кто будет сегодня читать два громадных фолианта?»

Ныне публикуют только раскрученных авторов или книги, сулящие прибыль своей заведомой скандальностью. Современный Лев Толстой для современного издателя не просто не выгоден, он, пожалуй, даже вреден. Допустим, что какой-то издатель опубликует новую «Войну и мир», да еще потратится на ее рекламу. Она дойдет до читателя, тот, потрясенный, поймет, что до сих пор читал макулатуру… и станет ждать новое творение Льва Толстого. Но Лев Толстой романы пишет десять лет, а не три месяца. А что же делать и на что жить десять лет бедному издателю?!

Интересна в этой связи одна слышанная мною история. Некие молодые компьютерщики создали программу, которая позволяла определить, одним ли автором написан тот или иной текст. Применили эту программу к творениям некоторых мадам писательниц, как раз тех,

что «пекут» книги одну за другой, и оказалось, что они написаны целым коллективом авторов.

Если кому-то кажется, что женщины-писательницы лучшие борзописцы, и потому способы писать в год по три романа, то он ошибается. На днях прочитал действительно стоящее произведение: роман Елены Ушаковой «Звезда волшебная». В нем писательница признается, что писала его десять лет. Великолепный слог (сейчас так редко пишут), обилие мыслей, неординарный сюжет. Нельзя сказать, что эта объемная вещь читается взахлеб, на одном дыхании, возможно потому, что сюжет распадается на множество линий, соединить которые в одной кульминационной точке под силу только автору. Читатель же, если не обладает методом скорочтения или блестящей памятью и по каким-то причинам растянувший чтение этак на месяц, а то и более, порой вынужден листать книгу назад, чтобы понять вновь прочитанное. Но повторяю, книга стоящая, и ей в подметки не годится все написанное ныне модными авторессами. Однако издана она тиражом всего пять тысяч экземпляров в 1996 г. Издатель призывает спонсоров посодействовать более массовому тиражу, но, видимо, призыв этот никем не услышан. Обещанного продолжения до сих пор нет, и об авторе никто ничего не знает. Во всяком случае, мои попытки найти другие ее книги или упоминание о них успехом не увенчались. Даже издательство «Молодь», в котором издан роман, больше не существует. Я предполагаю, что потому и приказало долго жить это издательство, что позволяло себе публиковать подобные вещи: роман правдиво изображает негодяйство новой власти, которая не преодолела пороков советского периода, а преумножила их. Вот вам и свобода слова в самостоятельной и независимой Украине.

На упомянутой книжной ярмарке поэт Ю. Рыбчинский, который, к слову сказать, аж на двадцать минут беспардонно «залез» на время моей презентации, заявил, что в советские времена его вообще не публиковали. Для него, следовательно, времена изменились к лучшему. Но стали ли они лучше объективно? Тогда была цензура, но чтобы записаться на подписные издания люди стояли в очередях по ночам. Тогда, случись в помпезном здании харьковского театра оперы и балета такая ярмарка с таким количеством прекрасных книг, все до одной скупили бы за два часа и, наверное, перевернули бы вверх дном сам театр. Сегодня же продавцов на ярмарке было чуть ли не больше, чем покупателей.

В том, что молодежь сегодня не читает, общество не интересуется художественной литературой, прямо виновно государство и не тем только, что сделало абсолютное большинство нищими и заставило думать только о хлебе насущном. Что сделало молодое украинское государство для развития книгопечатания и книготорговли, кроме бесконечных призывов убрать с украинского рынка русскоязычную литературу? Развалена

система книготорговли. Только один пример: «Укркнига», предприятие, которое в свое время организовывало поступление литературы во все магазины республики, сейчас ничего не организовывает и имеет в своем распоряжении один книжный магазин. В чем смысл его сегодняшнего существования – понять невозможно.

Не знаю, как в других странах, но в нашей для людей с совестью и честью, да еще и с талантом, да еще со своим мнением и своею мыслью времена всегда неподходящие. Всё-то эти люди не в кон, не ко времени, всё-то они лишние. Может быть, и я имею какое-то отношение к этим не самым худшим людям, потому докторский диплом получил, когда разваливался Союз и когда престиж ученого упал до нуля, художественные книги начал писать, когда их перестали читать.

◈ ◈ ◈

Поймем же, наконец, какая наивность заключается в словах: «Человек должен быть таким-то и таким-то!» Мы видим в действительности приводящее нас в восторг богатство типов, расточительную роскошь разнообразных и постоянно изменяющихся форм: и вдруг какой-нибудь жалкий, подсматривающий из-за угла моралист, посмотрев на это скажет: «Нет, человек должен быть совсем другим!» Он, этот жалкий брюзга, даже знает каким должен быть человек; он рисует самого себя на стене и говорит, указывая на это изображение: «Вот это – человек!»… (Ницше Ф. Избр. произв.: в 2 кн. / Ф. Ницше. – М.; Л., 1990. – Кн. 1. – С. 357–358).

Что таким образом утверждает Ф. Ницше? Что мораль – это идеал ханжей. Они, жалкие моралисты, берут на себя смелость исправлять жизнь, подгонять ее под какие-то правила, подстраивать сущее под свои представления о должном. Такая мораль есть отрицание жизни. К тому же идеалом для законодателей нравственности всегда выступают они сами, с себя они рисуют всеобщий нравственный образец.

Подлинная мораль, по Ницше, должна не отрицать жизнь, а утверждать ее в многообразии ее инстинктов.

Я бы бросился рукоплескать Ф. Ницше, если бы мог примириться с такими инстинктами жизни, которые порождают диктаторов и добровольных рабов, воров и серийных убийц, подлецов и трусов.

◈ ◈ ◈

Что ягнята не любят крупных хищных птиц – это понять не трудно, но это не является еще причиной ставить упрек большим хищным птицам, что они хватают маленьких ягнят. И если ягнята говорят между собой: «Эти хищные птицы злы, и тот, кто наименее

подобен хищной птице, кто, напротив, является их противоположностью – ягненком, разве тот не хорош»? то ничего нельзя возразить на такое построение идеала, хотя хищные птицы посмотрят на это с насмешкой и скажут: «Мы ничего не имеем против этих добрых ягнят, мы их даже любим, что может быть вкуснее нежного ягненка».

Требовать от силы, чтобы она не проявляла себя силою, чтобы она не была желанием одолеть, сбросить, желанием господства, жаждою врагов, сопротивлений и торжества, это столь же бессмысленно, как требовать от слабости, чтобы она проявлялась в виде силы (Ницше Ф. Генеалогия морали (Памфлет) // Избр. произв.: в 2 кн. / Ф. Ницше. – М.; Л., 1990. – Кн. 2. – С. 31).

Ф. Ницше отстаивает, якобы, естественное (законами природы обусловленное) право сильного на порабощение и даже уничтожение слабого. Тот, кто поддерживает такую идею, должен стремиться к возвращению человека и человечества в животное состояние. Право сильного неоспоримо в животном мире, но оно неприемлемо в человеческом сообществе. И не потому неприемлемо, что оскорбляет наши религиозные или моральные чувства, не соответствует неким идеалам справедливости, а потому что в условиях цивилизации оно теряет свою *естественность*. Ни физическая, ни интеллектуальная, ни психологическая сила не обеспечивает господства и преимущества в современном обществе. Сопляк с пистолетом легко справится с чемпионом по боксу, балбес в кабине танка разгонит демонстрацию интеллектуалов, истеричный карлик, в руках которого оказалась государственная власть, способен уничтожить цвет нации. Могу ли я признать правом претензии сопляка, дурака и психопата понукать мною или даже убить меня на том основании, что в их руках по случаю оказались пистолет, танк или государственная машина? Разумеется, нет, хотя они (не сами по себе), но с помощью известных факторов оказались сильнее меня.

Все эти кажущиеся логичными и даже диалектичными рассуждения Ф. Ницше на деле есть метафизический перенос на социальную жизнь законов животного мира.

◈ ◈ ◈

Сила и благодать религии в том, что она объясняет человеку смысл его существования и его конечное назначение. Когда же (как мы все сделали это в наш век науки и умственной свободы) мы откинули все основы нравственности, вытекающие из религии, нет уже никакого средства узнать, зачем мы явились в этот мир и что нам в нем делать.

Тайна судьбы обнимает нас со всех сторон своими могущественными вопросами, и, действительно, надо совсем не думать, чтобы не чувствовать мучительную, ужасающую бессмысленность жизни.. Телесные страдания, нравственное зло, боли души, счастие злых, унижение праведного – все это можно бы было перенести, если бы можно было понять внутренний порядок устройства мира, если бы можно было предполагать в этом Провидение. Верующий радуется на свои раны, он терпеливо переносит несправедливости и насилия своих врагов; грех, даже преступления не лишают его надежды. Но для человека, в котором погашена всякая вера, зло и страдания теряют смысл, и жизнь представляется только как отвратительная шутка (А. Франс. Цит. по: Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 258).

Разум не находит оснований для веры, а безверие не находит достаточных оснований для цели и смысла человеческого бытия. Разум разрушает оптимизм, он мрачно вещает, что «жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, – такая пустая и глупая шутка».

◈ ◈ ◈

Совесть и трусость, в сущности, одно и то же… «Совесть» – официальное название трусости (Уайльд О. Избранное / О. Уайльд. – М., 1990. – С. 11).

Значит, в основе совести лежит страх наказания. Смелый, бесстрашный побеждает этот страх, а с ним и муки совести. Робкий, трусливый сам побеждаем этим страхом, он страшится наказания за бессовестные поступки и потому предпочитает их не совершать. Может быть это и справедливо, но только как исключение. Страх совершить подлый, бессовестный поступок чаще присущ человеку отнюдь не робкому, человеку, мужеству которого может позавидовать любой бессовестный «смельчак». Тот же, кто «смело» идет на любую подлость, как правило, не способен на действительно мужественный поступок, не способен на геройство.

◈ ◈ ◈

...Поверхностными людьми я считаю как раз тех, кто любит только раз в жизни. Их так называемая верность, постоянство – лишь летаргия привычки или отсутствие воображения. Верность в любви, как и последовательность и неизменность мыслей, – это попросту доказательство бессилия… (Уайльд О. Избранное/ О. Уайльд. – М., 1990. – С. 44).

Оригинальная, кажущаяся парадоксальной мысль. Но мысль, не лишенная логики. Логика эта основана на диалектике, предполагающей в каждом явлении противоположности, сторону светлую и сторону темную. Поэтому в самом возвышенном можно увидеть и самое низменное.

Благие намерения – попросту бесплодные попытки идти против природы. Порождены они бывают всегда чистейшим самомнением, и ничего ровно из этих попыток не выходит. Они только дают нам иногда блаженные, но пустые ощущения, которые тешат людей слабых. Вот и все. Благие намерения – это чеки, которые люди выписывают на банк, где у них нет текущего счета (Уайльд О. Избранное/ О. Уайльд. – М., 1990. – С. 83).

Бесплодность благих намерений порождена либо их изначальной нереальностью и несостоятельностью, либо слабостью и безволием человека, который не может их осуществить. Видимо, и то, и другое случается столь часто, что за благими намерениями закрепилась недобрая слава ведущих в ад.

Об Аврааме. Бог «обрезал» заветного себе человека и в его «заветной» точке. Обручаясь, супружась – муж и жена «заветно» соединяются, т. е. в самом сокровенном, интимном, заветном своего «я» (Розанов В.В. Религия и культура / В.В. Розанов. – М., 1990. – Т. 1. – С. 298).

Во след этим рассуждениям можно сказать, что Ветхий Завет – это завет опавший, а Новый Завет – завет эрегированный. Это пример заразительности словоблудия.

Великие концепции философии, пусть даже религиозной философии, – все это для них не стоящая внимания вещь, как всякое человеческое, обыкновенное, не сверхъестественное. Но, например, по молитве святого больной встал и выздоровел: тогда русский падает на землю и целует прах под ногами этого святого, ибо он увидел здесь манифестацию чего-то не человеческого (Розанов В.В. Религия и культура / В.В. Розанов. – М., 1990. – Т. 1. – С. 338).

Ни петровские реформы, ни западничество, ни индустриализация не избавили русского человека от мистической веры в чудо и от желания чуда. В основе этой веры – и не вытравленная большевиками

религиозность, и рабское неверие в собственные силы, и пробивающиеся через поверхностный слой образования дикость и дремучесть.

Ученый-медик в России не имеет таких толп почитателей, которые собирают знахари и колдуны. Последнее время, правда, наша медицина столь упала, что для обращения к ее услугам тоже необходима слепая вера. Никого не интересуют прогнозы социологов, зато, разинув рты, слушают астрологов. Впрочем, наша так называемая диалектическая философия, руководствовавшаяся принципом «чего изволите», немало потрудилась, чтобы подорвать доверие к себе.

Я, конечно, не думаю, что черта, отмеченная В. Розановым, сугубо русская, но нам (русским) она весьма свойственна. Это может быть своеобразным тестом. Вы можете рассказать какую-нибудь бредово-мистическую историю, верить в которую можно только в силу ее нелепости, и если ваш собеседник не поднимет вас на смех, то он точно русский или разве что предусмотрительно-вежливый еврей.

◈ ◈ ◈

...Русская печать и общество, не стой у них поперек горла «правительство», разорвали бы на клоки Россию и роздали бы эти клоки соседям, даже и не за деньги, а просто за «рюмочку» похвалы. И вот отчего без нерешимости и колебания нужно прямо становиться на сторону «бездарного правительства», которое все-таки одно только все охраняет и оберегает. Которое еще одно только не подло и не пропито в России (Розанов В.В. Уединенное / В.В. Розанов. – М., 1990. – Т. 2. – С. 371).

Черт возьми, нам бы такое правительство.

◈ ◈ ◈

Евреи и сильны своим Богом и обессилены им (Розанов В.В. Уединенное / В.В. Розанов. – М., 1990. – Т. 2. – С. 307).

По-моему, тот же В. Розанов (если только не ошибаюсь: мысль записал, а автора и источник упустил) писал: «Из-за своей религии евреи всегда были врагами рода человеческого, и не удивительно, что весь человеческий род восстал против них и старался им вредить… Какая могла быть мораль у верующих евреев, если религия убеждала их, что небо предписывает разбой, убийства, воровство, что дух божий овладел кровожадными вояками, вдохновлял мятежников и изменников, одобрял предательство и проституцию? А ведь такими идеями пичкали еврейский народ непрестанно. Не будем после этого удивляться тому, что народ этот всегда был жестоким, вероломным, мятежным, нетерпимым, лживым».

И вот такому народу, противопоставившему себя как богом избранного всему остальному человечеству, удалось возвыситься над остальными народами. Чему же учит эта мировая история? Только тому, что жестокость, вероломство, мятежность, нетерпимость и лживость – необходимые качества тех, кто желает властвовать, порабощать и обогащаться? Может быть. Но антисемиты могли бы быть убедительнее, если бы признали за евреями и какие-то положительные качества. Иначе, если они только мерзавцы и проходимцы то, что можно сказать обо всех остальных, оказавшихся у них в услужении? Евреи, которые в меньшинстве в Америке, полностью захватили власть в этой стране. Они развалили страну, которая по своему потенциалу могла претендовать на первенство в современном мире – Россию. Они не только выдержали то избиение, которому подвергли их немцы, но и обрели себе венец мучеников, перед которыми все в долгу, и в конечном счете вышли победителями. В общем, их есть за что уважать. Но их авантюрность и самовлюбленность для них же могут обернуться в будущем такой трагедией, перед которой померкнут ужасы Холокоста.

Я не сомневаюсь в существовании Бога, но у меня бывают мгновения, когда приходит в голову кошмарная мысль: что, если они, ортодоксы, мыслящие отношения между Богом и человеком социологически, как отношения между господином и рабом, что если они правы? Тогда все погибло, погиб и я. В пределе религий кошмар грезится как явление злого Бога, который из рабьих чувств мыслиться людьми как добрый. Этому противополагается иной религиозный опыт: Бог не понят человеком, Бог ждет от человека дерзновенного творческого ответа. Но этим налагается на человека безмерно большая ответственность и тяжесть, чем обычное требование победы над грехами. Предельное дерзновение в том, что от человека зависит не только человеческая судьба, но и божественная судьба (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 186).

Н. Бердяев ищет Бога с человеческим лицом, его идеалом является не Бог карающий, а Бог страдающий, не Бог-отец, а Бог-сын. Страдающий Бог не ответственен за творимое в мире зло: миром управляет не он, а князь тьмы. Сказано: «Да приидет царствие твое». Значит, в этом мире нет Царства Божьего, оно лишь ожидается. И то, придет оно или нет, зависит не от Бога, а от человека.

◈ ◈ ◈

Бог есть сила освобождающая, просветляющая и преображающая, а не карающая, распределяющая возмездия и насилующая (Бердяев Н.А. Философия свободы/ Н.А. Бердяев. – М., 1989. – С. 270).

Мое воспитание и образование не дает мне возможности верить в Бога. Но в отличие от времен своей юности, когда я безусловно отрицал Бога, теперь свое отношение к нему я определил бы как сомнение. Я хотел бы надеяться на то, что Бог существует, я был бы счастлив получить доказательства его существования, но убедительных для себя доказательств не нахожу. Напротив, нашел немало доказательств противных. Но если Бог все-таки есть, я, как и Н. Бердяев, не могу представить его злобно карающим людей за их неверие. Думать такое о Боге – значит приписывать ему мелкие и мстительные чувства.

◈ ◈ ◈

Меня, употребляя выражение Достоевского, всю жизнь Бог мучил. Я пришел к тому заключению, что безбожие, не легкомысленное или злобное, а серьезное и глубокое, полезно и может иметь очищающее значение (Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М., 1989. – С. 304).

Как-то одному баптистскому проповеднику я задал вопрос: «Представьте себе неверующего человека, но живущего по совести, никому не делающего зла. С вашей точки зрения, такой человек не может быть достоин рая?». Тот ответил, что он не представляет себе такого человека. Думаю, он не прав. Прав Бердяев.

Конечно, безбожие может проявляться и чаще всего проявляется в форме низменной, в форме богохульства. Но за действительным атеизмом стоят ценности, соизмеримые с ценностями религии. Ценности религии – это Бог и вера, ценности атеизма – Человек и знание. И Раскольников со своей «наполеоновской» теорией именно богохульник, не атеист. Действительные же атеисты, хотя и призывали «раздавить гадину» (церковь), но они же говорили, что если бы Бога не было, его следовало бы выдумать. И уж, конечно, невозможно представить Вольтера или Дидро, подкрадывающихся с топором к старушке-процентщице.

◈ ◈ ◈

Оптимистично то мировоззрение, которое бытие ставит выше небытия и тем самым утверждает мир и жизнь как нечто ценное само по себе. Такое отношение к миру и жизни порождает стремление относиться к бытию с максимальной бережностью, на какую мы только способны. Упомянутое стремление в свою очередь стимулирует

деятельность, направленную на улучшение условий жизни индивида, общества, народов и человечества, такую деятельность, результатом которой являются внешние достижения культуры: господство духа над силами природы и более высокая социальная организация общества (Швейцер А. Культура и этика / А. Швейцер. – М., 1973. – С. 87).

Оптимизм многолик. Например, он может быть верой в то, что наш мир есть лучший из миров, и тогда он слеп и наивен, и совершенно бездеятелен. Такой оптимизм столь же пассивен, сколь и самый махровый пессимизм. Оптимизм может быть надеждой на то, что несовершенный мир когда-нибудь может быть усовершенствован, но усовершенствован не мной, а какими-то внешними силами: богом, царем, историческим прогрессом. Мне же остается лишь ждать светлого будущего. В результате такой оптимизм мало чем отличается от первого. И наконец, оптимизм может быть ясным осознанием несовершенства мира, но, вместе с тем, убежденностью, что его можно изменить к лучшему и готовностью действовать в этом направлении. Только такой оптимизм реалистичен, все остальное – прекраснодушные иллюзии.

◈ ◈ ◈

Чистая совесть есть изобретение дьявола (Швейцер А. Культура и этика / А. Швейцер. – М., 1973. – С. 315).

Как это странно звучит! Совсем непохоже на ибсеновское: «Чистая совесть – самая лучшая подушка». Видимо, А. Швейцер хочет сказать, что действительно совестливый человек не только не объявляет себя образцом нравственности, но и не считает себя таковым. Как раз наоборот, законченный подлец всех громче кричит о своей незапятнанной совести и при каждом удобном случае демонстрирует свои якобы чистые руки.

◈ ◈ ◈

А на поверку так называемая душа представляет собою «орган» куда менее совершенный и гармоничный, чем желудок или печень, ибо у «бессмертной» много рудиментарных отростков и слепых мешков, куда набивается походя всякая застарелая дрянь, вызывающая то и дело зуд и духовные надрывы (Троцкий Л.Д. Литература и революция / Л.Д. Троцкий. – М., 1991. – С. 45–46).

Лев Давидович исходится желчной иронией в связи с «внеоктябрьской литературой» А. Ахматовой, М. Цветаевой, А. Радловой, лирический круг которых «охватывает самое поэтессу, неизвестного, в котелке или со шпорами, и непременно бога – без особых примет». Впрочем, у самого Льва Давидовича бог наделен массой «примет»: «немолодой уже персонаж, обремененный личными поручениями

Ахматовой, Цветаевой и других», умудряющийся «в свободные часы заведовать судьбами вселенной», «друг дома, выполняющий … обязанности врача по женским недомоганиям», «нечто вроде свахи и повитухи» и пр. Однако, признается Троцкий, «этот широкозадый бабий бог хоть и не очень импозантен, но куда симпатичнее надзвездного парового цыпленка мистической философии».

Что же так не нравится большевистскому лидеру в творчестве «внеоктябрьских» поэтесс? Личностный внутренний мир поэта, тема любви и тема бога (т. е. добра и зла). Но может ли быть лирика без этих трех ипостасей?! Может, только это уже не лирика, а рифмованные «агитки Бедного Демьяна».

Кондово-материалистическое отрицание «души» необходимо было пролетарским вождям для растления народа, конечный итог которого предрекла Зинаида Гиппиус: «И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, народ, неуважающий святынь».

◈ ◈ ◈

Если революция вправе, когда нужно, разрушать мосты и художественные памятники, то тем более она не остановится перед тем, чтобы наложить свою руку на любое течение искусства, которое, при всех своих формальных достижениях, грозит внесением разложения в революционную среду… (Троцкий Л.Д. Литература и революция / Л.Д. Троцкий. – М., 1991. – С. 172).

Это утверждал Л. Троцкий в оправдание советской цензуры, которая, конечно же, принципиально отличалась от цензуры дореволюционной тем, что по сравнению с прочими преступлениями Октября выглядела почти невинно.

В памятные времена горбачевской перестройки я предложил одному киевскому журналу «Социально-философская проблематика романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день». Редакция бурно дебатировала, стоит ли ее печатать, однако соображения «как бы чего не вышло» взяли верх. Но по сравнению с брежневскими временами это был колоссальный прогресс: я, по крайней мере, мог без особых опасений предложить статью к изданию. Это было во время моего пребывания в докторантуре Киевского университета, а десятью годами раньше, когда я учился в аспирантуре в Москве, имел место такой случай.

Моя подруга обратила мое внимание на этот роман. Прочитав его, я был потрясен, не только его художественными достоинствами, но и тем, что в нем открыто говорилось о застое, о безгласности, о культе личности, о попрании священного права человека на свободную мысль, на правдивое слово. Я и сегодня не понимаю, как это произведение увидело свет, какое колесо цензуры и почему не провернулось.

Но роман произвел на меня столь сильное впечатление, что я написал о нем обширную рецензионную статью. Роман был диссидентским, а моя статья о нем получилась прямо антисоветской. Попади она в соответствующие органы, не думаю, что меня отправили бы в места весьма отдаленные, но из аспирантуры погнали бы несомненно и поставили жирный крест на всем моем будущем.

С какой такой стати не помню, но с этой статьей, помещенной в картонную папочку с белыми тесемочками и надписью «Дело», я отправился на вокзал покупать билеты домой. И вот в кассе на прилавке я забыл эту папку. Проехав пару остановок в метро, я о ней вспомнил. В холодном поту я бежал назад. К счастью, она спокойно лежала там, где я ее оставил.

А чего я, собственно, боялся? Текст был отпечатан на пишущей машинке, никакой подписи и никакого намека на авторство не было. Но когда я в Москве, покупал эту машинку, продавец вложила в нее какой-то фирменный бланк, внесла в него мои паспортные данные и пропечатала каждую букву. Я не так наивен, чтобы не понять, для чего нужны эти манипуляции.

Теперь у нас времена свободы, теперь можно писать что угодно, жаль только, книг никто не читает…

◈ ◈ ◈

Человек умирает и в момент наибольшего истощения физических сил слышит, как врач объявляет его умершим. Он начинает слышать неприятный шум или звон и чувствует, как будто быстро движется по длинному и темному туннелю. После этого он вдруг осознает, что находится уже вне собственного тела, но где-то рядом с ним и наблюдает свое тело со стороны. Наблюдая за попытками врачей вернуть его к жизни с этой необычной точки, человек испытывает состояние эмоционального подъема. (Муди Р. Жизнь после жизни. Цит. по: Фролов И.Т. О человеке и гуманизме / Т. Фролов. – М. – 1989. – С. 538).

Если верить Раймонду Муди (иногда переводят как Моуди), многие из тех, кто прошел через клиническую смерть, рассказывают о своем стремительном продвижении по некому туннелю, который как бы связывает наш мир с миром загробным.

Близкий к этому опыт есть и у меня. В детстве я был весьма болезненным ребенком, переболел едва ли не всеми детскими болезнями, но особенно силен я был в ангине. Ангины сопровождались очень высокими температурами, часто зашкаливало за сорок. И вот тогда с завидным постоянством в ночь, когда болезнь достигала своей кульминации, мне снился один и тот же сон: будто я с огромной скоростью несусь по какой-то длинной трубе. Трубу эту можно было бы

назвать и туннелем, только я тогда почему-то ощущал себя… электрическим током, несущимся по проводам. Во время этого полета впереди виднелся свет, который на подлете к нему становился ослепительным. В этот момент я просыпался. Насколько я помню, момент этот оказывался переломным, болезнь начинала отступать, и я выкарабкивался. Думаю теперь, что жизнь моя тогда действительно висела на волоске. Но можно ли эти ощущения больного интерпретировать как свидетельство существования иного мира, жизни после жизни? Большой вопрос!

ГЛАВА 4
ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК?

◈ ◈ ◈

Жизнью управляет не мудрость, а везение (Цицерон. Цит по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 65).

Жизнь наша действительно зависит от везения. Поэтому успешные люди далеко не самые мудрые. Что ни говори, но есть известная истина в пословице: «Дуракам – счастье». Но ум способен управлять везением.

Мне очень редко везло, то есть давалось что-либо нечаянно и без труда. Я даже замечал, что часто из всех возможных путей мне доставался самый долгий и трудный. Но, тем не менее, я всегда добивался результата и умел обращать минусы в плюсы. Таких примеров в моей жизни было множество: мне создавали невыносимые условия на работе – я оставлял ее и находил новую, лучшую; мешали реализации моих планов – я не шел напролом, а строил новые планы, еще более значительные и добивался их воплощения; меня обманули и обокрали – это подвигнуло меня написать художественную книгу и компенсировать материальные потери творческими достижениями.

◈ ◈ ◈

Фортуна предпочитает смелых (Эразм Роттердамский. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов/ Э. Борохов. – М., 1999. – С. 616).

Не столько смелых, сколько наглых. Деликатные и даже стеснительные люди совсем необязательно трусы, но они почти никогда не бывают баловнями фортуны. Чтобы привлечь внимание этой капризной дамы необходимо демонстративное поведение, самоуверенность и в высшей степени нескромность.

◈ ◈ ◈

...Нет существа несчастнее человека, поскольку все остальные животные довольствуются теми пределами, в которые их заключила природа, и лишь он один пытается раздвинуть границы своего жребия (Роттердамский Э. Похвала глупости / Э. Роттердамский. – М., 1971. – С. 152).

Но разве жребий человека, быть может, несчастный жребий, не состоит именно в расширении пределов, установленных ему природой?

◈ ◈ ◈

Фортуна любит людей не слишком благоразумных, но зато отважных, таких, которые привыкли повторять: «Будь что будет». А мудрость делает людей робкими, и потому на каждом шагу видишь мудрецов, живущих в бедности, в голоде, в грязи и в небрежении, повсюду встречающих лишь презрение и ненависть. К дуракам же плывут деньги, они держат в своих руках кормило государственного правления и вообще всячески процветают. (Роттердамский Э. Похвала глупости/ Э. Роттердамский. – М., 1971. – С. 192).

Нет сомнения в том, что давно уже существует необходимость пересмотреть роль дурака и дурости в общественном прогрессе. Пора стереть все клейма позора, которыми отметили дураков догматизм и метафизика, надо, наконец, посмотреть на дурака глазами диалектики, посмотреть без всякой предвзятости, субъективизма и тем более негативизма.

Слава Богу, времена, когда дурака бичевали и гнали, прошли безвозвратно. Но все же случается и в наши дни, хотя и редко, наблюдать незаслуженно пренебрежительное отношение к дураку. Особенно странным выглядит оно со стороны таких же, если не больших дураков.

К сожалению, не все еще у нас понимают, что отрицательное отношение к дураку может быть на руку только чуждым нашему менталитету и нашим идеалам элементам, разного рода умникам, которые умудряются богатеть за счет своей смекалки и деловых качеств. В пресловутых «цивилизованных» странах отношение к дураку носит ярко выраженный классовый характер. Это понятно: капиталисту, который сам нажил свой капитал, а не прихватизировал его подобно нашим нуворишам, не выгодно держать на своем производстве дураков, в погоне за прибылью, он их, как правило, выгоняет. Костлявая рука голода берет за горло тысячи и тысячи дураков в Америке, Германии, Японии и многих других странах.

Такое отношение к дураку чуждо нашему обществу, оно противоречит высоким гуманистическим идеалам этого общества.

Великой вехой в деле возрождения дурака, освобождения его от многовекового гнета и страданий явилась Октябрьская социалистическая революция. Установив всеобщее равенство, она впервые закрепила за дураком права абсолютно равные с умными людьми. И в этом нельзя видеть какую-то подачку, уступку дураку, акт благотворительности – это заслуженно высокая оценка роли дурака в истории человечества. Опираясь, прежде всего, на многомиллионные массы дураков, советская власть сначала вела нас к светлому коммунистическому будущему, потом к развитому социализму, потом к перестройке, потом к государственной

независимости, потом…, в общем, куда только не вела. Последним значительным событием, осуществленным при непосредственном участии активной массы дураков, явилась серия фруктовых и цветочных революций в некоторых постсоветских республиках. В ходе этих славных революций удалось благодаря энтузиазму дураков поменять нерешительные «многовекторные» правительства, которые метались, как экскременты в проруби, от одной кромки к другой, на правительства «одновекторные». Удалось также устранить от кормушки зажравшихся олигархов и приблизить к ней других олигархов, у которых и в мыслях нет вести себя также, как их предшественники. Удалось малокомпетентных и вороватых чиновников заменить на вовсе некомпетентных, которые, будем надеяться, даже воровать не сумеют.

Но в чем выражается историческая роль дурака, столь высоко и по достоинству оцененная в нашей стране? Прежде всего в том, что дурак не чуждое, не побочное явление общественного развития, а его необходимая диалектическая сторона.

Мы можем с уверенностью утверждать, что без дурака, без его усилий нет, не было и не может быть никакого прогресса. Дурак – это один из источников развития и в то же время его необходимый момент. Защищая интересы всего старого и косного в борьбе с новым, жизненным, передовым, дурак являлся одной из противоположностей того противоречия, которое было источником общественного развития.

Кроме того, дурак оказывал благотворное влияние на умного человека, в постоянной борьбе с дураком последний углублял свои знания, изощрял свой ум, в борьбе с дураком умный проходил суровую, но полезную школу жизни.

В связи со сказанным становится ясным, что фактам пренебрежительного отношения к дураку, фактам умаления его достоинства, пусть даже единичным, не должно быть места в нашей среде. Умничество в отношении к дураку, которое сплошь и рядом оборачивается космополитической болтовней, вредящей делу национал-патриотического воспитания, необходимо решительно искоренять. Застрельщиками в этом деле должны быть все государственные и общественные организации, и в первую очередь Верховный Совет, народные депутаты, среди которых, слава Богу, умников немного.

Необходимо дать зеленую улицу всякой дурачине и глупости, ибо только в этом залог нашего общественного спокойствия и благополучия. Нужно поддерживать и укреплять в народе почтительное отношение к дураку. Нужно добиться такого положения, когда дурак совершенно проникнется чувством собственного достоинства, полностью утвердиться как хозяин жизни, высоко поднимет голову и смело скажет: «Я дурак и горжусь этим!»

◈ ◈ ◈

Недаром Платон колебался, к какому разряду живых существ подобает отнести женщину – разумных или неразумных, сомнением своим желая указать, что глупость есть неотъемлемое свойство ее пола. Если женщина даже захочет прослыть умной – как она ни бейся, окажется вдвойне дурой,… ибо всякий врожденный порок лишь усугубляется от попыток скрыть его под личиною добродетели. Правильно говорит греческая пословица: обезьяна всегда остается обезьяной, если даже облечется в пурпур; так и женщина вечно будет женщиной, иначе говоря, дурой, какую бы маску она на себя ни нацепила.. (Роттердамский Э. Похвала глупости / Э. Роттердамский. – М., 1971. – С. 135).

Не только Эразм и Платон, но и абсолютное большинство мыслителей, которым приходилось высказываться на этот счет, были невысокого мнения о женском уме. В одном из рассказов Ги де Мопассана, который любил женщин, но не очень высоко их оценивал, его герой, господин Рад, приводит следующие высказывания о представительницах прекрасного пола:

«Женщины не чувствуют и не понимают ни музыки, ни тем более поэзии, ни изобразительных искусств; все это у них – одно обезьянничанье, предлог, притворство, вызванное их желанием нравиться» (А. Шопенгауэр).

«Женщины в общем не любят ни одного из искусств, ничего не понимают ни в одном из них и всесторонне бездарны» (Ж.-Ж. Руссо).

«Их следует хорошо кормить и хорошо одевать, но отнюдь не допускать в общество. Они должны получать религиозное воспитание, но не знакомиться ни с поэзией, ни с политикой, а читать только духовные и поваренные книги» (Дж. Байрон).

«…женский ум, способный в отдельных случаях создать нечто возвышенное, не должен быть принимаем в расчет при оценке женской натуры как социального фактора» (Г. Спенсер).

К этому можно было бы добавить колоритные слова О. Уайльда: «…женщины не бывают гениями. Они – декоративный пол. Им нечего сказать миру, но они говорят – и говорят премило. Женщина – это воплощение торжествующей над духом материи, мужчина же олицетворяет собой торжество мысли над моралью». Уничижительное мнение о женщинах Вольтера: «Женщина – это человеческое существо, которое одевается, болтает и раздевается». Приговор Конфуция: «У обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной – сколько у двух».

Я бы не стал отрицать мыслительных способностей женщин. Соглашусь даже с Отто Вейнингером, что интеллектуальные способности средней женщины выше интеллектуальных способностей среднего мужчины. Но я отрицаю самобытность, самостоятельность ее духовного мира. Весь так называемый внутренний мир женщины по сути дела – мир внешний, все в нем до последней капли определено образованием, воспитанием, общественным мнением, суждениями окружающих и т.п.

Женщина, подобно губке, впитывает эту внешнюю информацию. Причем не следует думать, что в усвоении этой информации она сколько-нибудь критична, что ее заботит логичность, обоснованность услышанного суждения. Женщина почти никогда не требует доказательства той или иной точки зрения, того или иного суждения. Критерием истинности для нее выступает ранее усвоенная информация, общеизвестность, общепринятость данного суждения и, наконец, авторитет того, кто его высказывает. Если вы авторитетны, имеете чины и звания – смело говорите женщине любую глупость – она вам поверит.

Вообще, зависимость женщины от авторитетов, преклонение перед ними не может сравниться с мужским уважением авторитетов.

С другой стороны, женщина в силу своей мнительности и невротичности может делать совершенно алогичные умозаключения. Известный анекдот – а эта форма народного творчества имеет в высшей степени правдивый и реалистический характер – на мой взгляд, очень точно отражает особенность женской с позволения сказать логики: «Он сказал, что я искажаю факты, а раз я искажаю факты – значит я обманываю, а раз я обманываю – значит я брешу. Мама, он назвал меня сукой!» Собственно, рассуждение о наличии у женщины своей особой, так называемой женской логики – это ни что иное, как признание того, что она не в ладах с формальной логикой.

◈ ◈ ◈

С великим трудом, мне кажется, можно было бы найти кого-нибудь, кто ценил бы себя меньше или, если угодно, кто ценил бы меня меньше, – чем я сам ценю себя. Я считаю себя самым что ни на есть посредственным человеком, и единственное мое отличие от других – это то, что я отдаю себе полный отчет в своих недостатках… и нисколько не отрицаю их и не стараюсь придумывать для них оправдания (Монтень М. Опыты / М. Монтень. – М., 1981. – Кн. 1 и 2. – С. 564).

Показательные, на мой взгляд, рассуждения для человека незаурядного. Именно посредственности, как правило, не могут сложить себе цены и успешно уверяют в своей великой ценности другие посредственности. Люди большой учености и подлинной культуры, какая ныне редкость, обычно просты, незаносчивы. Думаю то, что я успел

сделать в своей жизни, позволяет мне не причислять себя к посредственности. Но только размышляя специально об этом, я обнаруживал значительную дистанцию между собой и большинством окружающих меня людей. Но на уровне эмоционально-психологическом и тем более поведенческом это никак не проявлялось. Я не ощущал своей особой значимости и не ходил, задрав нос.

◈ ◈ ◈

Женщина всегда ненавидит того, кто ее любит, и любит того, кто ненавидит ее (Сервантес М. Цит. по: Сиднев Л.Н. Десять лекций по этике / Л.Н. Сиднев. – Запорожье, 1999. – С. 190).

Казалось бы, мысль парадоксальная, но почему у нее так много сторонников среди тех, кого нельзя упрекнуть в незнании слабого пола? «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей», – писал Пушкин. Сходные мысли можно найти и у Куприна. А задолго до них подобные же взгляды высказывал Шекспир.

Я бы не делал в этом отношении особых различий между женщинами и мужчинами: о последних можно сказать то же самое. Происходит это потому, что мы нравимся, прежде всего, тем, кому не хотели бы нравиться и на кого не строим никаких планов. И тогда их внимание нас тяготит и раздражает.

Бессмысленно домогаться любви, пошло и стыдно приставать со своей любовью. Если крепость не сдается на милость победителя при первом же штурме, так ли необходимо осаждать ее и пытаться взять измором? Не лучше ли отправиться на поиск менее укрепленных стен. Впрочем, у кого есть время, терпение и кто не боится унижения в случае проигрыша, тот может не следовать этому совету.

◈ ◈ ◈

Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить вовсе не надо всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть его даже уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, ибо сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает (Б. Паскаль. Мысли / Б. Паскаль. – М., 1974. – С. 169).

Эти замечательные слова выражают суть философии Нового времени. Вера в человеческий разум, в способность человеческого разума мыслить достойно, вера в светлое будущее человечества – это определяющий мотив философской мысли, начиная с эпохи Возрождения. Конечно, были исключения, можно вспомнить М. Монтеня: «Ты можешь быть сколь угодно мудрым, и все же в конечном счете ты – человек; а есть

ли что-нибудь более хрупкое, более жалкое и ничтожное?» Но эти взгляды не определяли дух эпохи. Не таков XX век. Восторги и славословия в адрес человека сменились почти полным разочарованием в его разуме, благородстве и гуманности. Отдельно взятый человек еще может сохранять возвышенные черты, но человечество сегодня воспринимается скорее как болезнь, как раковая опухоль на теле Земли. И человеческий разум из предмета гордости и надежд превратился в реальную угрозу. Всякая гипертрофия губительна, когда-то гипертрофия массы привела к гибели динозавров, сегодня гипертрофия интеллекта грозит гибелью не только человечеству, но и всему живому на нашей планете.

◈ ◈ ◈

Рабство является столь отвратительным и жалким состоянием человека и столь противно великодушному нраву и мужеству нашего народа, с которым оно просто никак не совместимо, что почти невозможно себе представить англичанина, и тем более джентльмена, выступившего в его защиту (Локк Д. Соч.: в 3 т. / Д. Локк. – М., 1988. – Т. 3. – С. 140).

Если эти слова справедливы, в чем у меня нет оснований сомневаться, то уже в XVII в. дух свободы господствовал в сознании английского общества. У нас же фактическое рабство продержалось до второй половины XIX в. Крепостное право в России было отменено только в 1861 г., а из сознания людей оно в полной мере не вытравлено до сих пор. Не это ли основная причина пробуксовки почти всех наших демократических реформ? Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понимать, что в общем и целом парламентская республика демократичнее президентской, но посмотрите какое количество украинцев с пеной у рта доказывает обратное. Трудно сказать, что превалирует в нашем общественном сознании: желание авторитарной сильной власти или стремление к свободе и демократии. Впрочем, на уровне риторики и пустой болтовни все мы демократы, а еще больше патриоты, только большинство за сало или подачку из-за океана готовы продать и свободу, и Родину.

◈ ◈ ◈

В одном отношении люди отличаются редким постоянством, отступая от него лишь, когда дело касается мелочей: меняется все – одежда, язык, манеры, понятия о приличии, порою даже вкусы, но человек всегда зол, неколебим в своих порочных наклонностях и равнодушен к добродетели (Ж. Лабрюйер. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 258).

Между добром и злом лежит обширная область, не относимая ни к добру, ни к злу. В этой-то области не золотой, а серой середины пребывает абсолютное большинство людей. Человек середины сам по себе не добр и не зол, ни богу свечка ни черту кочерга, он может поступать благодетельно, если ему это выгодно, может совершать зло, если обстоятельства вынуждают его к этому. Но он не способен ни на беззаветное творение добра, ни на великое злодейство, его удел – добро в виде мелких услуг и зло в виде мелких пакостей.

◈ ◈ ◈

Легкость и быстрота, с которыми этот народ приобщился к цивилизации, неопровержимо доказали, что его государь был о нем слишком дурного мнения и что его народы вовсе не были скотами, как он отзывался о них. Насильственные средства, которые он употреблял, были бесполезны: он мог бы достигнуть своей цели и кротостью (Монтескье Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М., 1955. – С. 416–417).

Это пишет французский просветитель о Петре I. Хотелось бы ему верить, но исторические факты свидетельствуют о другом. Могучий народ русский удавалось раззадорить и подвигнуть на великие свершения отнюдь не кротостью, а жестокой силой. В противном случае он дремал как медведь в берлоге. Голубиным воркованием медведя не пробудить, здесь нужен осиновый кол или рогатина. Русский народ склонялся перед тиранами и послушно исполнял их волю, царей-благодетелей он ненавидел. Едва почувствовав свободу, он буянил, богохульствовал и цареубийствовал (царь-освободитель Александр II был убит народовольцами). Умные и образованные государи, желавшие поначалу действовать либерально, в конце концов от либерализма отходили. Так, Александр I реформатора М. Сперанского вынужден был поменять на консерватора А. Аракчеева. Даже Екатерина Великая не исключение из общего правила. Ее кротость не более чем притворство: одной рукой она гладила по головке Д. Дидро, а другой душила А. Радищева.

Впрочем, все насильственные методы немного способствовали общеисторическому движению. Стоит ли будить медведя раньше времени? Придет весна, пригреет солнышко и проснется он сам собою, довольный и счастливый. Конечно, тогда страшного рева его не услышать, не насладиться картиной его звериного гнева. Но кому нужен этот рев и этот гнев? Разве что садистам, мазохистам да ненавистникам собственного народа.

◈ ◈ ◈

Мы также подчинены природе, как часы – часовому мастеру. Она вылепила нас так, как хотела или, вернее так, как сумела. И мы не более виновны, повинуясь управляющим нами стихийным побуждениям, чем Нил в своих наводнениях или море в производимых им опустошениях (Ламетри Ж. Соч. / Ж. Ламетри. – М., 1976. – С. 406).

Мысль о естественности, природности человеческого существа неизбежно ведет к идее безответственности человека за свои поступки. Если человек не более, чем животное или даже машина, то и ответственен он за свои деяния столько же, сколько животное или машина.

◈ ◈ ◈

Если почти повсюду гениального человека преследуют больше, чем убийцу, то это потому, что врагами одного являются лишь родные им убитого, врагами же другого – все его сограждане (Гельвеций К. Соч.: в 2 т. / К. Гельвеций. – М., 1974. – Т. 2. – С. 219).

Способность – достаточный повод для насмешек, талант – для неприязни и раздражения, а гениальность вызывает в людях ненависть.

Неспособные и бесталанные ополчаются против способных и талантливых в силу иной природной организации, в силу того, что они им чужды и непонятны. Если же они все-таки сумеют понять и оценить людей способных соответственно их достоинствам, то их мучает зависть, обида на несправедливость Бога или природы, которые их самих обделили талантами.

Способные, талантливые и гениальные, как правило, не находят сочувствия и среди равных себе. Последних не мучает зависть, но они воспринимаются ими как нежелательные конкуренты. Редки случаи, когда два одаренных человека становятся близкими друзьями. Такое возможно только в том случае, если один из них все-таки признает первенство другого. Ярким примером может являться дружба К. Маркса и Ф. Энгельса. Будучи ничем не ниже Маркса, Энгельс не только содержал своего друга и его многочисленное семейство, но и заявлял, что «Маркс – гений, а мы в лучшем случае – таланты».

Явным лидером в дружбе с Н. Огаревым был А. Герцен, а вот того же Маркса и все его окружение Герцен терпеть не мог. И, надо сказать, Маркс отвечал ему полной взаимностью.

Вообще, примеров вражды между гениями неизмеримо больше, чем примеров их дружбы.

◈ ◈ ◈

Женщины почти всегда суевернее мужчин. Их живое и чувствительное воображение и слабость духа делают их весьма восприимчивыми к влиянию религиозного энтузиазма. Самые причудливые сказки нисколько их не возмущают (Гольбах П. Галерея святых / П. Гольбах. – К., 1987. – С. 218–219).

Чтобы убедиться в справедливости этого утверждения, достаточно посетить любую церковь и любое богослужение. Если присутствие женщин не возбраняется, то в таких местах и на таких мероприятиях их можно видеть в абсолютном большинстве. Причина и в экзальтации, и в слабодушии (если не сказать в слабоумии), и в большей податливости внешнему воздействию и внушению. Хотя, разумеется, сказанное касается женщин лишь по большей части и может не иметь никакого отношения к некоторым из них.

◈ ◈ ◈

Если любовь и придает ума дуракам, то умных людей она делает очень глупыми. (П. Буаст. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 251).

Могу согласиться с П. Буастом только наполовину. Сомнительно, чтобы любовь была способна сделать умным дурака, зато даже весьма умного человека она легко превращает в дурака. Любовь – это одуренная сила.

◈ ◈ ◈

Женщины могут быть образованными, однако для высших наук, философии и некоторых произведений искусства, требующих всеобщего, они не созданы. Женщины могут обладать воображением, вкусом, изяществом, но идеальным они не обладают…

Если женщины находятся во главе правительства, государство находится в опасности, так как они действуют не согласно требованиям всеобщего, а исходя из случайной склонности или мнения. (Гегель Г. Философия права / Г. Гегель. – М., 1990. – С. 215–216).

Нетрудно найти какие-то возражения этому мнению: отыскать женщин ученых, перечень, правда, будет раз-два и обчелся, привести примеры заметного вклада прекрасного пола в некоторые виды искусства, включая литературу. Можно назвать и женщин успешных в качестве государственных деятелей. Сложнее с философами, здесь, похоже, Гегель прав на все сто.

Но можно и целиком согласиться с Гегелем, полагая, что немногие исключения только подтверждают общее правило. А правило таково: женщине много ближе все материальное и предметно-конкретное, нежели идеальное и духовно-абстрактное.

◈ ◈ ◈

…с каким искренним дружелюбием мало-мальски красивая девушка встречает отъявленную дурнушку. Между мужчинами телесные преимущества не очень принимаются в соображение, хотя, однако же, приятнее себя чувствуешь рядом с тем, кто ниже, а не выше ростом.

Таким образом, между мужчинами глупые и невежественные, а между женщинами – некрасивые везде приятны и желанны (Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр. – М., 1998. – С. 600).

В целом справедливые наблюдения. Люди обычно не любят быть в тени других людей, в тени чужого ума или красоты. Касательно женщин я добавил бы следующее. Если определять главнейшую черту, присущую едва ли не всем представительницам слабого пола, то, по всей видимости, следует назвать гипертрофированное самомнение. Последняя дурнушка считает себя по меньшей мере миловидной и если даже замечает недостатки своей внешности, то обязательно компенсирует их своими мнимыми достоинствами: скромностью, сердечностью, верностью, хозяйственностью и т.д. и т.п. Прежде всего женщина склонна завышать свои внешние данные, это не удивительно, поскольку именно они в сознании женщины, в ее, так сказать, табели о рангах занимают первостепенное место.

◈ ◈ ◈

Так как женщины существуют единственно только для распространения человеческого рода и этим исчерпывается их назначение, то они постоянно и живут более в роде, чем в индивидуумах… Это придает всему их существу и поступкам известное легкомыслие и вообще в корне отличное от мужчины направление, которое и обусловливает частый и почти нормальный разлад в браках (А. Шопенгауэр. Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр. – М., 1998. – С. 629).

Много лет назад, в моей далекой молодости я вполне разделял этот критический максимализм А. Шопенгауэра. Передо мной запись, датированная 17.01.80 г. Вот что я писал.

Женщина сама по себе, как нечто самобытное, как Личность, ценности не имеет. Ценность женщины определяется тем, что ее окружает, обрамляет, то есть не ею самой, не какими-то достоинствами ее

духовного мира, а чем-то внешним по отношению к ней. Этим внешним является обстановка ее жилища, одежда, красота, и наконец, окружающие ее люди, друзья, знакомые. Отсюда и вытекает повышенное внимание женщины к внешним сторонам ее жизни, ее направленность во *вне* своего существа.

Кому придет в голову оценивать мужчину по положению и достоинствам его жены? Могут только отметить, что он удачно или неудачно женился, но ни то, ни другое никак не возвышает его и не умаляет его самого. Другое дело, когда речь идет о женщине: статус мужа, его общественное положение – это ее статус. Это, кстати, нашло отражение и в языке: в нем нет слов, характеризующих мужчину по статусу жены. Зато наоборот – сколько угодно: профессорша, докторша, генеральша. Обратите внимание, язык располагает только словами, выражающими достаточно высокое положение мужа, поскольку только в этом случае женщина может козырнуть своим супругом. Неслучайно в языке нет слов типа: слесарша, кучерша, шоферша. Есть в языке генеральша, полковничиха, майорша, но нет лейтенантша и тем более сержатша.

А вот запись от 28.09.80 г.

Женщина совершенно не склонна к самоанализу. Единожды создав себе приятную легенду о своей исключительности (которая связывается обычно с внешностью), она принимает ее как аксиому, не предпринимает сколько-нибудь серьезных попыток разобраться в сущности своего Я.

Попросите женщину рассказать о своем внутреннем мире. Таким вопросом вы либо поставите ее в тупик, либо услышите несуразные выдумки.

Не ждите от женщин глубоких размышлений над смыслом жизни, тайной смерти, строением Вселенной, будущем человечества. Эти философские вопросы ей абсолютно безразличны, они не могут произвести в ней никакого переворота, они ей просто неинтересны.

И я бы не советовал молодым людям приставать к своим подругам с подобными разговорами. Но если вас все же подмывает пофилософствовать, тогда довольствуйтесь монологом и ни в коем случае не задавайте вопросы, если не хотите, чтобы вас невзлюбили.

Несмотря на преувеличенное самомнение, женщина, как правило, не ценит своего Я, своей личности. Если она и боится смерти, то скорее боится боли или чего-то неведомого, чем самоуничтожения и небытия.

Многим женщинам (правда, исключительно молодым) я задавал вопрос: хотели бы они жить вечно. И в подавляющем большинстве случаев получал отрицательный ответ.

Не заботит женщину и проблема памяти о ней, вопрос о том, что она оставит после себя. «Чтобы вы сделали, если бы узнали, что завтра

умрете?» – спрашивал я. Отвечали все, что угодно, но никто не подумал о завещании, хотя бы имущества, не говоря уже о каком-то духовном завещании.

Эварист Галуа в ночь перед дуэлью лихорадочно делал записи, пытался систематизировать свои изыскания в математике, оставить след в науке, в истории, в памяти людей. Подобное поведение женщине совершенно чуждо.

◈ ◈ ◈

Самый дешевый вид гордости – это национальная гордость. Она обнаруживает, что одержимый ею страдает отсутствием индивидуальных качеств, которыми он мог бы гордиться, – иначе ему незачем было бы хвататься за то, что он разделяет со столькими миллионами. Кто обладает значительным личным превосходством, тот, напротив, самым ясным образом уразумеет недостатки своей нации, имея их постоянно перед глазами. Но всякий жалкий простофиля, не имеющий ничего в мире, чем бы он мог гордиться, хватается за последний ресурс гордости – за нацию, к которой он принадлежит: он успокаивается на этом и благодарно готов вкривь и вкось защищать все недостатки и глупости, которые ей свойственны (А. Шопенгауэр. Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр. – М., 1998. – С. 508).

Примечательно, что чрезмерной национальной гордостью, патриотическим угаром часто страдают представители именно тех народов, вклад которых в мировую культуру более чем скромен.

Моя приятельница, преподаватель вуза, рассказывала, как оскорбился и страшно обиделся на нее один студент за то, что она приняла его – тата! – за татарина. Таты – это небольшая народность, в СССР их было около 14 тысяч. «Как вы, историк, можете не знать, кто такие таты?!» – сказал ей студент, глядя на нее глазами, полными презрения и гнева.

Можно было бы высмеять эту гордость представителей маленьких народов, если бы она не была способом их самоидентификации и, может быть, даже выживания. Более того, иные великие народы именно в силу многочисленности своей и несомненности их вклада в мировой исторический процесс и культуру не только не страдают излишней гордостью, но напротив, вовсе теряют национальную гордость, а с ней и самоуважение и чувство собственного достоинства. Таков сегодня русский народ, которому его европейские соседи неустанно твердят, что он должен знать свое место. Да, кабы он знал свое место и законно потребовал его, то по справедливости очень многим пришлось бы потесниться и повести себя куда скромнее. Но он на радость прочим и сам, похоже, считает себя никем и ничем.

Тогда вопрос, что же хуже: национальная гордость, пусть даже чрезмерная, или национальное самоуничижение?

Впрочем, к сказанному А. Шопенгауэром это отношения не имеет. С ним я вполне согласен: национализм – это прибежище ничтожеств.

◈ ◈ ◈

«У неразумных встречается во сто раз более антипатии к разумным, чем у разумных отвращения к неразумным», – говорит Саади в своем Гюлистане.

Зато духовная приниженность и ограниченность всегда желанные гости. Ибо что для тела тепло, то для духа благородное чувство превосходства. Потому каждый так же инстинктивно, как к печке или солнечному свету, приближается к предмету, который сулит ему это превосходство. А таким предметом решительно может быть ниже стоящий, у мужчин – по качествам духа, у женщин – по красоте (Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр. – М., 1998. – С. 600).

Может ли дурак быть предметом ненависти для умного человека? Может, но не сам по себе, а когда он занимает неподобающее ему место. Поэтому я часто испытывал нечто близкое к ненависти, наблюдая глупость чиновников высокого ранга. Умный же человек всегда ненавистен дураку, ненавистен именно потому, что умнее его.

Этим психологическим феноменом объясняется ненависть власть имущих к людям незаурядным и умеющим мыслить, их стремление приблизить к себе посредственность, которая не опасна и на фоне которой можно казаться умнее, чем есть на самом деле.

В себе же я никогда не наблюдал тяготения к дуракам и ненависти к тем, кто меня превосходит. Впрочем, последнее, возможно, объясняется тем, что я почти ни в ком не находил духовного превосходства над собой.

◈ ◈ ◈

В России все носит печать рабства – нравы, стремления, просвещение, и даже вплоть до самой свободы, если только последняя может существовать в этой среде (Чаадаев П.Я. Отрывки и афоризмы / П.Я. Чаадаев // Соч. – М., 1989. – С. 200).

Никогда народ наш не жил в демократии и в большинстве своем не испытывал потребности в ней. Можно искать исторические причины и оправдания, но факт остается фактом: русский народ наглеет, если власть не держит его за шиворот. К либералам – от Александра II до Михаила Горбачева – он относился в лучшем случае презрительно, а порой испытывал к ним лютую ненависть. Зато деспотов не просто любил, а

боготворил, и не только не покушался на их священные особы, но готов был отдать за них свою жизнь. Кто из русских властителей до сих пор считается великим, кто не забыт, кто почитаем? Изувер и насильник Иван Грозный, Петр I, костями русскими мостивший дорогу в Европу, наконец, кровавый деспот Иосиф Сталин. Перед ними преклонялись, перед ними трепетали, им были преданы, с их именем на устах умирали в застенках и на полях сражений. Такова особенность национального деспотизма.

◈ ◈ ◈

Человек создан не для того, чтобы влачить цепи, а для того, чтобы, широко расправив крылья, парить над землей (В. Гюго. Цит. по: Тумаркин И.Б. Золотые россыпи: Мысли и афоризмы / И.Б. Тумаркин. – Одесса, 1961. – С. 128).

Так мыслили романтики. Но большинство сегодня думает иначе: человек создан не для того, чтобы влачить жалкое существование, а чтобы, широко расставив руки, хапнуть побольше.

◈ ◈ ◈

Можно обманывать часть народа все время, и весь народ – некоторое время, но нельзя обманывать весь народ все время (А. Линкольн. Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 343).

Очень может быть, что по отношению к американскому народу А. Линкольн был стопроцентно прав. Но наш народ можно обманывать всегда. Желательно, правда, изредка менять обманщиков и придумывать новую ложь. Назовите мне хотя бы одного государя, правителя или президента, которые успешно не обманывали бы наш народ, ведь обмануть его нетрудно, он сам обманываться рад. В том, может быть, состоит одно из замечательных свойств нашего народа, что он с легкостью младенца верит в откровенный и беззастенчивый обман, но чистейшую правду принимает за ложь.

◈ ◈ ◈

Я никогда, однако, не читал, в Священном писании: люби массу (С. Кьеркегор. Цит. по: Быховский Б.Э. Кьеркегор / Б.Э. Быховский. – М., 1972. – С. 182).

Любить массу значило для С. Кьеркегора примерно то же, что для Августина любить не град Божий, а град земной, то есть любить не духовное, а бездуховное. Носителем духовности является личность, а не толпа, не народ, не масса. В украинском языке слово громада означает не

только нечто огромное, но и общество. Общество – это огромная масса, грозящая если не раздавить индивида, то растворить его в себе. Можно ли в таком случае его любить?!

◈ ◈ ◈

Человек качественно отличается от других животных видов… тем, что личность, единичный выше рода (С. Кьеркегор. Цит. по: Быховский Б.Э. Кьеркегор / Б.Э. Быховский. – М., 1972. – С. 191).

Человек действительно отличается от животных своею самостью: сознанием своей субъективности и индивидуальности. Нам долго вбивали в голову, что народ – творец истории, но если вдуматься, то тезис этот весьма сомнителен. Тот, кто придумал колесо, сделал для исторического развития больше, чем тысячи его соплеменников, вместе взятые. Коллективное творчество, творчество масс – не более чем художественный образ. История и культура делаются личностями, делаются разумом индивидов. Коллективного же разума не бывает, коллективным может быть только безумие.

◈ ◈ ◈

В России главный двигатель – страх, а страх убивает всякую жизнь, всякий ум, всякое благородное движение души. Трудно и тяжело жить в России человеку, любящему ближнего; уважающему равно во всех людях достоинство и независимость бессмертной души… (М. Бакунин. Цит. по: Волков Г.Н. Три лика культуры / Г.Н. Волков. – М., 1986. – С. 292).

Мы, русские, как-то чересчур уж охотно боимся и притом боимся всегда с увлечением. Начинаем мы бояться почти с пеленок; сначала боимся родителей, потом начальства… Я знаю, что это дурная привычка – и ничего более. Но она до такой степени крепко засела в нас, что победить ее ужасно трудно. Уж сколько столетий русское государство живет славною жизнию, а мы, граждане этого государства, все еще продолжаем себя вести, как будто над нами тяготеет монгольское иго или австрияк нас в плену держит… (М.Е. Салтыков-Щедрин. Цит. по: Борщевский З.С. М.Е. Салтыков-Щедрин в русской критике / З.С. Борщевский. – М., 1959. – С. 259).

Среди таких наших национальных черт, как глупость, леность и вороватость, равное место занимает трусость. Трусость – это символ нашей веры, мы не только сами ее ревностно исповедуем, но и всех вокруг стремимся в нее обратить. Конечно, в оправдание себя мы можем ссылаться на негативный исторический опыт, на рабство, отмененное только в 1861 г., то есть полторы сотни лет назад. Но ведь если бы в

народе нашем не был столь развит этот ген трусости, разве продержалось бы так долго рабство?

Но самое печальное заключается в том, что если бы народ наш вдруг в одночасье избавился от трусости, чудесным образом раскрепостился и осмелел, то в силу тупости своей такое бы натворил, что все вокруг, да и сам он, тут же о трусости пожалели, как о качестве в высшей степени для народа нашего полезном.

Есть определенный смысл, в христианской проповеди страха божьего, обращенной к народу. Проповедь страха исходит из понимания того, что лишенный каких бы то ни было ограничений и сдерживающих его уз человек легко превращается в зверя.

◈ ◈ ◈

Рост капиталов повел во Франции к целому ряду спекулятивных предприятий… Возникла масса обществ, которые своими мелкими акциями и подкрашенными социализмом проспектами апеллируют непосредственно к кошельку мелких буржуа и рабочих, но в общем сводятся к тому чистейшему надувательству, которое свойственно только французам и китайцам (Маркс К. Классовая борьба во Франции // Маркс К. Избр. произведения: в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1980. – Т. 1.– С. 301).

Неужели склонность к надувательству свойственна только французам и китайцам? Обычно в этом обвиняют нацию куда как более близкую К. Марксу, нежели китайцы. Впрочем, на месте интернационалиста Маркса я не стал бы огульно приписывать ни одной нации какие бы то ни было подлые черты.

◈ ◈ ◈

…Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода (Маркс К., Энгельс Ф. // Маркс К. Соч. – Т. 3. – С. 75).

Это красиво звучит… в теории. На практике коллектив подавляет личность, стремится усреднить, стандартизировать ее. Коллектив для личности – это заворот кишок. И пусть не поймет читатель последнюю фразу как некий художественный прием.

На пятом десятке своей жизни я попал под нож хирурга в связи со случившимся заворотом. Как позже узнал у врачей, причин этого несчастья (от которого, между прочим, каждый пятый отправляется в мир иной) может быть много. Но одна из них, кажется, имела ко мне прямое отношение. Мое раннее детство прошло в большой коммунальной

квартире. Кроме нашей семьи из четырех человек и одной собаки, в ней проживало еще человек пятнадцать или даже больше. И на весь этот коллектив, а справедливее было бы сказать ораву, имелся только один санузел, попасть в который было непросто. Выходил малец в коридор, смотрел на очередь возле сего жизненно необходимого заведения и опечаленный уходил терпеть. И терпел по два дня, а то и больше. Не будем вдаваться в медицинские подробности, но описанные обстоятельства детской жизни, могли, по мнению врачей, даже спустя многие годы спровоцировать возможность заворота кишок.

Семь десятков лет советская идеология, советская педагогика, весь советский образ жизни усердно формировали в людях чувство коллективизма. И я не скажу, что безрезультатно. Помню, как моя учительница по литературе, проверив очередное мое сочинение, делала мне замечание: зачем, дескать, я пишу не от себя, а от некоего множественного числа, почему МЫ, а не Я. А ведь это МЫ было неслучайным, оно как раз и явилось следствием воспитания в духе коллективистских ценностей. Кстати, ценности эти я не стал бы огульно отрицать. Коллективизм в той мере, в которой он противостоит эгоизму, не противоречит принципам гуманизма. Он противоречит им лишь тогда, когда перерождается в конформизм, в нивелировку личности.

Более того, теперь, когда как дым улетучилась бравурная коллективистская трескотня, когда махровым цветом расцвел самый дикий эгоизм, когда мы стали жить по правилу «каждый за себя», когда коллективизм отстал от людей как шелуха от семечек, мне вовсе не радостно. Скорее наоборот, уж если мы никак не можем обойтись без крайностей и приходится выбирать из двух зол меньшее, то я коллективизм предпочел бы индивидуализму.

◈ ◈ ◈

Достоинство, которое Вы больше всего цените в людях – Простота.

в мужчине – Сила.

в женщине – Слабость.

Ваша отличительная черта – Единство цели.

Ваше представление о счастье – Борьба.

Ваше представление о несчастье – Подчинение.

Недостаток, который Вы скорее всего склонны извинить – Легковерие.

Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение – Угодничество.

Ваша антипатия – Мартин Таппер.

Ваше любимое занятие – Рыться в книгах.

Ваши любимые поэты – Шекспир, Эсхил, Гете.

Ваш любимый прозаик – Дидро.

Ваш любимый герой – Спартак, Кеплер.

Ваша любимая героиня – Гретхен.

Ваш любимый цветок – Лавр.

Ваш любимый цвет – Красный.

Ваше любимое имя – Лаура, Женни.

Ваше любимое блюдо – Рыба.

Ваше любимое изречение – Ничто человеческое мне не чуждо.

Ваш любимый девиз – Подвергай все сомнению

(К. Маркс Цит. по: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. – М., 1956. – С. 274–275).

Достоинство, которое Вы больше всего

цените в людях – Веселость.

в мужчине – Не вмешиваться в чужие дела.

в женщине – Умение класть вещи на свое место.

Ваша отличительная черта – Знать все наполовину.

Ваше представление о счастье – «Шато Марго» 1848 года (марка вина и намек на революционные события этого года).

Ваше представление о несчастье – Визит к зубному врачу.

Недостаток, который Вы считаете извинительным – Излишества всякого рода.

Недостаток, который внушает вам наибольшее отвращение Ханжество.

Ваша антипатия – Жеманные, чопорные женщины.

Ваше любимое занятие – Поддразнивать самому и отвечать на поддразнивания.

Ваш любимый герой – Нет ни одного.

Героиня – Их слишком много, чтобы можно было назвать только одну.

Ваш любимый цветок – Колокольчик.

Цвет – Любой, если это не анилиновая краска.

Ваше любимое блюдо – Холодное – салат; горячее – ирландское рагу.

Ваше любимое житейское правило – Не иметь никакого.

Ваш любимый девиз – Относиться ко всему легко.

(Энгельс Ф. Цит. по: Волков Г.Н. Путь гения / Г.Н. Волков. – М., 1976. – С. 235).

В 1865 году дочери К. Маркса предложили отцу и его другу Энгельсу эти анкеты. Маркс ответил серьезнее, Энгельс шутливо. Ответы были названы потом исповедью. Однажды и мне пришлось ответить на эти вопросы.

Достоинство, которое Вы больше всего

цените в людях – *Порядочность*

в мужчине – *Ответственность*

в женщине – *Красота (не только внешняя)*

Ваша отличительная черта – *Верность слову*

Ваше представление о счастье – *Свобода*

Ваше представление о несчастье – *Зависимость*

Недостаток, который

вы скорее всего склонны извинить – *Излишняя скрытность или, наоборот, неумеренная искренность*

Недостаток, который внушает вам наибольшее

отвращение – *Подлость*

Ваша антипатия – *Брынцалов*

Ваше любимое занятие – *Читать книги и писать книги*

Ваши любимые поэты – *Пушкин, Гете, Есенин*

Ваш любимый прозаик – *Куприн*

Ваш любимый герой – *Овод*

Ваша любимая героиня – *Такой нет*

Ваш любимый цветок – *Роза*

Ваш любимый цвет – *Синий*

Ваше любимое имя – *Светлана*

Ваше любимое блюдо – *Пельмени*

Ваше любимое изречение – *Великие кажутся нам великими только потому, что сами мы стоим на коленях. Поднимемся!*

Ваш любимый девиз – *Бей в барабан и не бойся!*

◈ ◈ ◈

Что ни на есть отчаянный
Был Клим мужик: и пьяница,
И на руку не чист.
Работать не работает…
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат! (Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо / Н.А. Некрасов // Соч.: в 3 т. – М., 1959. – Т. 3 – С. 234–235).

Дальше о своем герое Н. Некрасов пишет, что он наслушался «каких-то слов особенных: Атечество, Москва первопрестольная, Душа великорусская», бахвалится и горланит диким голосом: «Я – русский мужичок!».

А ведь и верно, истинно русский: пьяница и лодырь. Отвращение к труду в русском народе воспитывалось веками, оно вошло в плоть и кровь, стало особенностью менталитета. О том свидетельствуют

многочисленные поговорки: «Работа не волк, в лес не убежит», «Работа дураков любит». Отсюда извечная русская безалаберность, небрежность, разгильдяйство, необязательность. Отношение русского человека к труду – это отношение холопа, раба, незаинтересованного в результатах труда. Он будет всячески отлынивать от работы, опаздывать, устраивать затяжные перекуры и пр., и пр. Жесткие меры и насилие по отношению к рабу эффективны только на момент их применения; ослабнет насилие, ослабнет хоть на немного контроль – и раб берется за свое. К тому же эти меры порождают неизбежный протест и еще большее нежелание трудиться. В сталинские времена за минутное опоздание на работу можно было попасть под суд. Но разве это способствовало воспитанию трудолюбия?

Только тогда, когда появляется материальный стимул, когда человек начинает работать на себя, когда его труд перестает быть подневольным, только тогда и то не сразу удается изжить рабское отвращение к честному и добросовестному труду.

…Человек стремится на земле к идеалу, – противоположному его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, т. е. не приносил любовью в жертву своего я людям или другому существу… он чувствует страдание и назвал это состояние грехом. Итак, человек беспрерывно должен чувствовать страдание, которое уравновешивается райским наслаждением исполнения Закона, т. е. жертвой. Тут-то и равновесие земное. Иначе Земля была бы бессмысленна. (Ф.М. Достоевский. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. Литературное наследство. – М., 1971. – Т. 83. – С. 175).

Но в чем же натура человека, противоположная идеалу, к которому он, якобы, стремится? Натура, надо думать, в эгоизме, в животном стремлении выжить и утвердиться за счет других, в жажде удовольствий, в любви к себе самому и только. Откуда же жертвенный идеал при такой натуре? Он либо красивая выдумка, которая нужна человеку, чтобы не чувствовать себя совершенной свиньей, либо каприз каких-то высших сил, которые заложили в человека разрывающую его двойственность, либо обман, навязанный народу вождями. Ведь чтобы последним удовлетворить свой необузданный эгоизм, необходимо другим внушить химеру альтруистической жертвенности.

◈ ◈ ◈

Вам должны быть известны мои взгляды на брак, цель которого заключается в высокой обязанности человека – произвести себе подобного и сделать его достойным имени человека, существа духовно разумного (Шелгунов Н.В. Воспоминания: в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. – М., 1967. – Т. 2. – С. 44).

Только существо духовно-разумное достойно имени человека. Определение человека как существа разумного недостаточно, мало одного только разума. Чтобы быть человеком нужна еще и духовность.

◈ ◈ ◈

...Почему женщины не любят, когда им говорят о женском материализме и подчиненности их мужчине? Потому, что самолюбие их не хочет этого. Эта же самая причина, при некоторой слабости головного мозга женщин, не позволят им видеть, что женщина значит гораздо больше мужчины, что в видимой слабости женщин и заключается их сила, да, наконец, в сердце женщин столько высоких достоинств, которые никогда не были, да и не будут, в сердце мужчины. Только женщина может любить с самоотвержением и без эгоизма и расчетов ума, и только женщина может быть матерью. Мужчины не умеют любить всем существом своим, потому что сердце мужчины никогда не заглушит его ума и рассудка (Шелгунов Н.В. Воспоминания: в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов – М., 1967. – Т. 2. – С. 44–45).

Н. Шелгунов приписывает мужчине силу разума, а женщине – силу сердца. Основанием для приписывания женщине «высоких достоинств, которые никогда не были, да и не будут в сердце мужчины», он усматривает в любви без расчетов ума, то есть в слепой любви. Но может ли слепая, безрассудная любовь превозноситься как достоинство?! Кстати, мужчины тоже способны на такую любовь, которая умного человека превращает в дурака, но для мужчины это противоестественно и унизительно, а для женщины – естественно и возвышенно.

◈ ◈ ◈

Мое понятие о равенстве держится вот на каком убеждении: мужчина умнее женщины и выше ее характером, следовательно, эта часть должна быть в управлении мужа; женщина выше мужчины своим сердцем, и потому женщина должна быть главою дел сердца. В супружеской жизни великодушие и любовь мужа к жене – самые важные обстоятельства, и они возможны только тогда, когда муж чувствует свое превосходство над женою; передайте эту власть женщине – и

мужчина, сознающий себя, будет стыдиться за свое ничтожество и не станет никогда любить жену (Шелгунов Н.В. Воспоминания: в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов – М., 1967. – Т. 2. – С. 42).

К этому можно добавить, что и женщина никогда не будет любить, ценить и уважать такого мужчину, в котором она видит только ровню себе и тем более уступающего ей. Но о каком таком равенстве говорит Н. Шелгунов, если естественно только превосходство, умственное и физическое, мужа над женой, а не наоборот. О каком равенстве он говорит, если уже в следующем абзаце своих рассуждений пишет: «Возьмите двух людей, которые не знали никогда друг друга, поставьте их рядом после двух слов, сказанных одним и другим, один непременно подчинится другому»?

И еще. Интересно было бы послушать Н. Шелгунова, что он понимает под делами сердца. Вероятно, эмоциональную сферу. Женщина должна нести мир и согласие, любовь, нежность и сочувствие, но здесь женщина в силу чрезмерной эмоциональности и даже истеричности также частенько оказывается не на высоте и, следовательно, уступает мужчине.

Умная жена – как раз та, которая сознает свою слабость и зависимость и добровольно подчиняется мужу. При том, разумеется, условии, что муж ее не дурак, не хам и не изувер.

◈ ◈ ◈

Коммунисты хотят равенства между мужчиною и женщиной, они, верно, никогда не любили, они вполовину мужчины, потому что не понимают наслаждения власти. Идея равенства была чужда творцу мира. Из двух людей, любящих друг друга, один всегда сильнее другого, и в таком случае сильнейшим лучше всегда быть мужчине, чем женщине. Да, я думаю, что и сами женщины отказались бы от права власти, потому что они потеряли бы право пленять и заставлять себя любить любовью страсти, выиграв взамен ее какое-то почтение и покорность. Что может быть смешнее покорности и смирения перед властью, когда покорность – мужчина, а власть – женщина?

…как часто власть смиряется перед покорностью, как часто мужчина отдается вполне женщине и сам не замечая того… Как сильна женщина в самой своей слабости, и чего желать ей более, какой нужно еще власти? Глупцы мужчины, проповедующие равенство, дуры женщины, слушающие их, – в власти равенства, которого они добиваются, они найдут свое бессилие и потеряют силу, которою владеют теперь, приняв малиновую фольгу за огонь (Шелгунов Н.В. Воспоминания: в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов – М., 1967. – Т. 2. – С. 35–36).

С этими мыслями Н. Шелгунова согласен полностью. Пожалуй, даже добавить нечего. Разве что касательно наслаждения властью. Власть может быть естественной и противоестественной. Противоестественна государственная власть, когда ее осуществляют люди, интеллектуальные и моральные достоинства которых уступают большинству граждан. Когда убогие правители упиваются своей властью – это или смешно, или страшно. Но власть мужа над женой естественна, и обоим может приносить удовлетворение и даже наслаждение.

◈ ◈ ◈

Ни одна женщина в мире не умела еще владеть, господствовать над своими желаниями и страстями, и для них незнакомо торжество победы над собою (Шелгунов Н.В. Воспоминания: в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов – М., 1967. – Т. 2. – С. 36).

На мой взгляд, справедливость требует отбросить безоговорочность и категоричность: «ни одна в мире». Я высказался бы несколько иначе: если и существуют женщины, способные сдерживать свои эмоции и желания, то таких единицы. К тому же и желания женщины, ее прихоти удовлетворить много сложнее, чем желания мужчины. Оставшаяся у разбитого корыта старуха из пушкинской сказки о рыбаке и рыбке выражает типичные для женщин безудержность, ненасытность и неразумность желаний.

◈ ◈ ◈

В ряду разумных созданий женщина менее всего понимает, что она может быть разумна, что она может быть человеком; она полагает, что создана только для того, чтобы пленять своими наружными достоинствами, и не любит, когда восхищаются ее душевными богатствами, полагая, что эти восторги отнимают много от ее наружности (Шелгунов Н.В. Воспоминания: в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов – М., 1967. – Т. 2. – С. 36).

Это справедливо. Если не верите, попробуйте некрасивой женщине сделать следующий «комплимент»: «Вы, конечно, не красавица, но зато очень умны». Если не верите, попробуйте найти женщину, которая завидует не красоте, не нарядам другой женщины, а ее уму.

◈ ◈ ◈

По большинству женщин, которое я видел, я увидел, что женщина, хотя и может чувствовать, однако этот жар похож на жар железной печки, которая скоро накалится и скоро остынет… Я увидел, что средняя цифра женщин не умеют отличит добра от зла, все происходит

в них бессознательно, рядом с светлою мыслью стоит глупость, с благородным чувством – подлость, с любовью – мстительность, злость и коварство, с постоянством – ветреность и тщеславие. Как ни ройтесь в этом хаосе, вы редко вытащите что-нибудь хорошее, если же и вытащите, то впечатление добра изгладится тотчас же десятью грязными сторонами подобного сердца (Шелгунов Н.В. Воспоминания: в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов – М., 1967. – Т. 2. – С. 46).

С первой частью этих заметок можно согласиться, женщинам действительно не присуща глубина чувств и переживаний, быстро воспламеняясь, они так же быстро остывают. Впрочем, эта особенность характерна и для многих мужчин.

Что же касается того, что женщина не умеет отличить добра от зла, то есть не имеет нравственного стержня, то я здесь не вижу почти никакого отличия от мужчин. Современному человеку, не только женщине, но и мужчине, свойственна растерянность перед нравственным выбором, потеря нравственных ориентиров. И здесь мужчине, если он даже умнее женщины, не может помочь его интеллектуализм: нравственный выбор трудно основать на правилах логики и здравом смысле.

◈ ◈ ◈

Все пороки, все несчастья, как общие, так и частные, являются результатом приниженного положения женщины в государстве, обществе, семье и в образовании. Женщины в этом угнетенном состоянии приобретают все пороки рабства, а так как они суть первые воспитатели мужчин, скрыто влияющие на них и управляющие всей их жизнью, то этим понижается и уровень мужского характера, заглушаются высокие стремления. Если мы хотим освободить мужчин и вообще человечество, необходимо, чтобы женщины стали свободны, образованны, начитанны и могли бы расцвести в соответствии с собственным духом. Пусть женщины всех стран объединяются… (Шелгунов Н.В. Воспоминания: в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов – М., 1967. – Т. 2. – С. 76).

Это писала жене Н. Шелгунова некая мадам де Рикур, доктор медицины, «рьяная противница Прудона и горячая защитница женщин». Описывая ее внешность, Людмила Шелгунова отмечает, что она была «очень некрасивой толстой маленькой женщиной». Интересно, будь она красивой, стройной, высокой и не очень ученой, могли бы в ее голове бродить подобные мысли?

◈ ◈ ◈

Если человек не может простить брата, он не любит его. Истинная любовь бесконечна, и нет количества тех оскорблений, которые она не простила бы, если она истинная любовь (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 37).

Под истинной любовью Л. Толстой понимает так называемую беззаветную любовь, но такая любовь незряча, слепа. Я не отнес бы ее к высшим проявлениям любви.

◈ ◈ ◈

По мере просвещения и увеличения населения люди переходят от поедания людей к поеданию животных, от поедания животных к питанию зернами и кореньями и от этого способа питания к самому естественному питанию плодами (Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении Л.Н. Толстой. – М., 1998. – С. 855).

История свидетельствует о другом: все в ней происходит в обратной последовательности.

◈ ◈ ◈

Множество наблюдений показало, что мозг женщины вообще весит на 1/4–1/6 фунта менее, чем мозг мужчины. Это совершенно согласно с их умственным развитием: известно, что (вследствие, вероятно, условий нашей цивилизации) у женщин рассудочная способность развита менее, чем у мужчин. Эта разница существует также относительно веса мозга людей с различными способностями. Так мозг Кювье весил более четырех фунтов, а мозги нескольких идиотов, взвешенные Тидеманом, имели весу только от одного до двух фунтов (Н.А. Добролюбов // Избранные философские произведения: в 2т. – М., 1948. – Т. 1. – С. 247–248).

Не отрицая фактор цивилизации, я, тем не менее, считаю, что важнее биопсихологические особенности женщины.

Природа наделила мужской и женский организм различными функциями, как бы разделила обязанности между ними. Особенности женского организма и главным образом детородная функция не могут не сказываться на всем психологическом складе женщины, на ее умственных способностях, социальных устремлениях, профессиональных возможностях.

Задачи воспроизведения рода укрепили защитные силы женского организма, обусловили выносливость к небольшим, но длительным и однообразным нагрузкам, приспособляемость к различным условиям

социальной и природной среды, психическую уравновешенность. Я настаиваю на последнем. И пусть вас не сбивают с толку многочисленные фокусы, причуды и истерики – все это только внешние проявления, присущих каждой женщине актерских способностей, бенгальский огонь, а еще лучше – дым без огня. При всей своей эксцентричности и нервозности (особенно во время месячных) женщина не склонна к глубокому чувству и сильному переживанию. (Разумеется, речь не идет о каких-то отклонениях от нормы, о пациентках психиатров). И это естественно, потому что всякого рода волнения и стрессы могут пагубно сказаться на потомстве.

Умение приспособиться, подладиться к окружающей среде, обусловленное все теми же функциями женского организма, в свою очередь определило известный консерватизм женщин. Если мужчина, остро воспринимая воздействия среды, стремится переделать ее, преобразовать окружающий мир в соответствии со своими желаниями, а следовательно, вносит в него какие-то изменения, выступает как революционное начало, то женщина стремится к устойчивости, стабильности, поскольку ей нетрудно примириться с действительностью, и потому отсутствуют стимулы к активному преобразованию действительности. Мужчина – начало динамичное, женщина – статичное. И то, и другое если не в равной степени полезно (в смысле интересов общественного прогресса), то во всяком случае необходимо.

◈ ◈ ◈

Жизнь есть присвоение, повреждение, насилование чужого и слабейшего… (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Собр. соч. // М.; Л., 1900. – Кн. 2. – С. 259–260).

Эти слова великого мыслителя звучат почти оскорбительно для нашего деликатного чувства. Быть может потому, что большинство из нас относит себя к тем самым *чужим* и *слабейшим*, о которых речь. Но как бы мы ни возмущались и благородно негодовали против этих слов, нельзя не признать их справедливость. Хищники поедают несчастных травоядных, травоядные вместе с зеленью уничтожают, топчут и заглатывают миллионы козявок, роящихся в траве, козявки (некоторые по крайней мере) не прочь попить кровь животных. И всех пожирает, уничтожает и притесняет самый великий хищник – человек. Но и он, поедаемый гробовыми червями, не нарушает замкнутого жизненного цикла поглощения чужого и слабейшего.

◈ ◈ ◈

Добродушные получили такой свой характер от постоянного страха, который имели их предки пред иноземным нападением: они

сдерживали себя, унижались, просили прощения, преклонялись, льстили, смирялись, гнулись перед сильным, скрывали свое неудовольствие и досаду на него и старались быть веселыми и спокойными. И весь этот слабый и наигранный механизм они передали по наследству детям и внукам. Эти последние хотя и освободились от постоянного страха, но тем не менее постоянно играют на своем инструменте (Ницше Ф. Утренняя заря / Ф. Ницше. – Свердловск, 1991. – С. 129).

Итак, по Ф. Ницше, страх порождает добродушие. Страх, действительно, способен породить нечто близкое добродушию, а именно робость, смирение, но все же не само добродушие. Даже если считать смирение добродетелью, как этого требует христианство, то и тогда нельзя не признать, что добродетель много шире смирения и не может быть сведена к нему. К тому же страх и трусость не часто порождают смирение, чаще они являются источником злобы, зависти, коварства и жестокости. Разумеется, страх может сдерживать проявления этих отнюдь не добродушных чувств, но стоит ему пройти, и они расцветут пышным цветом.

Добродушие, происходящее из такого источника, как страх, в сущности, не является именно добродушием. Не только потому, что это добродушие искусственное, вынужденное, наносное и сделать душу доброй оно не может, но и потому, что такое добродушие (если все же сохранить за ним это название) более чем ненадежно и временно. Нельзя постоянно играть на *чужом* инструменте. Допуская такую возможность, Ф. Ницше заблуждается касательно человеческой природы. Спектакль рано или поздно закончится, и актер вытрет грим и сдаст реквизит. И вот тогда от его добродушия не останется и следа, и мы будем только диву даваться, насколько реальный человек отличается от своего сценического амплуа.

◈ ◈ ◈

Если женщина обнаруживает склонность к науке, то обыкновенно в ее половой сфере что-нибудь да не в порядке (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Избр. произведения: в 2 кн. – М.; Л., 1990. – Кн. 2. – С. 213–214).

Возможно поэтому мужчины инстинктивно сторонятся женщины, «склонной к науке», подозревая в ней синий чулок. Поэтому если женщина обнаруживает такую склонность, но вопреки заявлению Ф. Ницше в сексуальной сфере у нее все на месте и все в порядке, то перед ней стоит еще и сверхзадача убедить в этом мужчину. Иначе зачем нужна полноценной женщине наука, если она делает ее в глазах мужчины малопривлекательной и неполноценной?

◈ ◈ ◈

Если бы женщина была мыслящим существом, то она, будучи кухаркой в продолжение тысячелетий, должна была бы открыть величайшие физиологические факты, а также должна была бы овладеть врачебным искусством! Благодаря дурным кухаркам, благодаря совершенному отсутствию разума, в кухне задержалось дольше всего развитие человечества и ему наносился самый большой ущерб (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Избр. произведения: в 2 кн. – М.; Л., 1990. – Кн. 2. – С. 270).

Опыт доказывает, что интеллектуально-творческие способности женщины достаточно скромны. Однако следует сделать некоторые оговорки. Средний уровень интеллектуальных способностей мужчин и женщин приблизительно одинаков, то есть подавляющее большинство мужчин также бездарны, как и женщины. Но если сравнить одареннейших, лучших из мужчин и лучших из женщин, то здесь выявится разительный контраст. На фоне лучших мужчин лучшие женщины выглядят весьма бледно. Исторический опыт показывает, что женщине практически недоступна высшая степень интеллектуального развития – гениальность.

Герой Мопассана, господин Рад, соглашается считать Жорж Санд исключением. Я же считаю, что Жорж Санд никоим образом не дотягивает до гениальности. Стоит сравнить ее творчество с Бальзаком, Дюма, Гюго (умышленно называю одних французов) – и станет ясна ее заурядность. Помню, в юности я едва вымучил страниц сто ее «Консуэлло» и отбросил книгу, не дочитав, что со мной случалось редко. Вообще, много ли среди женщин всех времен и народов сколько-нибудь известных писателей и поэтов? Можно назвать десятка два, максимум три, если, конечно, не считать совсем уж современных, за которых, говорят, пишут целые авторские коллективы. Чем иначе объяснишь их удивительную плодовитость: в год по три книжки?

Стоит также учесть, что популярность их во многом определяется именно тем, что они женщины. Напиши их творения мужчина, он остался бы неизвестным.

А сколько среди женщин ученых, композиторов, художников? И какие это ученые, композиторы и художники?! А назовите хотя бы одну женщину-философа!

Такое положение можно, конечно, объяснять социальным неравенством, дискриминацией, которая в каких-то формах сохраняется по сей день (занятость домашним хозяйством, детьми и прочее). Но, думается, что объяснение это будет далеко не исчерпывающим.

◈ ◈ ◈

…Человек, отличающийся глубиной в уме и в стремлениях, а также той глубиной благожелательности, которая способна на строгость и суровость и часто бывает смешиваема с ними – может думать о женщине только по-восточному. Он должен представлять себе женщину как предмет обладания, как собственность, которую следует запирать, как нечто предназначенное для служения и совершенствующееся в этой области, – он должен в этом отношении положиться на громадный разум Азии, как это некогда сделали греки, которые, как нам известно, … вместе с возрастающей культурой и расширением власти, шаг за шагом делались строже к женщине, так сказать, делались восточнее. Насколько это необходимо, насколько логично, насколько даже по-человечески желательно – об этом пусть каждый рассудит про себя.

Слабый пол никогда не пользовался таким почтением со стороны мужчин, как в наш век – это есть принадлежность и основа демократического направления… – что же удивительного, что сейчас же начинают злоупотреблять этим почтением? Хочется большего, начинают требовать, находят, наконец, эту дань уважения почти оскорбительной, начинается состязание за права и находят предпочтительной борьбу: одним словом, женщина теряет стыд. Прибавим тотчас же, что она теряет и вкус. Она отучается бояться мужчины, а женщина, которая «отучается бояться», теряет свои самые женские инстинкты. …Женщина благодаря этому вырождается. Это происходит теперь: не будем обманывать себя на этот счет. (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Избр. произведения: в 2 кн. – М.; Л., 1990. – Кн. 2. – С. 271–272).

Представляю, в какое негодование впал бы Ф. Ницше, знай он, как далеко зашла в наш век пресловутая эмансипация, знай он о том, что американцы, да и европейцы по всему миру ищут себе жен, воспитанных в патриархальных традициях и не развращенных духом феминизма, знай он, к примеру, о том, что израильтянкам ничего не стоит упечь своих мужей в тюрьму по заявлению об изнасиловании. По мне, логичнее было бы сажать за отказ выполнять супружеские обязанности тех жен, которые предъявляют мужьям бесстыдные обвинения в изнасиловании.

Нашему европейскому либерально-демократическому идеалу, конечно же, претит призыв относиться к женщине по-восточному. А такие речения Ф. Ницше, да еще со ссылками на пророков и мудрецов прошлого, как «Идешь к женщинам? Не забудь взять с собою плеть!» или «Хорошая и дурная женщина – обе просят бича», кажутся шокирующими. Однако остережемся бездумно навешивать на Ницше ярлык ретрограда.

Задумаемся, так ли уж не прав немецкий мыслитель, нет ли в его призывах хотя бы толики истины?

Стремление мужчины главенствовать и руководить основывается на силе, если не на интеллектуальном, то на безусловном физическом преимуществе его пола. Едва ли справедливо обвинять мужчину в этом присущем ему преимуществе. К тому же стремление мужчин господствовать и подчинять своей воле приветствуется большинством женщин. Мужчины противоположных склонностей самими женщинами презрительно именуется «тряпками», «подкаблучниками». С другой стороны, мужчин всегда пленяла в женщине женственность, то есть слабость. Даже такой великий демократ и либерал, как К. Маркс, говорил, что в мужчине он ценит силу, а в женщине – слабость.

Биологически обусловленная слабость и в то же время приспособляемость, терпеливость, выносливость женщин делает возможной и сравнительно легко воспринимаемой зависимость от мужчин. Это может показаться парадоксальным, но рабство в известной степени естественное состояние женщины. Даже волевая, а лучше сказать сверхупрямая женщина тайно или явно желает подчиниться воле мужчины и чувствует неудовлетворенность, если рядом с ней оказался мягкотелый муж. Вспомните «Укрощение строптивой».

◈ ◈ ◈

«У злых людей нет песен». А почему же у русских есть песни? (Ницше Ф. Помрачение кумиров / Ф. Ницше // Избр. произведения. – М.; Л., 1990. – Кн. 1. – С. 337).

У русских со времен Ледового побоища складывалось впечатление о германских народах как о злых и жестоких. История давала им немало поводов для укрепления в этом мнении. У немцев таких поводов было меньше, но и они всегда считали русских свирепыми варварами. А я, в ком течет и русская, и немецкая кровь, задаю себе вопрос, кто же из них прав. И если можно судить о характере народа по его песням, то в русских можно найти печаль, жалостливость, порою ухарство, но только не злобу.

◈ ◈ ◈

Я хочу творить вещи, на которых время напрасно будет точить свои зубы, постараться создать нечто, хотя небольшое, но бессмертное по форме и веществу, – я никогда не был достаточно скромным, чтобы требовать меньшего от себя. Афоризмы, сентенции, в которых я не имею себе равных среди немцев, и есть формы «вечности»; мое честолюбие в том, чтобы сказать в десяти предложениях то, что другой говорит целой книгой, – что другой не может сказать целой

книгой. Я дал человечеству глубочайшую книгу, которую оно имеет – моего Заратустру; в скором времени я ему дам другую – самую независимую (Ницше Ф. Очерки несвоевременного / Ф. Ницше // Избр. произведения. – М. ; Л., – 1990. – Кн. 1. – С. 412).

Есть много причин, по которым гений не может быть понят и принят своими современниками. А это одна из них: публичное заявление о своей гениальности. Такую нескромность толпа может простить разве что покойнику. При жизни Ф. Ницше был безвестен, мировую славу он обрел лишь посмертно. С другой стороны, если бы он не сказал современникам: «Я – гений», то, возможно, и потомки не признали бы его таковым.

К утешению тех, кто не может в десяти предложениях высказать написанное ими в целой книге, скажу: многословие – это тоже дар, данный не всем. Мне, например, доставляет немало труда даже попытка громоздко изложить то, что может быть высказано двумя словами.

◈ ◈ ◈

...Не было между ними правды, продолжает летописец, встал род на род, начались усобицы. В таких обстоятельствах племена собрались и сказали: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». Порешивши так, пошли они за море к варягам,... и сказали им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: приходите княжить и владеть нами» (Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. / С.М. Соловьев. – М., 1988. – Кн. 1. – С. 120).

Конечно, можно сомневаться в том, что наши древние предки обратились к неким варягам, призвали их править ими. Возможно, варяги сами воспользовались усобицами славян, воспользовались их замечательной особенностью «питать друг к другу вражду» и испытывать «ласковость к иностранцам».

Но если это правда, то трудно представить себе большей низости, большего раболепия и большей тупости. Что угодно – чужаку, но только не своему, не родичу, не брату. Не той же ли низостью страдают украинские националисты, которые скорее себе навредят, чем в чем-нибудь пойдут навстречу русским? Они готовы продаться кому угодно: европейцам, американцам, даже туркам, лишь бы навредить «старшему брату».

◈ ◈ ◈

Разница между тишиною и движением, между созерцательностью и работой, между страдальческим терпением и активной борьбою со злом – вот что психологически и метафизически отделяет Православие от Католичества и Протестантства и, как религия есть душа нации, –

отделяет и противополагает Россию западным народностям (Розанов В.В. Религия и культура / В.В. Розанов // Соч.: в 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 329).

Это скорее отличие Востока от Запада. Да и то отличие весьма условное. Иные восточные народы деятельностью и работоспособностью своею могут служить примером почти всем европейцам, за исключением, может быть, немцев.

А вот русские не только в силу своего географически срединного положения, но и в силу своей истории и психологии как маятник колеблются между Востоком и Западом. Русским дай надолго тишину – она им наскучит, они ринутся в движение, обычно бестолковое и бунтарское, а потом будут корить себя за глупость и с ностальгией вспоминать о днях покоя. Созерцательность в форме обломовщины или маниловщины может увлечь, но только не весь народ, а его верхний слой. Слой нижний на созерцательность не способен, он способен на тупую дремоту и беспробудное пьянство. От этой дремоты его могут пробудить то ли палкой, то ли зажигательным словом и привить ему на время трудовой энтузиазм. Но так как плоды энтузиазма народу никогда не достаются, хотя всегда обещаются, он быстро выдыхается и устает. Страдальческому терпению, обусловленному, прежде всего, трусостью, тоже рано или поздно приходит конец. Происходит это обычно тогда, когда власть несколько ослабляет удила, идет на какие-то послабления. Тогда русские переходят к активной борьбе, чаще, однако, не со злом, а с тем, что попадет под горячую руку.

◈ ◈ ◈

В наш век люди слишком много читают, что мешает им быть мудрыми, и слишком много думают, а это мешает им быть красивыми (О. Уайльд. Избранное / О. Уайльд. – М., 1990. – С. 86).

А в наш – мало читают и еще меньше думают, но это не делает людей ни мудрыми, ни красивыми.

◈ ◈ ◈

Кинул взор вперед себя на ширь степи гордый смельчак Данко, – кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и – умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой… И вот оно, рассыпавшись в искры,

угасло… (Горький М. Избранные произведения / М. Горький. – М.; Л., 1952. – С. 129).

В чем тут символика, почему осторожный человек наступил на сердце Данко? Мало того, что люди не замечают смерти своих героев, своих спасителей, и, следовательно, платят им черной неблагодарностью. Они из опасения, что память о героях будет служить им укором, стараются скорее забыть их. Хуже того, некоторые из людей, сознавая свое ничтожество, завистливо стремятся очернить имена героев, замарать, затоптать их дело. Чтобы быть героем, надо быть наивным, или, зная людскую неблагодарность, служить не людям, а какой-то высшей идее, без которой ни жить, ни считать себя Человеком герой не может.

◈ ◈ ◈

Для меня человек всегда победитель, даже и смертельно раненный, умирающий. Прекрасно его стремление к самопознанию природы, и хотя жизнь его мучительна, – он все более расширяет пределы ее, создавая мыслью своей мудрую науку, чудесное искусство. Я чувствовал, что искренно и действительно люблю человека и того, который сейчас живет и действует рядом со мной и того, умного, доброго, сильного, который явится когда-то в будущем. Андрееву человек представлялся духовно нищим; сплетенным из непримиримых противоречий инстинкта и интеллекта, он всегда лишен возможности достичь какой-либо внутренней гармонии. Все дела его «суета сует», тлен и самообман. А главное, он – раб смерти и всю жизнь ходит на ее цепи (Горький М. Собр. соч.: в 18 т. / М. Горький. – М., 1963. – Т. 18. – С. 117).

Два диаметрально противоположных суждения о человеке вообще: Максима Горького и Леонида Андреева. Оба суждения ложны, потому что нет человека *вообще*, есть конкретный человек, и он может быть таким, каким нарисовал его Горький («Человек – это звучит гордо») и таким, каким виделся Андрееву. Но чаще всего он не тот и не другой: не победитель и не побежденный, не богач и не нищий, не мудрец и не глупец, не царь и не раб, не Бог и не червь.

◈ ◈ ◈

...Много говорили о том, что человек звучит гордо, и из миллионов добродетельных мещан, солдат, мужиков, купцов, чиновников, попов, царей и хулиганов стремились вылепить величественный образ человека. Человека обряжали в плащ индивидуализма, надевали хитон христианина, совали ему в руку красный флаг товарища, пускали голяком анархистом на оголенной земле, а он, одетый и голый, равно упорно оказывался если

не зверь зверем, то свинья свиньей. (Арцыбашев М.П. Литературный календарь-альманах / М.П. Арцыбашев. – М., 1908. – С. 18).

Вот оно новое, отличное от паскалевского, понимание человека. Мало вам Арцыбашева, так вот фраза Федора Сологуба, звучащая как пощечина: «Нет дьявола злейшего, чем этот, который прикрыл свое дьявольское безличие человеческой харею, личиной разъединения и соблазна». Человек – не венец творения, не нечто высшее по сравнению с животным, а самая что ни на есть последняя скотина.

Я не исключаю, что это понимание сути человека ближе к голой правде XX в. Но это та именно правда, которую великий русский поэт относил к «низким истинам», тьме которых он предпочитал «нас возвышающий обман».

Возможно, что утверждение в русской действительности начала XX в. такого представления о человеке способствовало приходу красного хама. Он уже был ожидаем, его уже живописали, к его воцарению уже подготовились как к чему-то неизбежному. А раз человек не более, чем скот, то следует ли удивляться и возмущаться тем насилием, тем кошмаром, тем ужасом, которые следуют за революцией, «освободившей» человека, выпустившей наружу его звериное нутро.

◈ ◈ ◈

Маленьким мальчиком я очень увлекался ремеслами, я был и столяром, и маляром, и штукатуром. Особенно любил столярное ремесло, даже обучался ему в столярной мастерской и делал какие-то рамки и стулья. И сейчас я с любовью вхожу в столярную мастерскую. Одно время был даже огородником и сажал какие-то овощи. Этим как будто исчерпались все мои возможности физического труда, и всю жизнь я был неумелым в этой области (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 19).

Мне случалось знавать профессоров философии, которые в буквальном смысле гвоздя не умели забить и в жизни молотка в руках не держали. Так что по сравнению с ними мы с Бердяевым можем считать себя виртуозами серпа и молота. Мое приобщение к земледельческому труду произошло лет в семь, когда моему деду, как ветерану войны, дали участок в шесть соток. Дед на этом участке показался раз или два, а мы с мамой и бабушкой в поте лица возделывали целину. Но труд крестьянский мне был тошен, и безо всякого удовольствия крутил я ручку колодезного барабана и таскал ведра воды по всему участку. С большим удовольствием я принимал участие в строительстве дома. Домик из шлака и бетона построили рабочие, а мы с бабушкой тем же методом соорудили веранду. У бабушки был плотнический дар, она однажды с помощью

самых примитивных инструментов смастерила вполне приличную табуретку. Поэтому сколотить опалубку для нее было плевым делом. Я же размешивал в корыте раствор с цементом, шлаком и щебнем и забрасывал его в опалубку, а потом что было сил бил сверху небольшим бревешком. Тогда мне не было и десяти лет. А через двенадцать лет, когда деревья выросли, по-настоящему начали плодоносить, городские власти дачу эту у нас отобрали, как и у других ветеранов, под строительство микрорайона.

Мы купили дачный участок недалеко от Волги: минутах в пятнадцати ходьбы. Дело было в Самаре. И вот на этом участке вместе с товарищами я поставил большой финский дом. Дом купили очень дешево. Строительный трест, которым руководил двоюродный брат моей матери, расчищал массив жилых домов под какое-то капитальное строительство. Жильцов отселили, а их дома пошли под снос. Дома были сборные, состояли из деревянных секций. Мы все аккуратно разобрали, начав с черепицы, и перевезли. Когда стены освободили от штукатурки, сосновые доски оказались совсем свежими, пахли смолой. Но мы допустили серьезный промах: не пронумеровали детали дома. Пришлось поломать голову при его сборке. Собирали дом шесть человек, а всеми отделочными работами занимался уже я сам. Соорудил лестницу на чердак внутри дома, превратил чердак в мансарду, обшил потолок ДВП, поклеил обои, ну и прочие мелочи.

Когда один из сослуживцев моей матери, начальник службы гражданских сооружений Куйбышевской железной дороги, приехал к нам в гости, то по поводу моей лестницы заявил, что ни один плотник в его хозяйстве лучше бы не сделал.

Потом, много позднее уже в Запорожье, я получил, как говорят, «убитую» квартиру и, не прибегая к услугам мастеров, сделал в ней ремонт. В одном месте бетонную стену пришлось выравнивать с помощью топора. Здесь же в Запорожье купил я дачу с полуразвалившимся домиком. Из секций громадных ящиков, в которых на алюминиевый завод немцы привезли оборудование, обшил внутри весь дом. Каждую дощечку зашлифовал и вскрыл лаком. Поговорка гласит, что из дерьма конфетки не сделать. Но у меня получилось: не шоколадная, конечно, конфетка, всего лишь карамелька, но все же.

И самый значительный мой подвиг. Надумало наше семейство перебраться из квартиры в жилой дом. Больших средств у нас не было, поэтому купили двухэтажную коробку. Крыша и стены были, а больше не было ничего. Заказали столярку, решетки на окна, двери а остальное делали своими силами. Сначала сын мне только помогал, но потом вырос, и мы поменялись местами, уже я был у него на подхвате. Сами делали стяжку на полу, клали паркет, занимались всеми видами малярно-штукатурных, гипсокартонных и электромонтажных работ, провели

металлопластиковый водопровод, положили кафель. И поверьте, сделали все, по крайней мере, не хуже, чем профессиональные строители.

Когда-то в молодые годы преподавал я философию в медицинском вузе. После одного из партийных съездов, призвавших к формированию гармонично развитых строителей коммунизма, в программу курса была введена соответствующая тема. Я спросил у студентов: «Теорию вопроса мы с вами обсудили, но приходилось ли вам в жизни встречать гармонически развитых людей, сочетающих в себе высокий интеллект, моральную чистоту и физическое совершенство?» Одна студентка говорит: «Один такой человек мне известен. Это вы, Лев Николаевич». Тогда я принял ответ за шутку. А теперь думаю: наконец-то я настолько приобщился к физическому труду, что, точно, достиг гармонии. Где еще как не на постсоветском пространстве вы найдете докторов наук, вынужденных заниматься строительными работами?

◈ ◈ ◈

Я отнюдь не застенчивый человек, и я всегда говорил и действовал уверенно, если это не касалось деловой, «практической» стороны жизни, где я всегда себя чувствовал беспомощным. В обыденной жизни я был скорее робок, неумел, не самоуверен и был мужественен и храбр, лишь когда речь шла об идейной борьбе или в минуты серьезной опасности (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 24).

Я не могу назвать себя особенно смелым человеком, хотя тем более не могу назвать себя трусом.

В раннем детстве я был ужасно стеснительным. Да и сейчас что-то потребовать от человека, обратиться к нему с какой-то просьбой мне неловко. По статусу, а часто и по возрасту я старше окружающих меня людей, но ловлю себя на том, что первый приветствую их, уступаю дорогу. Я напрочь лишен привычки эксплуатировать окружающих, использовать их. Мне много проще сделать что-то самому, чем заставить делать другого. Когда студентом я был старостой группы, требовалось с утра убирать закрепленную за группой аудиторию, так вот я это часто делал за других.

У меня нет тяги управлять людьми, хотя то, за что я брался в роли руководителя, у меня обычно получалось. Наверное, потому, что способность понукать людьми – не единственное положительное качество лидера.

◈ ◈ ◈

Моя преобладающая ориентировка в жизни этическая. По типу своей мысли я моралист (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 25).

Я никогда не был моралистом, в том смысле, что не мнил себя безупречно нравственным и не читал морали другим. Но и о себе мог бы сказать, что моя преобладающая ориентация – этическая. Дело не в том, что я автор некоторых книг, имеющих этическую направленность («Десять лекций по этике», «Словарь этических понятий, или Так называемые парадоксы автора», «Этика без морали»), а в глубоком убеждении, что наше общество более всего губит духовно-нравственное оскудение.

Давайте представим, что при всех наших материальных недостатках, при всей даже умственной недалекости (две извечные российские проблемы: дороги и дураки) вдруг в одночасье все стали совестливы и справедливы, никто гроша не украдет у другого, не оскорбит, не унизит и уж, конечно же, не убьет. Если бы только это произошло, думаю, незамедлительно дороги пришли бы в порядок, материальное благосостояние стало бы не меньшим, чем в самых развитых странах. Но и без этого материального обретения, кто не захотел бы жить в таком идеальном высоконравственном обществе? Разве что законченные проходимцы и негодяи.

◈ ◈ ◈

Но у меня всегда был сильный чувственно-пластический эстетизм, я любил красивые лица, одежду, мебель, дома, сады. Я любил не только красивое в окружающем мире, но и сам хотел быть красивым. Я страдал от всякого уродства. Прыщик на лице, пятно на башмаке вызывали у меня отталкивание, и мне хотелось закрыть глаза (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 25).

Я не сказал бы о себе, что не люблю красивые лица (особенно женские), одежду, мебель, дома, сады, что не хотел бы быть сам красивым. Но для меня это не главное, особенно желание собственной красоты и безукоризненности. Никогда я не придавал значения тому, как одет и как выгляжу. И это вовсе не поза, не желание кому-то бросить вызов. Просто это не волновало меня до такой степени, чтобы заставить себя налакировывать башмаки, крутиться перед зеркалом, рассматривая прыщи, бегать по магазинам в поисках модных тряпок. С детства у меня волосы торчат в разные стороны, не помню, когда в последний раз был в парикмахерской (меня совсем не профессионально, но и без претензий с

моей стороны стрижет жена), не помню, когда в последний раз при мне была расческа. Лучшая расческа – это пятерня. Моя бабушка даже говорила, что мне больше подошла бы не фамилия Сиднев, а фамилия Лохмачев.

Я не оспариваю А. Пушкина: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Но мне кажется, что безразличие к внешнему виду более подобает философу. Впрочем, история философии знает разные примеры: Диоген – неопрятный и в рубище и Аристотель – ухоженный и франтовато одетый, Сиднев – лохматый и в пыльной старой обуви и Бердяев – причесанный и без пятнышка на башмаках.

◈ ◈ ◈

Я совершенно неспособен испытывать чувства ревности, мне не свойствен аффект зависти, и нет ничего более чуждого мне, чем мстительность, у меня атрофировано совершенно всякое чувство иерархического положения людей в обществе, воля к могуществу и господству не только мне не свойственна, но и вызывает во мне брезгливое отвращение. Слишком многие страсти, господствующие над жизнью людей, мне чужды и непонятны (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 25–26).

В этом отношении мы с Бердяевым почти двойники, только в некоторых пунктах я не был бы столь категоричен. Я способен испытывать чувство ревности, даже могу припомнить юношеские терзания. Как-то выскочил из автобуса и с разрывающимся сердцем помчался вдогонку удалявшейся паре, мне показалось, что любимая мною девушка прошла под руку с каким-то типом. Если бы это оказалась она, я преградил бы им дорогу, посмотрел на нее испепеляющим взглядом и ушел бы, не сказав ни слова, но ушел навсегда. Точно так бы я тогда поступил, но теперь сама эта сцена представляется мне весьма комичной.

Я толковал ревность как ущербное чувство, как свидетельство собственной неполноценности и потому стремился подавить ее малейшие ростки. К тому же ревность происходит от частнособственнического инстинкта, который во мне развит слабо.

Крайне редко мне случалось испытывать зависть, но никогда она не пожирала меня. Помню, моя мать даже стремилась подогреть во мне самолюбие. Она указывала мне на кого-то, кто преуспел более моего, и рассказывала, как она в детстве, видя, что кто-нибудь делает что-то лучше, спрашивала себя: «Неужели я хуже, неужели не могу добиться того же или даже большего?!» И не могла успокоиться, пока не добивалась желаемого. Но все эти увещевания были напрасны. У меня хватало ума понять, что нельзя угнаться за всеми. Конечно, я не отказался бы быть «самым-самым», если бы это случилось само собой, если бы не

надо было платить слишком большую цену, убить на это массу времени и труда. Если и было во мне неудовлетворенное самолюбие, могущее породить зависть, то оно с лихвой уравновешивалось сибаритством.

Я никогда не рвался в лидеры, не лез наверх, а те начальственные должности, которые мне случалось занимать с большим опозданием, следовали за моим научным и профессиональным ростом. К примеру, директором школы я стал, будучи доктором наук, в то время как даже директора-кандидаты были в системе среднего образования величайшей редкостью. И наконец, я не только не держался за командные посты, но всегда с облегчением оставлял их, чем вызывал немалое удивление окружающих.

Мне до такой степени чужда была зависть, что я не мог распознать завистников среди близких мне людей. Как-то я познакомил между собой двух моих приятелей. Потом один из них рассказывал, что другой мне завидует. Ему хватило краткого разговора с ним, чтобы сделать такой вывод. А я не догадывался об этом, имея тысячекратно больший опыт общения с этим человеком. Видимо, чтобы «раскусить» завистника нужно самому не быть чуждым чувству зависти. Здесь эффект камертона: надо быть настроенным на волну собеседника, чтобы его понять, надо его соощущать.

Я не сказал бы, что мне никогда не приходили в голову мстительные мысли, случалось, я даже строил замыслы мести. Но насколько помню, не доводил дело до их реализации. Мало-помалу перегорал и, в конце концов, решал, что месть ниже моего достоинства. Впрочем, не уверен, что не мстил я, прежде всего, из лени, из соображения, что овчинка не стоит выделки.

Что же касается атрофированного чувства иерархии – это стопроцентно относится и ко мне. Никогда я не испытывал холопской униженности перед так называемыми вышестоящими, чаще даже я воспринимал их как нижестоящих. Никто и никогда не докажет мне, что какой-нибудь Кучма или Ющенко выше меня. Выше меня – Лев Толстой, Николай Бердяев и Алексей Лосев, а не какая-нибудь чиновная мелочь.

◈ ◈ ◈

Я лишен изобразительного художественного дара. В моей выразительности есть бедность, бедность словесная и бедность образов. Я не мог написать романа, хотя у меня есть свойства, необходимые беллетристу. Я полон тем для романов, и в моей восприимчивости (не изобразительности) есть элемент художественный. Я прежде всего должен признать в себе очень большую силу воображения. Воображение играло огромную роль в моей жизни, и часто несчастную для меня роль. В воображении я переживал несчастье

с большей остротой, чем в действительности (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 26).

Думаю, я не лишен изобразительного художественного дара. Во всяком случае, мой первый опубликованный литературный опыт – повесть «Похождения кота Бегемота» – наглядное тому подтверждение. Я тоже полон тем для романов и надеюсь, что у меня хватит времени воплотить хотя бы некоторые из них. Однако я не обладаю тем воображением, которое уносит писателя в заоблачные выси. Даже фантазия моя сугубо реалистическая, она не порывает с нашей земной жизнью, а всего лишь представляет ее в образах обостренно комических или трагических.

◈ ◈ ◈

Я был с детства избалован, нуждался в комфорте. Но я никогда не мог понять, когда говорили, что очень трудно воздержание и аскеза. Мне это казалось выдумкой, ложным направлением сознания. Когда мне кто-нибудь говорил, что воздержание от мясной пищи дается трудной борьбой, то мне это было мало понятно, потому что у меня всегда было отвращение к мясной пище, и я должен был себя пересиливать, чтобы есть мясо (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 28).

Я был поздним и единственным ребенком у мамы, которая растила меня без отца. Я был любим, но не был избалован. Трудно представить избалованного ребенка, живущего в коммунальной квартире с единственным туалетом человек на пятнадцать – двадцать. Наша длинная, как вагон, комната была перегорожена ширмой, отделявшей нас с мамой от деда и бабки. Еще в этой комнате проживал некоторое время пес Туман – полуовчарка, полудворняга.

Я, сколько себя помню, сознавал, что лишних средств в нашей семье нет. Поэтому никогда не клянчил игрушки или сладости и даже выработал в себе «нелюбовь» к шоколадным конфетам и другим дорогим яствам. Пельмени в целях экономии приучился есть с черным хлебом, яблоки поглощал целиком, уверяя, что мне нравится сердцевина.

Моя жизнь никогда не была слишком комфортной, ни в материальном, ни в психологическом смысле. Да я бы не сказал, что у меня есть особенное тяготение к нему. Роскошной гостинице, организованному туризму я всегда предпочту палатку под открытым небом. Это следствие не только любви к дикой природе, но и жажды вольной жизни, негативизма по отношению ко всякому регламенту, к групповым формам отдыха, к походам строем. Но даже в палатке я

максимально позабочусь об удобстве своего спального места. Я засыпаю плохо и сплю мало, если к этому прибавить неудобную постель – то просто кошмар.

Н. Бердяев говорит о себе, что начало духовное доминировало в нем, я тоже человек духа, а не сала, что не мешает мне любить пельмени и чувствовать голод, если не поем на сон грядущий чего-нибудь мясного.

◈ ◈ ◈

Я всегда был человеком чрезвычайной чувствительности, я на все вибрировал. Всякое страдание, даже внешне мне мало заметное, даже людей совсем мне не близких, я переживал болезненно (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 30).

Чувствительность – не последнее свойство и моей душевной организации, только в ней заметен налет этакой художественной сентиментальности. «Над вымыслом слезами обольюсь» – это в полной мере обо мне. Вид реального несчастья вызывает во мне не больше переживаний, чем поэтический рассказ об этом несчастье. Я могу плакать над книгой, могу с комком в горле смотреть кинофильм, но не помню случая, когда бы собственные физические страдания заставили меня проронить хотя бы единую слезу.

◈ ◈ ◈

Мне легко было выражать свою эмоциональную жизнь лишь в отношении к животным, на них изливал я весь запас своей нежности. Моя исключительная любовь к животным может быть с этим связана. Эта любовь человека, который имеет потребность любви, но с трудом ее может выражать в отношении к людям. Это обратная сторона одиночества. У меня есть страстная любовь к собакам, к котам, к птицам, к лошадям, ослам, козлам, слонам. Более всего, конечно, к собакам и кошкам, с которыми у меня была интимная близость. Я бы хотел в вечной жизни быть с животными, особенно с любимыми. У нас было две собаки, сначала лилин мопс Томи, потом скай-терьер Шулька, к которым я был очень привязан. Я почти никогда не плачу, но плакал, когда скончался Томи, уже глубоким стариком, и когда расставался с Шулькой при моей высылке из советской России. Но может быть более всего я был привязан к моему коту Мури, красавцу, очень умному, настоящему шармеру. У меня была страшная тоска, когда он был болен. Любовь к животным характерна для семьи моих родителей и для нынешней нашей семьи (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 31).

Человек, который не любит людей, может иметь на то основания. Быть может, люди его очень обидели, оскорбили, и у него не хватает сил простить им. Но человек, который не любит животных и тем более жесток по отношению к ним, не может иметь никаких оснований и, следовательно, у него нет оправданий. Если человек не любит животных, тем более не может он любить людей. Человек жестокий с животными – это конченый человек.

В детстве у меня были две собаки, сначала беспородный, но очень смышленый пес Туман, а потом, уже в отрочестве и юности – восточно-европейская овчарка Инга. Тумана взял наш дед на рыбалку и якобы потерял его, а скорее просто бросил. Надо сказать, у них с Туманом не сложились отношения. Помню такой эпизод. Мать ругала деда за то, что он не уделяет внимания семье, пропадает где-то с друзьями, пьет. «Ты у нас как чужой» – упрекнула она деда. А потом смотрит на Тумана и спрашивает: «Туман, кто у нас чужой?» Туман поворачивает голову к деду и рычит.

Мы с бабушкой несколько дней искали Тумана, там, где он, по словам деда, пропал. Но безрезультатно. Некоторые люди говорили нам, что видели собаку в ошейнике, но куда она подевалась, не знают.

Еще в детстве у нас были кошки, именно кошки, не коты. Особенно умна была одна из них, прозывалась Зиткой. Говорят, собаки привязаны к людям, а кошки – к дому. Так вот, Зитка была скорее собакой. Летом мы с дедом и бабкой жили в палаточном городке за Волгой, Зитка обреталась с нами. Городок – это громко сказано: всего стояло палаток шесть-семь, не больше. Люди добирались сюда на своих лодках со стационарными слабосильными моторами. Владельцы лодок, мужики-пенсионеры, занимались рыбалкой. А мы, их внуки, развлекались, как могли. Когда случалось ходить к озерам или собирать в лесу ежевику, Зитка как собачонка бежала за нами на некотором расстоянии.

Мой сын Владик, трепетно относящийся к животным, просил завести собаку или хотя бы кота. Сначала взяли красивого ангорского кота, назвали его Крисом, но характер у него оказался просто скверным: мог поцарапать и вообще был какой-то дикий. Пришлось отдать его знакомым в село, там, говорят, на вольных хлебах он вымахал под десять килограммов и стал главным местным производителем. Сейчас в нашей семье живет кот Барсик, его нам подбросили года четыре назад, еще котенком, когда мы только-только вселились в недостроенный дом. Сын решительно настоял оставить кота у себя. Он провел у нас ночь, а утром куда-то убежал, спрятался. Сын-первокурсник уходил в институт чуть не плача и с обидой на меня за то, что я выпустил котенка на улицу. Пришлось мне лазить по сараям, искать приблудного кота. Теперь это полноправный член семьи, добрый, умный, исключительно чистоплотный,

но своевольный. Как раз сейчас в конце декабря 2005 г., когда я пишу эти строки, Барсик заставил нас в очередной раз поволноваться: отсутствовал больше двух суток. Эти дни у местных котов была сходка, что они там решали – не знаю, но наш вернулся поцарапанный и припадающий на одну ногу. Эти кошачьи разборки напоминают мне парламентские дебаты: сначала истошно вопят, а потом могут и подраться.

Только одним Барсик в худшую сторону отличается от Криса. Последний никогда ничего не клянчил, когда получал еду, ел чинно, с каким-то даже достоинством, а первый готов жрать хоть целый день, пузо разъел не на шутку. В этом отношении Крис был аристократ, а Барсик – маргинал маргиналом. Вообще, сколько у меня было животных, собак и котов, все они имели свой характер, все были разными.

Не знаю, люблю ли я животных, но кажется мне, что люблю. Во всяком случае, отношение у меня к ним куда более теплое, чем к членам Верховной Рады, правительству и администрации Президента вместе взятым.

P.S. Прошло полтора года с тех пор, как я сделал эту запись. Барсика не стало, пятнадцать дней назад он ушел вечером и больше не возвращался. Первые двое суток мы не волновались, даже на четвертые я верил, что он скоро появится, но его не было и не было, и нет до сих пор. В холодильнике его ждут его любимые бычки, но надежды на возвращение уже нет. За свою недолгую пятилетнюю жизнь дважды он был жестоко побит людьми (по крайней мере, один раз, другой, возможно, попал под машину).

Убежден, что за жестокость к братьям нашим меньшим закон должен карать не менее, чем за жестокость, проявленную к людям.

◈ ◈ ◈

Я мало разочаровывался, потому что мало очаровывался. Я не люблю возвышенного вранья, возвышенно-нереального отношения к действительности (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 31).

Это принимаю на себя безо всяких оговорок, это прямо обо мне.

◈ ◈ ◈

Меня часто упрекали в том, что я не люблю достижения, реализации, не люблю успеха и победы, и называли это ложным романтизмом. Это требует объяснения. У меня действительно есть несимпатия к победителям и успевающим. Мне это представляется приспособлением к миру, лежащему во зле (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С.33).

Большинству людей свойственно желание присоединяться к победителям. Это конформистское большинство свято верит в истинность сомнительного лозунга: «Победителей не судят». Моя натура иная, я скорее и проще схожусь с теми, кто не при власти, кто в опале. Может быть это потому, что мне не раз приходилось наблюдать, как в худшую сторону менялись люди на другой день после своей победы, на другой день после возвышения.

◈ ◈ ◈

Вспоминая себя мальчиком и юношей, я убеждаюсь, какое огромное значение для меня имели Достоевский и Л. Толстой. Я всегда себя чувствовал очень связанным с героями романов Достоевского и Л. Толстого, с Иваном Карамазовым, Версиловым, Ставрогиным, князем Андреем и дальше с тем типом, который Достоевский называл «скитальцем земли русской», с Чацким, Евгением Онегиным, Печориным и др. В этом, быть может, была моя самая глубокая связь с Россией, с русской судьбой (Н.А. Бердяев. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 33).

В детские годы я очень много читал. Мы жили на улице Красноармейской в большом доме, построенном когда-то купцом Челышовым. В квартале от нашего дома находился дом-музей В. Ленина, на первом этаже которого размещалась библиотека. На руки детям выдавали по одной книге. Библиотекари заметили, что я возвращал книгу в тот же день, что и брал, начали расспрашивать меня о ее содержании, убедившись, что я успел ее прочитать, стали давать мне по три книги. Это было, когда я учился в начальной школе. Любимыми моими авторами были Майн Рид, Конан Дойль, Роберт Стивенсон, Жюль Верн, Даниэль Дефо, Фенимор Купер, Александр Дюма, Марк Твен, из русских – Александр Беляев, Александр Грин, Иван Ефремов. Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна несколько раз перечитывал. Годам к двенадцати-тринадцати я приобщился к более взрослой литературе: прочел десятки томов Чарльза Диккенса, Джека Лондона, Теодора Драйзера, Виктора Гюго. «Овода» Этель Лилиан Войнич читал не единожды и всякий раз плакал над детским стишком: «Счастливой мошкою летаю, живу я или умираю». И в другом переводе: «Живу ли я, умру ли я, я мошка все ж счастливая». Знакомство с классикой русской литературы, состоялось несколько позже.

Не скажу, что я как-то связывал себя с теми или иными литературными героями, ассоциировал себя с ними, но влияние, которое они оказали на мое духовное формирование, невозможно переоценить.

Сегодня в массе своей молодежь художественных книг не читает, она в лучшем случае увлечена профессиональным ростом и выискивает в

интернете профессиональную информацию. Еще более увлечена она вещами материальными. Книга перестала для большинства быть ценностью. Сегодня уже никто не считает ее «лучшим подарком» (помните, вероятно, лозунг былых лет).

Я однажды был приглашен в роскошный особняк одного «нового русского». Хозяин показал все комнаты своего огромного дома. Ни в одной из них не лежало и не стояло ни одной книги. Это я рассматриваю как печальный символ нашего душеубогого времени.

◈ ◈ ◈

Еще мальчиком я чувствовал себя призванным к философии. Под философским призванием я понимал совсем не то, что я специализируюсь на какой-то дисциплине знания, напишу диссертацию, стану профессором. У меня вообще никогда не было перспективы какой-либо жизненной карьеры и было отталкивание от всего академического… Когда я сознавал себя призванным философом, то я этим сознавал себя человеком, который посвятит себя исканию истины и раскрытию смысла жизни (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 39).

Практически я узнал о философии только на втором курсе филологического факультета, когда начался этот предмет. Мне он показался противоречивым, ненаучным и даже алогичным. Возникло какое-то возмущение и неприятие того, что вещал наш дипломированный философ, доцент Иван Андреевич Посохов. Из чувства противоречия я стал читать философскую литературу и понял, что виновата не философия, а преподаватель, что алогична не философская мысль, а то, как ее преподносили. Очень скоро сформировался интерес к философии, которую я считаю не наукой, а формой гипотетического знания, без которого невозможна никакая наука, которое является истоком любой науки. Я твердо решил, что буду заниматься философией, и не на дилетантском, а на профессиональном уровне.

Думаю, что призвание к занятиям философией было заметно во мне с детства. Во-первых, я был заядлым спорщиком, замечал любое противоречие в высказываниях того, с кем приходилось спорить, и не помню случая, когда терпел в спорах поражение. Во-вторых, во мне была сильно развита логическая сторона мышления (собственно, без этой стороны и мышления-то не бывает, мышление без логики – не мышление, а всего лишь процесс говорения). В-третьих, мышление мое всегда отличалось критичностью, я все подвергал сомнению, а именно сомнение есть суть философии, этим она отличается от религиозной веры и неоспоримого знания. В-четвертых, я как истинный философ всегда был склонен к широким обобщениям, мне достаточно было немногих

единичных фактов, чтобы вывести из них некую закономерность, некое обобщающее правило. Я не останавливался на частном и конкретном, а восходил к общему и абстрактному. И, наконец, я рано набрал достаточно большой запас прежде всего гуманитарных знаний для философской рефлексии. Знания для продуктивного философского мышления – тоже, что поленья для костра, без них опять-таки возможна не философия, а пустая, праздная и даже вредная болтовня.

Потом философию преподавали у нас совсем другие люди (доценты Арончик и Клочков). Это были умные, знающие преподаватели. Но я до сих пор благодарен именно Посохову, который вызвал во мне возмущение, протест и тем подтолкнул к самостоятельным занятиям философией.

Касательно академической карьеры. Мне нравилось преподавать философию. Не имея базового философского образования, я должен был утвердить себя в этой сфере. Поэтому не из соображений карьеры, а из интереса и необходимости к тридцати годам я подготовил кандидатскую, а к сорока – докторскую диссертацию по философии. Некоторое время в Запорожском университете, в котором я тогда работал, я был самым молодым доктором наук. А вот к тому, что в науке является формальным и условным, к разного рода званиям (доцент, профессор, член-корреспондент, академик), я относился совершенно безразлично.

◈ ◈ ◈

У меня всю жизнь было отвращение к церемониям, к торжественным собраниям, юбилеям, свадьбам, к условным риторическим речам, к мундирам, орденам. В этом отвращении было для меня что-то более глубокое, связанное с моим бунтом против объективации человеческого существования. Мне всегда хотелось, чтобы оголенная правда была, наконец, обнаружена (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 56).

К этому перечню отвратительного я бы добавил еще поминки. С них началось у меня отвращение к церемониям. Когда умер мой дед (мне было 9 лет), собралось множество людей, большинство из которых я видел в первый раз. Они пили и жрали. И я чувствовал, что только для этого они сюда и пришли. Никому из них не было дела ни до моего деда, ни до меня и моих переживаний. Я забился в какой-то угол и плакал.

Стандартные, неискренние речи друзей и коллег на юбилеях и днях рождения меня всегда утомляли, поэтому я стремился по возможности не устраивать своих дней рождения.

◈ ◈ ◈

У меня всегда было поклонение великим людям, хотя я выбирал их не среди завоевателей и государственных деятелей. Я почитал гениев и тогда, когда идейно стал враждебен им. Таков, например, Маркс. Я покупал и читал с увлечением выходившую в то время серию Павленкова «Жизнь замечательных людей», очень неровную и разнокачественную. Великое утешение мне доставляло проникновение в жизнь замечательных, необыкновенных людей, переживание трагизма их судьбы. Я себе говорил, что того, кто сознал свое предназначение, «вопрос куда идти не устрашит, не остановит». В это время я много страдал. Я и сейчас с энтузиазмом читаю жизнь замечательных людей. Печальность их судеб меня трогает и увеличивает веру в возможность человеческого величия. Но я никогда не любил так называемых великих исторических деятелей, деятелей государственной власти, завоевателей. Я никогда не видел в них подлинного величия и отрицал возможность гениальности, связанной с такой низменной сферой, как государство. Только социальные реформаторы могли меня пленить. Я никогда не верил, что власти присущ божественный элемент (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 77–78).

Все это очень близко, очень созвучно моему миронастроению. Я ценил талант и ум в окружающих людях. Людей, обладающих ими, я не только уважал, но и любил. Я сожалел о том, что ум и талант редки. Я восхищался гениями, но все-таки никогда не поклонялся им, не боготворил их, не становился их апологетом. Еще в юности я отметил в одной из работ Маркса, приведенный им девиз газеты Элизо Лустало: «Великие кажутся нам великими только потому, что сами мы стоим на коленях. Поднимемся!» Я стремился жить согласно этому девизу, не раболепствовал, не кланялся, не становился на колени ни перед кем, особенно перед сильными мира сего. Я хорошо понимал, что «величие» власти – химера, что политические лидеры обычно не обладают ни талантом, ни глубоким умом, ни тем более нравственным достоинством. В противном случае они не рвались бы во власть и не могли бы быть любимы толпой. Быдло может признать и терпеть над собой только такое же быдло, а ползать на брюхе может только перед еще большим быдлом. Исключения бывают, но они редки.

Я замечал, что у дураков и у быдла, когда-то говорили чернь, свои амбиции, даже большие, чем у людей образованных, интеллигентных и талантливых. Когда-то мой заведующий кафедрой, доцент Игорь Валентинович Бардин, очень неглупый человек, человек исключительной мягкости и доброты, рассказал такую историю. По линии обкома партии

послали его с лекциями в какую-то деревеньку. На станцию за ним приехал мужичок на телеге. Бардин никогда не гнушался простыми людьми, любил поговорить с ними. Но мужичок, узнав, что везет ученого, уважаемого человека, поддерживать разговор не захотел, отвечал односложно и всячески демонстрировал плебейское высокомерие. В связи с чем не помню, но Бардин поинтересовался, не растут ли здесь лопухи. «Случаются», – ответствовал мужичок. – «А я что-то не вижу», – усомнился Бардин. – «А вот один на телеге сидит!» – заявил тот, глядя на Бардина.

Но вернемся к Н. Бердяеву. Он говорит, что увлекался серией «Жизнь замечательных людей». Я тоже. Только это была уже не та серия, а воссозданная Горьким. Из той старой я читал только биографические очерки о Сенеке и Мартине Лютере. Из новой прочел почти все, но далеко не все восхитило и тем более потрясло. Из того, что потрясло, прежде всего я назвал бы книгу А. Штекли о Томмазо Кампанелле. Эту книгу я поставил бы на одно из первых мест в ряду тех, что оказали самое сильное воздействие на формирование моей жизненной позиции, моего жизненного кредо.

Потом, позднее я собрал и прочел всю серию «Мыслители прошлого», но интерес к ней подогревался более профессиональными, чем чисто духовными потребностями.

◈ ◈ ◈

В 1942 году, осенью мне делали серьезную операцию. Я пролежал шесть недель в клинике. Я не думал о том, что исход может быть смертельный и не испытывал страха, как об этом свидетельствует самоотверженно ухаживающая за мной сестра милосердия… Я очень плохо переношу состояние полной пассивности. Нет ничего страшнее этой власти неотвратимой необходимости. Она тяготеет над нашей жизнью и лишь в иные минуты остро осознается. И все же мы свободные существа. Трагична именно власть необходимости над свободными существами (Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М., 1989. – С. 298).

Увы, но власть необходимости над свободным существом уже делает его несвободным. Бердяев – идеалист, он верит в независимость духа от тела. Я – диалектик и реалист (не одно и то же, что диалектический материалист), мне при всем желании не удается убедить себя в свободе духа, особенно когда мой дух жалобно скулит, сжатый черепной коробкой. (У меня затруднен отток крови от мозга, и если повышается артериальное давление, что случается часто, бывают сильные головные боли).

Я тоже не испытываю страха перед смертью. В этом меня убеждают многие случаи, когда я оказывался на ее пороге. Надеюсь, что и тогда, когда она придет всерьез, у меня хватит мужества достойно встретить ее.

Как знать, возможно, уже сейчас она дышит мне в затылок. Я пишу эти строки 12 января 2006 г. во время довольно тяжелой болезни. Пару дней назад была высокая температура. Температура со мной случается раз в пять лет, не чаще. Трижды буквально колотил озноб, чего я за собой вообще не припомню, ну и, конечно, целый букет болевых ощущений. Медики ударились в панику, сделав анализы. Тяжко, тяжко духу в этих оковах бренного тела, трудно заставить его подняться, сесть за стол и слабыми, тяжелыми руками набирать текст. Да и сама мысль не скачет весело и резво, а плетется, как полудохлая кляча.

Итак, я не боюсь смерти, но ее приход именно сейчас был бы очень некстати. В нашей семье я – единственный кормилец, значит, со стороны смерти было бы порядочно по крайней мере подождать, когда сын закончит вуз и определится на работу. Было бы с ее стороны более чем любезно дать мне возможность издать две написанные книги, дописать эту книгу и еще три, которые сейчас в работе, в общем, дать мне еще лет десять. А там милости просим, я не хочу старческой немощи и тем более маразма.

◈ ◈ ◈

Как и в молодости, я мечтаю о необыкновенном подъеме жизни. Моя жизнь по обыкновенному счету времени приходит к концу. Но у меня нет никакого чувства постарения духа, нет даже чувства постарения души, моя восприимчивость, моя чувствительность почти так же сильны, как и в молодости. Я по самочувствию своему (не физическому) неправдоподобно молод. (Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М., 1989. – С. 303).

Мое определение молодости таково: человек молод до тех пор, пока он способен мечтать, пока строит планы на будущее. Что касается меня, то в годы, которые принято называть зрелыми, я порой ощущаю себя почти мальчишкой. Несколько лет назад мне делали операцию по поводу заворота кишок. Один из докторов сказал, что чаще такое случается с детьми. «То-то я чувствую себя лет на тринадцать», – откликнулся я.

Кстати, эта операция – один из тех случаев, которые убеждали меня, что я не очень боюсь смерти. Я лежал на операционном столе и дрожал, но не от страха, а от холода. В операционной было, мягко говоря, прохладно. Врач, пришедшая вводить мне наркоз, вздумала успокаивать меня, вы, дескать, не бойтесь. «Да, я и не боюсь. А хоть бы и так, это не важно. Важно, чтобы вы не боялись».

После операции еще под действием наркоза я не ощущал ни одного своего органа, как будто тело мое не существовало, а душа парила над землей, ничего не касаясь. Если такое состояние испытывают наркоманы, тогда нетрудно понять их тягу к наркотикам. Потом, разумеется, это состояние сменилось своей противоположностью. Когда мои приятели приходили навещать меня с соответствующими случаю трагическими физиономиями, я, как мог, их веселил: рассказывал о том, как по всей операционной разложили мои кишки и какой шок они испытали при встрече с нашей социальной действительностью. Но приятели, глядя на мою мертвецкую бледность, веселились не очень.

Пользуясь случаем, хочу упомянуть и о докторе, который делал мне операцию. Это профессор Иван Федорович Сырбу, замечательный хирург и прекрасный человек. Думаю, сказанное Бердяевым можно отнести к нему с одним только дополнением: он «неправдоподобно молод» не только в интеллектуальном, но и в физическом отношении. Сейчас ему за семьдесят, но он активно работающий врач, строящий творческие планы на будущее. Он встает в четыре утра и прежде всего делает собственную систему физических упражнений, результаты которой мне как-то демонстрировал. Его пластичности и гибкости могло бы позавидовать абсолютное большинство современных молодых людей, если, конечно, молодость определять количеством прожитых лет.

Вот о таких людях следовало бы писать книги, снимать кинофильмы, к ним должно быть приковано внимание СМИ, а не к поп-звездам эстрады и политики.

◈ ◈ ◈

Священно не общество, не государство, не нация, а человек (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 100).

При условии, что он – Человек.

◈ ◈ ◈

...В нынешний час истории националистические союзы почти повсюду превратились в предателей своей родины, в правый интернационал. Я принадлежу к сравнительно редким людям, для которых всякий иностранец такой же человек, как и мой соотечественник, все люди равны, и в своем отношении к ним я не делаю никакого различия по национальностям. Я могу иметь свои симпатии и несимпатии к национальным типам, но это не определяет моего отношения к отдельным людям. Отталкивает меня лишь национальное самомнение и национальная исключительность, и более всего

отталкивает в русских. Остро отрицательную реакцию во мне вызывает антисемитизм. Русский национализм был для меня максимально неприемлем. Но сам я горячо люблю Россию, хотя и странною любовью, и верю в великую универсалистическую миссию русского народа. Я не националист, но русский патриот (Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 240).

Разницу между националистом и патриотом я определяю так: патриот готов за Родину умереть, а националист готов за нее убить. И это глубоко верно, что националисты, по сути, предатели своей родины. Не только потому, что в бредовом угаре способны ей навредить, что они всегда и делают, но и потому, что в стремлении захватить власть, как правило, ищут себе зарубежных покровителей, входят в контакты с иностранными спецслужбами и за их поддержку готовы торговать интересами своей страны. Украинские националисты в этом отношении – не исключение.

◈ ◈ ◈

Смысл нашей жизни должен быть в нас, мы сами своею жизнью должны являть его. Поэтому искание его есть не праздное упражнение любознательности, не пассивная оглядка вокруг себя, а есть волевое, напряженное самоуглубление, подлинное, полное труда и лишений погружение в глубины бытия, невозможное без самовоспитания (Франк С. Смысл жизни / С. Франк // Франк С.Л. С нами бог / С.Л. Франк. – М., 2003. – С. 100).

Если под *самоуглублением* и *погружением в глубины бытия* понимать самокопание, то больший жизненный смысл я вижу либо в активном жизнеутверждении, либо в сознательном неприятии жизни и отказе от нее. Впрочем, С. Франк, насколько я его понимаю, отнюдь не призывает к самокопанию. Он ведет речь о самосозерцании, о необходимости понять себя, прежде чем браться за понимание и преобразование мира.

◈ ◈ ◈

В каком-то уголке мирового пространства кружится и летит комочек мировой грязи, называемый земным миром; на его поверхности копошатся... миллиарды и биллионы живых козявок, порожденных из него же, в том числе двуногие, именующие себя людьми; бессмысленно кружась в мировом пространстве, бессмысленно зарождаясь и умирая через мгновение по законам космической природы, они в то же время, движимые теми же слепыми силами, дерутся между собой, к чему-то неустанно стремятся, о чем-то хлопочут, устанавливают между собой

какие-то порядки жизни. И эти-то ничтожные создания природы мечтают о смысле своей будущей жизни, хотят достигнуть счастья, разума, правды. Какая чудовищная слепота, какой жалкий самообман (Франк С.Л. Смысл жизни / С.Л. Франк. – Париж, 1925. – С. 74).

Примером нигилизма является описание русским религиозным философом С. Франком тех представлений о смысле жизни, к которым так или иначе вынужден приходить человек, отрицающий бога и веру. Есть в этом отрывке, на мой взгляд, известное противоречие: с одной стороны, человек характеризуется как двуногая козявка, с другой – говорится, что он мечтает о смысле, стремится достичь счастья, разума и правды. Но раз он мечтает о возвышенном, жаждет его, можно ли в таком случае считать его ничтожным?

И еще: видится мне в этих горьких рассуждениях не одно только неверие в смысл человеческого существования, но и боль за людей, гуманистический призыв не жить во зле, не барахтаться в грязи, не рвать друг у друга кусок хлеба. Может быть, тогда существование человеческого рода наполнится действительным и глубоким смыслом.

◈ ◈ ◈

Человек из всех живых существ обладает печальной привилегией, что инстинкт самосохранения может превратиться в нем в исступленно-гордый эгоизм, потребность питания – в безмерное обжорство и смакование, половой инстинкт – в дикую пожирающую страсть или ненасытный утонченный разврат, простая животная нечувствительность к чужим страданиям – в садистическое упоение жестокостью. (С. Франк. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия / С. Франк // Франк С.Л. С нами бог/ С.Л. Франк. – М., 2003. – С. 367–368).

Чрезмерность и необузданность желаний – отличительная черта человека. Животное довольствуется необходимым, человек не довольствуется ничем. В этом его сила, но в этом и его слабость. Вероятно, именно сознание этой слабости привело Ф. Достоевского к его знаменитому восклицанию: «Широк *человек*, слишком даже широк, я бы сузил».

◈ ◈ ◈

Все прекрасное на земле от солнца, и все хорошее – от человека (М.М. Пришвин. Цит. по: Тумаркин И.Б. Золотые россыпи: Мысли и афоризмы / И.Б. Тумаркин. – Одесса, 1961. – С. 42).

Все прекрасное на земле от солнца, а все безобразное – от человека.

◈ ◈ ◈

Быть без чувства живой связи с дедами и прадедами – это значит не иметь себе точек опоры в истории. А мне хотелось бы быть в состоянии точно определить себе, что именно делал я и где именно находился я в каждый из исторических моментов нашей родины и всего мира, – я, конечно, в лице своих предков. Этого-то вот знания я лишен был, хотя всегда чувствовал, сам не знаю почему, что род наш очень древний и что возможность такого исторического самоопределения для нас, Флоренских, не исключена по существу. (Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней / П.А. Флоренский. – М., 2004. – С. 6).

Трудно сказать, как это у других народов, но мы, русские, равно как и украинцы, если, конечно, вышли не из бар и панов, являемся Иванами, не помнящими родства. Сомневаюсь даже, что у других народов существуют подобные поговорки. Потому, не имея, а вернее не зная и не чтя своих корней, мы легко меняем направления своего роста, развития, мечемся из стороны в сторону, из крайности в крайность. Потому история Руси – это не стройная сосна и тем более кипарис, а корявый дуб.

П. Флоренский описывает свою семью как некий «уединенный остров», начиная со своего отца: «Отец мой, Александр Иванович Флоренский, был сын Ивана Андреевича Флоренского (и, как я впоследствии узнал – внуком Андрея Матвеевича) и жены его Анфисы Уаровны, Соловьевой, по отцу своему, Уару Ефимовичу Соловьеву. Впрочем, отчество своей бабушки и тем более своего прадеда я узнал значительно позже. Добавлю, кстати, что из моих разведок выяснились и имена моих прабабушек: Васса Тимофеевна, мать Ивана Андреевича, и Катерина Афанасьевна, рожденная Иванова, мать Анфисы Уаровны».

Замечу, что описание Флоренского нельзя считать типичным, абсолютное большинство моих соотечественников знают лишь тех представителей своей семьи, которых застали в живых и с кем были лично знакомы. В русских семьях редко хранятся какие-то семейные реликвии: вещи, документы, письма предков. (Интересно, как долго просуществует у моих наследников коробка с письмами ко мне, написанными друзьями и подругами в те времена, когда эпистолярный жанр еще был в моде?)

Моя семья немногим отличается от других. Самый древний документ, которым я располагаю, это свидетельство 1899 г., выданное моему деду по матери, Фирсову Василию Павловичу, об окончании им сельского двухклассного училища Министерства народного просвещения. Другой документ – тоже свидетельство, но уже об окончании гимназии с оценками «весьма успешно»» по русскому языку и словесности и латинскому языку; «успешно» – по всем остальным дисциплинам:

алгебре, тригонометрии, геометрии, истории, французскому и немецкому языкам, физике с космографией и логике.

Сохранилась также автобиография Василия Павловича, датированная 7 августа 1924 г. Автобиография изложена на нескольких листах, она очень интересна, но было бы неуважением ко времени читателя излагать ее здесь. (Вообще, все дальнейшее содержание этого диалога читателю рекомендую пропустить, оно может представлять интерес только для близких мне людей).

От него же, деда Василия, достался мне старинный кованый сундук, которому никак не менее ста лет. Это единственная вещь, которую мама привезла из Саратова. Дед был врачом, известным гигиенистом, работал на медицинском факультете. Факультет, если мои сведения верны, входил в былые времена в состав Саратовского университета. Сам же дед окончил в 1924 г. медицинский факультет Самарского государственного университета. Но круг его интересов не ограничивался медициной. Куда-то пропала интереснейшая бумага начала тридцатых годов, которую я читал еще в юности. Это ответ Академии наук СССР на «записку» Фирсова с предложением… повернуть вспять сибирские реки. Сообщалось, что «записка» эта была рассмотрена на Президиуме Академии. А далее она ругательски ругалась. Непонятно, в частности говорилось в ней, как такой поворот может привести к смягчению климата на севере страны. Дед мой обвинялся в дилетантизме, говорилось, что подобные «записки» только отвлекают товарищей академиков от серьезной работы. Должно быть, проект моего деда действительно грешил дилетантизмом, и по сути своей идея была сомнительна. Но одно странно, почему в семидесятые-восьмидесятые годы так носились с этой идеей ученые мужи и намеривались воплотить ее в жизнь, вот только имени Фирсова (вероятно, первого, кому она пришла в голову) мне тогда слышать не приходилось.

Было еще одно письмо, от самого деда, написанное по поводу моего рождения. Об этом письме я знаю со слов матери. В нем он успокаивал дочь по поводу моей недоношенности, перечислял имена многих известных людей, которые родились раньше положенного срока, что не помешало им стать великими и прожить долгую жизнь.

Он умер, когда мне было около года, какое-то время мать не могла поехать в Саратов. Когда же приехала, то обнаружила, что из его дома вынесено, украдено практически все, кроме упомянутого сундука. Его замки воры сломать до конца не смогли, унести сундук – тоже: он был неподъемным. Не раскрывая, мама переправила сундук в Куйбышев. Там обнаружилось, что в нем нет ничего, кроме книг по медицине. Лучшего применения им, как давать мне для «прочтения», она не нашла.

Представляю себе картину: сидит тщедушное дитя в манеже и остервенело рвет ученые труды.

Итак, деда Фирсова, родного отца моей матери, я никогда не видел. Зато жил вместе с ее отчимом, Львом Ивановичем Стоякиным, которого и считал своим дедушкой. Он, между прочим, был дядей моего отца: мать отца, Анастасия Ивановна, являлась родной сестрой Льва Ивановича.

Дед Лев был под два метра ростом и обладал огромной природной силой. Мне самому приходилось видеть, как стаскивал он с отмели нашу деревянную лодку, этакий небольшой баркас шести метров в длину с шестисильным стационарным мотором. Налегал плечом на нос, волок по песку, а потом заносил лодку с кормы и наконец сталкивал в воду.

Он был одним из лучших бильярдистов Самары. Они собирались в парке Горького. Ставка равнялась ста рублям (дело было до денежной реформы шестьдесят первого года). После нескольких к ряду выигранных партий из буфета появлялся официант с рюмашкой водки на подносе и со словами: «Лев Иванович, Вам презентуют». Презентовали неоднократно, после чего Лев Иванович спускал все выигранные деньги и налегке возвращался домой. Шел всегда твердой походкой, но по запаху и некоторым дефектам речи бабушка определяла его состояние. Набрасывалась на него, но он хитро умел ее отвлечь, например, таким вопросом: «Ксенёк, а ты знаешь кого я сегодня встретил?». – «Кого?», – вопрошала бабушка. – «Да, Гришку Косого!». И ссора перерастала в подробный полуфантастический рассказ о жизни и необыкновенных приключениях Гришки Косого.

Однажды дед, благодаря своей силе и быстроте реакции, не позволил мне утонуть. В начале мая, когда вода в Волге была еще ледяная, а день выдался теплым, мы отправились с ним на причал, где зимовала наша лодка. Пока дед возился с мотором, я за его спиной придумал себе развлечение: каким-то железным крюком отталкивал, а потом притягивал поближе соседнюю лодку. И вот лодка отошла довольно-таки далеко, а я перегнулся над водой, стараясь ее зацепить. И только я подумал: «Так можно и упасть», как шлепнулся в воду. Помнится, я не только не успел ничего сообразить, но не успел даже промокнуть, как оказался снова в лодке: это дед развернулся, схватил меня за шиворот и одной рукой вырвал из воды. Вылетел я из волжской воды как пробка из шампанского.

Потом я обсох на солнце, просохла и моя одежда. Дед, боясь, что его будут ругать, наказал мне об этом случае дома не рассказывать, но я совершенно не мог сохранить такую тайну. Но рассказал несколько дней спустя, к тому же на удивление я не простудился, так что ругать нас с дедом причины не было.

Когда дед был уже болен, как потом оказалось тяжело, бабушка частенько отправляла его в поликлинику, а меня посылала проследить,

чтобы он не свернул «налево», в бильярдную то есть. Когда дед проходил поворот в поликлинику, я являлся перед ним живым укором и вопрошал, куда, собственно, он направляется? Но дед подкупал меня порцией мороженого, а то и двух, и вместо поликлиники мы с ним шествовали в бильярдную, где он уже не играл, а следил за игрой других.

Однажды бабушка обрезала деду ногти на ногах и занесла инфекцию, началась гангрена. Дед попал в больницу, где ему ампутировали ногу. В ту же ночь к нам пришла машина из больницы; сказали, что надо подежурить в палате. Поехала мама, а уже в больнице узнала, что дед умер. Мне тогда было всего десять лет. Чтобы не было неясностей, объясню, что машину за мамой послали не потому, что так было принято, а потому что испугались главного хирурга города, друга деда, который и определил его в эту больницу, но сам делать операцию не решился.

Патологоанатом, проводивший вскрытие, обнаружил у деда раковую опухоль мозга с обширными метастазами, хотя непосредственной причиной смерти явился тромб в сердце. Врач, восхищенный фигурой покойника, спросил у мамы, не был ли он тяжелоатлетом. «Нет», – отвечала она. – «Тогда, – предположил врач, – был занят каким-то тяжелым физическим трудом?». – «Да что Вы, лопаты в руках не держал!».

Действительно, он был экономист, попросту бухгалтер, но, говорили, неплохим, наверное, даже лучшим, чем некоторые нынешние президенты.

Познакомилась моя бабушка Ксения с ним где-то на фронтах Гражданской войны, куда попала «добровольно». Добровольность состояла в следующем. Вскоре после революции она устроилась писарем в городскую тюрьму. Бабушка тогда была вовсе не бабушкой, а совсем молодой, если не сказать юной особой, но уже замужней и с ребенком трех лет. Так как она имела очаровательную внешность, к ней с заигрываниями стал приставать председатель Ревтрибунала, в недавнем прошлом уголовник. Однажды вручил ей какой-то подарочек, а она, глядя на его роскошные сапоги, снятые с расстрелянного офицера, с ехидцей спросила: «Это Вы тоже у убиенного позаимствовали?». Тот позеленел от злости и пронзил ее ненавидящим взглядом.

О случае этом она рассказала своему брату Василию, он был вожаком если не первой, то одной из первых комсомольских ячеек Самары. Василий в ужасе всплеснул руками, заявил, что председатель страшный человек, не человек даже, а зверь, которого от каторги или даже виселицы спасла пролетарская революция, сказал, что ей грозит смертельная опасность, и предложил единственный, по его разумению,

выход: отправиться на фронт. По направлению брата-комсорга бабушка и попала в Красную армию в качестве медсестры.

До Великой отечественной войны и после (Лев Иванович на фронте был переводчиком) дед с бабкой по найму работали на Дальнем Востоке, были на Камчатке, Калыме, в Якутии. В конце 20-х – начале 30-х гг. с ними жила и моя мама. Мама рассказывала мне, как они жили у подножия Ключевской сопки, об извержении вулкана. «Суровый, но волшебно красивый край. Была бы я молодая, – говорила мама, – были б у меня здоровые ноги, кажется, пешком бы туда пошла, не пошла – побежала бы!»

В Куйбышев они вернулись, когда дед вышел на пенсию. Мне было два года.

Еще в моем домашнем архиве сохранились многие, но, к сожалению, неподписанные дореволюционные фотографии, коричневатого цвета на прекрасном плотном картоне. Есть в этих старых фотографиях какая-то особенная изысканность, очарование и прелесть, которых нет в современных цветных фотках. На них изображены красивые дамы в роскошных нарядах и широкополых шляпах с кружевами – это бабушкина мама и ее сестра. Отец бабушки в овчинном тулупе на ступенях одного из магазинов. Он стоит важно, по-хозяйски рядом с сыном и красавицей супругой, сын в таком же, как у отца, только маленьком тулупчике, а из-за их спин выглядывают франтоватые приказчики. На другом снимке полная пожилая женщина в платке ажурной тонкой вязи сидит на скамье, а рядом с ней ребенок немногим больше года, – знаю, что это моя бабушка и прапрабабушка, а как последнюю звали – не имею представления. Три курносенькие сестренки мал мала меньше в одинаковых белых платьицах с жабо и многими оборками. Одна из них моя бабушка Ксения. А вот изображен гробик и в нем детское личико с чуть заостренным носиком и слегка открытым ртом, скорее просто сладко спит, чем… Это еще одна сестренка моей бабушки. У бабушки было пять сестер и один брат. Из них я знал только двух сестер (Нину и Галину) и брата Василия.

Последний умер, когда мне было шесть лет. Прекрасно помню пышные похороны с морем венков и взводом солдат, салютующих в честь скончавшегося чекиста. Василий Дмитриевич имел высокий чин в системе НКВД, однако его влияние немного помогло моему отцу – узнику ГУЛАГа.

Отец бабушки, Дмитрий Иванович Сиднев, был одно время в Самаре преуспевающим купцом, но к счастью перед самой революцией полностью разорился, потому не был уничтожен как чуждый классовый элемент. Бабушкино детство прошло в достатке, у детей были не только малообразованные няньки, но и гувернантка. Знакомства семья водила соответствующие ее тогдашнему статусу. Гимназической подругой

бабушки была дочь известного купца Челышева. После того, как Дмитрий Иванович разорился, семейство снимало квартиру в одном из «челышевских» домов Самары. В театре «Олимп», который в советские времена стал филармонией, Челышев имел собственную ложу. Бабушка вспоминала, как они с его дочерью бывали в этой ложе, однажды даже посчастливилось слушать самого Шаляпина.

После революции Челышев жил в том же доме, что и наша семья, новая власть сочла, что ему хватит одной комнатки в трехэтажном доме со многими подъездами. Бабушка рассказывала мне, как однажды наблюдала такую картину: выживший из ума старик Челышев в нищенских лохмотьях бегал по двору, пытаясь поймать курицу.

Теперь о моих предках со стороны отца. Прадед, Петр Петрович Перк, был немцем-колонистом, в Самаре на базе общины молокан он организовал баптистскую общину. Его сын, Иван Петрович, учился в Германии, потом окончил Казанский университет с дипломом первой степени и аспирантуру, но защитить диссертацию не успел, помешала сначала мобилизация, а потом революция. Вместе с женой Анастасией Ивановной (в девичестве Стоякиной) и детьми он переехал из Казани в поселок Давлеканово в Башкирии. Там был директором немецкой школы. Семейство было немалым: сыновья Павел, Вальтер, Николай, Юрий и дочери Ольга, Вера и Корнелия.

Когда старший сын поступил в университет, семья вернулась в Казань, но 8 февраля 1930 г. Иван Петрович умер. Бабушка осталась с семью детьми без опоры и средств к существованию. Кстати, последние сведения я почерпнул из ее письма. Оно начинается так: «Здравствуй, дорогой Лева. Сегодня у тебя день рождения. Поздравляю тебя и желаю всего самого хорошего. Твоя жизнь впереди, сейчас кажется, что ей и конца не будет. Мне совсем недавно было 14 лет, как мне хотелось, чтобы скорее было 17. Ведь хорошо помню, смотрю на себя в зеркало и думаю: когда же мне будет 17 лет! А вот уже 88». Письмо написано твердой рукой и практически без помарок.

Старший брат отца, Павел, окончил аспирантуру Казанского университета, преподавал в Самаркандском университете, успел издать печатный труд в области экономической географии. С семнадцати лет участвовал в шахматных турнирах. Арест застал его во время показательного турнира, на котором он играл на семнадцати досках одновременно.

На партийном собрании голосовали за исключение из партии его бывшего научного руководителя, он единственный не только выступил в защиту, но и голосовал против. Следующее собрание было посвящено исключению из партии его самого. Из тюрьмы дядя Павел уже не вернулся, зато протоптал туда дорогу моему отцу.

◈ ◈ ◈

А обстояло дело так: тетя Лиза привезла из своего имения много отличного винограду. Мне дали полизать его, но больше дать побоялись. А чтобы я не просил, папа нарисовал – мне помнится, синим и красным карандашом – на большом листе обезьяну и, поставив за виноградом, сказал, что обезьяна не позволяет мне брать виноград. В детстве я был очень покорен и безусловно верил всякому слову старших. В запретах же таинственного характера способен был усомниться тем менее, да и сейчас едва ли способен. И вот, конечно зная, что обезьяна эта нарисованная, я умоляюще протягивал к ней руку и просил: «Базана, дай мне лангату», – т. е.: «Обезьяна, дай мне винограду». Эта просьба почему-то ***всем*** *в доме очень запомнилась, и, может быть, потому, что ее мне многократно повторяли впоследствии, я твердо помню ее до сих пор.*

Но груда зрелого винограда, золотисто-зеленая, полупрозрачная, словно флюоресцирующая в луче солнца, – мне помнится, и она стоит, как сейчас, предо мною как живой образ неиссякаемого, сладостного изобилия природы. (Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней / П.А. Флоренский. – М., 2004. – С.18–19).

По рассказу моей мамы, она однажды купила мне сахарного зайца. Я вознамерился его незамедлительно съесть. Но маме почему-то хотелось, чтобы он какое-то время оставался целым и невредимым. Поэтому она остановила меня словами, что зайца есть нельзя, потому что ему будет *больно*.

Потом, когда заяц успел покрасоваться в буфете, она решила его мне скормить. Но я ударился в слезы: «Ему же **больно**!»

Не помню, чем дело кончилось, сумела она меня переубедить или нет, помер зайчик естественной смертью или все-таки был съеден? Мама с тех пор зареклась меня обманывать. Но я, сколько себя помню, вовсе не был безусловно доверчив к словам взрослых. Особенно, если эти слова носили характер таинственный и мистический. Неверие в сверхъестественное было развито во мне, можно сказать, изначально.

Очень хорошо помню, было мне лет пять, как в нашей палатке (летом мы жили за Волгой) ночевала какая-то бабка-странница. Уж как она к нам приблудилась – не знаю. Всю ночь моей бабушке Ксении она рассказывала о своих хождениях по «святым местам». Будто бы в одном озере вода такая чистая, что видно глубоко до самого дна. Приходят туда паломники, и им является чудо: на камушках, что на дне, выступают лики святых, но видеть их всем не дано, а только тем, кто верит.

Я зримо представлял себе и озеро, и камни, и даже лики на них, но не верил россказням странницы: раз видят только немногие, то почему я должен верить именно им?

Однако, возвращаясь к зайцу, которому больно, задаюсь вопросом, а так ли уж не права была мама и я вслед за ней? Возможно, грань между живым и неживым не столь резка, как нам кажется, возможно, Дидро и Робине, заявляя «И камень чувствует» в каком-то смысле были правы.

◈ ◈ ◈

Я не помню случая, чтобы потерянное, какой-нибудь маленький винтик, крючочек и т.д., избежало моих глаз. У меня была внутренняя уверенность, что, раз что-нибудь есть, я не могу не увидеть его. Наши прогулки были для меня непрерывным наблюдением и постоянными находками. Самые мелкие растения, камешки, жучки не могли остаться вне моего зрения. Постоянно я вылавливал в лесу, на улицах перочинные ножики, монеты, разные вещицы. Конечно, тут помимо оптической, так сказать, зоркости имело много силы постоянное внимание: мой ум никогда не бывал расслабленно вялым и праздным, всем интересовался, и потому пригвождался ко всему взор. (Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней/ П.А. Флоренский. – М., 2004. – С. 78).

Ни в детстве, ни после я ничего случайно не находил. Как-то узрел, гуляя по перрону копеек пятьдесят. Однако потом не досчитался тех же денег в своем дырявом кармане. Но хотелось бы верить, что это не следствие вялости и праздности ума, а просто потому, что я никогда не имел привычки шарить глазами под ногами. Можно, наверное, объяснять мою «ненаходчивость» невнимательностью, а можно, напротив, сосредоточением мысли на чем-то более важном, чем перочинные ножички, монеты и прочие вещички. А может быть, все еще проще: никогда и ничего не преподносила мне судьба без труда или, как сейчас говорят, на халяву.

Думается, что и мои предки, не могли соперничать с Павликом Флоренским. Мама рассказывала, как прадед Иван Данилович ползал по полу. Она спросила: «Дедушка, что ты ищешь?» Он ответил: «Да, вот клеповинка одна пропала». Что за *клеповинка* выяснить не удалось. Но найдена она так и не была.

◈ ◈ ◈

Русский человек никогда не жил чужою мыслью. Он всегда предпочитал думать «глупо», но ***самостоятельно****; идти вразброд и тонуть в разногласии, но не подчиняться слепо чужому авторитету (Ильин И.А. Основы демократии. – 1949. –11 июля).*

Это ошибочная характеристика «русского человека», русский в полном согласии со своей «глупостью» шарахался из одной крайности в другую. Он то раболепно принимал чужие идеи и слепо им следовал, то, разочаровавшись в них, низвергал вчерашние кумиры и идеалы и искал свой собственный оригинальный и ни на что не похожий путь. А более всего соединял то и другое: брал чужое и по-своему, часто в извращенном и карикатурном виде, внедрял его в собственную жизнь. Во всех случаях получалась какая-нибудь дурь и дикость. То приняли христианство и возомнили себя третьим Римом, то вдруг стали страной победившего атеизма, то опять объявили о возврате к религии. То шарахнулись впереди планеты всей строить коммунизм, то, развалив все построенное, бросились в объятья дикого капитализма. Русский хочет как лучше, но у него получается как всегда, он напоминает дитятю: кряхтит, строит замок из песка, а затем разозлится и все крушит, а потом досадует и плачет.

◈ ◈ ◈

Единица – вздор,
единица – ноль,
Один – даже если
очень важный –
Не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный (В.В. Маяковский. Цит. по: Тумаркин И.Б. Золотые россыпи: Мысли и афоризмы / И.Б. Тумаркин. – Одесса, 1961. – С. 104).

Можно сказать, программная идея большевистского коллективизма. Отсюда представление о человеке как о легко заменяемом винтике социального механизма. Идея, ложная своей крайностью, односторонностью. Даже с формальной точки зрения она легко опровергается. Человек интеллектуального труда, как правило, творит один; ученый, философ, писатель, полководец, государственный деятель – все это единицы, трудно сбиваемые в группы, цеха и бригады. Но роль их огромна, она не менее значима, чем роль так называемых масс.

Один, если он Архимед, легко поднимет бревно. Не помню имени, но какой-то американский архитектор в одиночку, используя им же придуманные загадочные приспособления, построил дом-дворец из многотонных блоков.

Коллективизм хорош до тех пор, пока он не отрицает личность, а утверждает, что вся его сила и все его богатство основано на качестве индивидов его составляющих. Не может быть хорошим коллектив,

состоящий из плохих индивидов. Десяток прощелыг и лодырей, сведенных вместе, хуже одного работящего и умелого человека. Все это вещи почти банальные, но диву даешься, до чего часто люди спотыкаются именно на банальных вещах.

◈ ◈ ◈

Национализм… неотделим от стремления к власти. Каждый националист неизменно стремится достичь все большей власти и большего престижа, но не для себя, а для нации…, в которой он решил растворить собственную индивидуальность (Д. Оруэлл. Цит. по: Борохов. Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 312).

Отчего же не для себя? Именно для себя как представителя нации. Ничтожество, сознавая свое убожество, тщится через принадлежность к национальному величию обрести хоть какой-то вес и какую-то значимость. Эти потуги ничтожества могут только вредить нации, всегда являются медвежьей услугой для нее.

Особенно забавными выглядят потуги националистов обнаружить в своей нации какие-то особенные глубинные корни, числить ее от Адама и Евы или от самой первой обезьяны. Сегодня на Украине этим заняты иные дипломированные историки, не имеющие никакого имени в науке, но желающие его сделать хотя бы таким, не имеющим ничего общего с наукой способом. Разглагольствуют, например, что украинцы вместе с ариями произошли от неких укров, и, конечно, же к этим самым украм, судя по названию, украинцы ближе, нежели арийцы. Слово «казак», оказывается, не тюркского, а индоевропейского происхождения, казаки – это якобы потомки народов, населяющих Боспорское царство. Нельзя отказать этой публике в развитой фантазии, фантазия, действительно, буйная. Но причем здесь наука?

ПЕРСОНАЛИЙ

Амиель, Анри Фредерик (1821–1881) – швейцарский писатель – 158, 274.

Арцыбашев Михаил Петрович (1872–1927) – русский писатель – 327

Бабеф Гракх (Франсуа Ноэль) (1760–1797) – французский революционер – 223, 224

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – русский мыслитель, теоретик анархизма – 145, 146, 147, 160, 254, 308

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – русский литературный критик, публицист – 227, 230, 270, 271

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – русский философ – 193, 194, 251– 254, 286, 287, 328, 330–345

Бернар Клервоский (1090–1153) – французский проповедник – 121

Берсье Евгений (1805–1889) – французский проповедник – 229

Бжезинский Збигнев (1928 г. р.) – американский политолог и гос. Деятель – 206

Бирс Амброз (1842–1914) – американский писатель – 173

Блаватская Елена Павловна (1831–1891) – русский теософ – 171–173

Блок Александр Александрович (1880–1921) – русский поэт – 256

Буаст Пьер (1756–1824) – французский лексикограф – 301

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – русский философ, теолог, экономист – 190

Бэкон Фрэнсис (1561–1626) – английский философ, государственный деятель – 125, 126, 215

Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) (1694–1778) – французский философ, писатель, историк – 136, 287, 374

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – немецкий философ – 133, 136, 175, 176, 189, 268, 302

Гельвеций Клод Адриан (1715–1771) французский философ – 300

Герцен Александр Иванович (1812–1870) – русский писатель, публицист, революционный деятель – 40, 121, 144, 230, 231, 246, 250

Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832) – немецкий поэт, мыслитель, ученый – 129, 130, 310, 312

Гольбах Поль Анри (1723–1789) – французский философ – 268, 269, 301

Горький Максим (Алексей Максимович Пешков) (1868–1936) – русский писатель – 187, 188, 198, 247, 248, 326, 327

Гюго Виктор Мари (1802–1885) – французский писатель – 306, 321, 338

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) – русский историк, социолог и естествоиспытатель – 158–160, 183, 236

Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) – русский критик, публицист – 318

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – русский писатель – 134, 157, 167, 170, 197, 198, 227, 239, 273, 313, 338

Драйзер Теодор (1871–1945) – американский писатель – 190, 338

Ильин Иван Александрович (1882–1954) – русский философ – 335

Кампанелла Томмазо (1568–1639) – итальянский мыслитель 126, 342

Камю Альбер (1913–1960) – французский философ, писатель 196, 197, 198, 200, 202, 259

Кант Иммануил (1724–1804) – немецкий философ – 118, 128, 174, 206, 219, 227, 268

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) – русский мыслитель, теоретик анархизма 252, 278

Ксенофонт (430–335 до н. э.) – древнегреческий историк – 119

Кьеркегор Серен (1813–1855) – датский философ – 144, 268, 307, 398

Ла Боэти (Ла Боэси), Этьен (1530–1563) – французский поэт, публицист – 122

Лабрюйер Жан (1645–1696) – французский писатель – 217, 299

Ламетри Жюльен-Офре (1709–1751) – французский философ 218, 267, 300

Ларошфуко Франсуа де (1613–1680) – французский писатель - 216

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – революционер-большевик, руководитель октябрьского переворота 1917 г., глава российского правительства (1917–1924) – 179, 183,200, 222, 226, 249, 250, 338

Леонов Леонид Максимович (1899–1994) – русский писатель - 258

Лец Станислав Ежи (1909–1966) – польский писатель - 195

Линкольн Авраам (1809–1865) –государственный деятель, президент США (1860–1865) – 307

Лихтенберг Георг Кристоф (1742–1799) – немецкий писатель, ученый – 128, 221, 222

Локк, Джон (1632–1704) – английский философ, педагог – 298

Лондон Джек (Джек Гриффит) (1876–1916) – американский писатель – 142, 255, 338

Лукреций (Тит Лукреций Кар) (1 в. до н. э.) – древнегреческий философ, поэт – 120

Макиавелли Никколо (1469–1527) – итальянский философ, писатель, историк – 214, 234, 266

Маркс Карл (1818–1883) – немецкий философ, экономист, революционер – 137, 140, 144, 147, 149, 150, 165, 178, 189, 200–202, 234–236, 238, 239, 254, 259, 272, 301, 309, 311, 323, 341

Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930) – русский советский поэт – 356

Менкен Генри (1880–1956) – американский критик, публицист – 258

Монтень Мишель де (1533–1592) – французский философ, писатель – 123, 125, 218, 297, 298

Монтескье Шарль Луи (1689–1755) – французский философ – 299

Морелли (18 в.) – французский социалист-утопист – 266

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) – русский поэт – 312

Нибур Бартольд Георг (1776–1831) – немецкий историк – 135

Ницше Фридрих (1844–1900) – немецкий философ – 174–177, 179, 181, 197–201, 209, 245, 246, 254, 281, 282, 319-324

Паскаль Блез (1623–1662) – французский мыслитель, писатель, математик – 298

Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868) – русский публицист и литературный критик – 244, 245

Платон (427–347 до н. э.) – древнегреческий философ – 119,120,174, 261, 262, 295

Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – русский писатель, историк – 139

Понтано Джованно Джовиано (1426–1503) – итальянский гуманист, дипломат – 209

Пришвин Михаил Михайлович (1878–1954) – русский писатель 347

Прудон Пьер Жозеф (1809–1865) – французский социалист, теоретик анархизма – 143, 318

Ренар Жюль (1864–1910) – французский писатель – 185

Рескин Джон (1819–1900) – английский публицист, теоретик искусства – 273

Робеспьер Максимильен Мари Изидор де (1758–1794) – деятель Великой французской революции, якобинец, член Конвента, глава Комитета общественного спасения – 222, 245

Розанов Василий Васильевич (1856–1919) – русский философ, писатель – 231, 246, 247, 285, 325

Роттердамский Эразм (1469–1536) – нидерландский ученый-гуманист, писатель, богослов – 265, 292, 293, 295

Руссо Жан-Жак (1712–1778) – французский философ, писатель, педагог – 253, 267, 295

Сад Донатьен Альфонс Франсуа де (1740–1814) – французский писатель, философ – 197, 220, 221, 234

Сенека (Младший), Луций Марк Анней (4 г. до н. э. – 65) – древнеримский философ – 120, 208, 264

Сен-Симон Анри де (1760–1869) – французский мыслитель, социалист-утопист – 224

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – русский философ – 141, 182–184

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – русский историк – 127, 154, 156, 324

Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович (1851 1895) – русский революционер-народник, писатель – 182

Страхов Федор Алексеевич (1861–1923) – русский философ – 184

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – русский писатель – 161, 162, 164–170, 197, 227, 240–244, 251, 352, 275–277, 279, 318, 333, 338

Торо Генри Дэвид (1817–1862) – американский писатель, публицист – 232, 272

Троцкий Лев Давидович (1879–1940) – один из вождей большевизма – 288, 289

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – русский писатель233, 234

Тютчев Федор Иванович (1803–1873) – русский поэт – 139–141

Уайльд Оскар (1856–1900) – английский писатель283, 284, 326

Федоров Николай Федорович (1828–1903) – русский философ – 278

Фейербах Людвиг (1804–1872) – немецкий философ 149, 269

Флоренский Павел Александрович (1882–1937) – русский философ, священник – 347,348, 355

Франк Семен Людвигович (1877–1950) – русский философ – 256, 345–347

Франклин Бенджамин (1706–1790) – американский просветитель, государственный деятель – 217

Франс (Тибо) Анатоль (1844–1924) – французский писатель – 283

Фрейд Зигмунд (1856–1939) – австрийский философ, психиатр; основоположник психоанализа – 139, 184

Фромм Эрих (1900–1980) – немецко-американский философ, психолог – 258, 259

Холмз Оливер Уэнделл (старший) (1809–1894) – американский писатель – 270

Цезарь (Гай Юлий Цезарь) (100–44 до н. э.) – римский полководец, государственный деятель – 121

Цицерон Марк Тулий (106–48 до н. э.) – древнеримский оратор, философ – 121, 292

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – русский мыслитель, публицист – 226–228, 306

Чаннинг Уильям Эллери (1780–1842) – американский проповедник - 225

Честертон Гилберт Кит (1874–1936) – английский писатель, государственный деятель – 250

Чехов Антон Павлович (1860–1904) – русский писатель – 170, 197, 247

Швейцер Альберт (1875–1965) – немецкий философ, врач – 257, 288

Шестов Лев (Шварцман Лев Исаакович) (1866–1938) – русский философ – 185, 186

Шлегель Фридрих (1772–1829) – немецкий философ – 269

Шопенгауэр Артур (1788–1860) – немецкий философ – 136–138, 149, 225, 226, 295, 302, 303, 305, 306

Шпет Густав Густавович (1879–1940) – русский философ – 135, 194

Штирнер Макс (Каспар Шмидт) (1806–1856) – немецкий философ – 229

Эмерсон Ралф Уолдо (1803–1882) – американский философ, поэт, эссеист – 142

Энгельс Фридрих (1820–1895) – немецкий мыслитель, революционер – 147, 150–152, 154, 165, 235, 236, 238, 239, 301, 309, 311

Юм Давид (1711–1776) – шотландский философ, историк, экономист – 267

Юркевич Памфил Данилович (1826–1874) – русский философ -161, 275

ЛИТЕРАТУРА

1. Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве / Л.Б. Альберти. – М., Т. 1. – 1935.
2. Антология мировой философии: в 4 т. – М., 1969. – Т. 1. – Ч. 1.
3. Антология мировой философии: в 4 т. – М., 1972. – Т. 4.
4. Асмус. В.Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус. – М., 1976.
5. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика / м.А. Бакунин. – М., 1989.
6. Белинский В.Г. Избранные философские произведения / В.Г. Белинский. – М., 1941.
7. Белинский В.Г. Соч.: в 4 т. – К., Петербург, Харьков, 1902. – Т. 4.
8. Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М., 1990.
9. Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М., 1989.
10. Библия. – М., 1992.
11. Блок А.А. Собр. соч.: в 6 т. / А.А. Блок– М., 1971. – Т. 6.
12. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. – [3-е изд.]. – М., 1975. – Т. 21.
13. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999.
14. Борщевский З.С. М.Е. Салтыков-Щедрин в русской критике / З.С. Борщевский. – М., 1959.
15. Быховский Б.И. Шопенгауэр / Б.И. Быховский. – М., 1975.
16. Быховский Б.Э. Кьеркегор / Б.Э. Быховский. – М., 1972.
17. Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. / Ф. Бэкон. – М., 1978.
18. Волков Г.Н. Путь гения / Г.Н. Волков. – М., 1976.
19. Волков Г.Н. Три лика культуры / Г.Н. Волков. – М., 1986.
20. Воспоминания о Марксе и Энгельсе. – М., 1956.
21. Гегель Г. Философия права / Г. Гегель. – М., 1990.
22. Гегель Г. Философия религии.: в 2 т. / Г. Гегель – М., 1977. – Т. 2.
23. Гельвеций К. Соч.: в 2 т. / К. Гельвеций – М., 1974. – Т. 2.
24. Герцен А.И. Былое и думы / А.И. Герцен. – М., 1958. – Ч. 4–5.
25. Гете И.В. Фауст. Лирика / И.В. Гете. – М., 1986.
26. Гольбах П.А. Галерея святых / П.А. Гольбах. – К., 1987.
27. Гольбах П.А. Избр. произведения: в 2 т. / П.А. Гольбах. – М., 1963. – Т. 1.
28. Горфункель А.Х. Томмазо Кампанелла / А.Х. Горфункель. – М., 1969.

29. Горький М. Избранные произведения / М. Горький. – М.-Л., 1952.
30. Горький М. Собр. соч.: в 18 т. / М. Горький – М., 1963. – Т. 18.
31. Денисов В.В. Социология насилия / В.В. Денисов. – М., 1975.
32. Добролюбов Н.А. Избранные философские произведения / Н.А. Добролюбов. – М., 1948. – Т. 1.
33. Душенко К.В. Большая книга афоризмов / К.В. Душенко. – М., 2001.
34. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции / Ж. Жорес. – М., 1983. – Т. 5.
35. Зеленкова И.Л. Этика / И.Л. Зеленкова, Е.В. Беляева. – Минск, 1997.
36. Из глубины: сборник статей о русской революции. – М., 1991.
37. Кавелин К.В. Наш умственный строй / К.В. Кавелин. – М., 1989.
38. Казаченко Т.Г. Античные афоризмы. Тематический сборник / Т.Г. Казаченко, И.Н. Громыко. – Минск, 1987.
39. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. – М., 1990.
40. Кант И. Соч.: в 6 т. / И.Кант. – М., Т. 4. – Ч. 1.
41. Квинтэссенция: Филос. альманах / [сост.: В.И. Мудрагей, В.И. Усанов. – М., 1990.
42. Кирпотин В.А. Философские и эстетические взгляды Салтыкова-Щедрина / В.А. Кирпотин. – М., 1957.
43. Козлов Н.И. Философские сказки для обдумывающих житье, или Веселая книга о свободе и нравственности / Н.И. Козлов. – М., 1996.
44. Кропоткин П. Идеалы и действительность в русской литературе / П. Кропоткин. – Санкт-Петербург, 1907.
45. Ламетри Ж. Соч. / Ж. Ламетри. – М., 1976.
46. Ларошфуко Ф. Максимы / Ф. Ларошфуко. – М., 1974.
47. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 26.
48. Ленин В.И. Памяти Герцена / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 21.
49. Ленин В.И. Философские тетради / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 29.
50. Лихтенберг Г.К. Афоризмы / Г.К. Лихтенберг. – М., 1965.
51. Локк Д. Соч.: в 3 т. / Д. Локк. – М., 1988. – Т. 3.
52. Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М., 1991.
53. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли. – М.; Харьков, 1998.

54. Маркиз де Сад Тереза-философ / Маркиз де Сад. – Минск, 1992.
55. Маркс К. Классовая борьба во Франции // Маркс К. Избр. произведения: в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1980. – Т. 1.
56. Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К. Избр. произведения: в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1980. – Т. 1.
57. Маркс К. Нищета философии / К. Маркс // Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1980 – Т. 4.
58. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // К. Маркс Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 3.
59. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 3.
60. Маркс К. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 18.
61. Маркс К. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. Т. 40.
62. Мережковский Д.С. Больная Россия / Д.С. Мережковский. – Л., 1991.
63. Мир философии: в 2. ч. – М., 1991. – Ч. 1.
64. Монтень М. Об искусстве жить достойно. Философские очерки / М. Монтень. – М., 1975.
65. Монтень М. Опыты. Книга первая и вторая / М. Монтень. – М., 1981.
66. Монтескье Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М., 1955.
67. Нарский И.С. Давид Юм / И.С. Нарский. М., 1973.
68. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. Литературное наследство. – М., 1971. –Т. 83.
69. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо / Н.А. Некрасов // Соч.: в 3т.– М., 1959. – Т. 3.
70. Ницше Ф. Генеалогия морали (Памфлет) / Ф. Ницше // Избр. произведения: в 2 кн. – М.; Л., 1990. – Кн. 2.
71. Ницше Ф. Избр. Произведения / Ф. Ницше. – М.; Л., 1990. – Кн. 1.
72. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Избр. произведения: в 2 кн. – М.; Л., 1990. – Кн. 2.
73. Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках / Ф. Ницше. – Свердловск, 1991.
74. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше // Собр. соч. – М., 1901.
75. Носков В.Г. Перекличка веков. Размышления, суждения, высказывания / В.Г. Носков. – М., 1990.
76. Паскаль Б. Мысли / Б. Паскаль. – М., 1974.
77. Платон. Избранные диалоги / Платон. – М., 1963.

78. Ренар Ж. Ларец острословов / Ж. Ренар. – М., 1991.
79. Розанов В.В. Опавшие листья / В.В. Розанов. – М., 1990. – Т. 2.
80. Розанов В.В. Религия и культура/ В.В. Розанов. – М., 1990. – Т. 1.
81. Розанов В.В. Уединенное / В.В. Розанов. – М., 1990. – Т. 2.
82. Роттердамский Э. Похвала глупости / Э. Роттердамский. – М., 1971.
83. Русские писатели о языке. – Л., 1954.
84. Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Сенка. – М., 1986.
85. Сиднев Л.Н. Десять лекций по этике / Л.Н. Сиднев. – Запорожье, 1999.
86. Соловьев В.С. Современная жрица Изиды / В.С. Соловьев. – СПб., 1904.
87. Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. / В.С. Соловьев – М., 1989. – Т. 2.
88. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. / В.С. Соловьев – М., 1988. – Кн. 1.
89. Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения: в 2 т. / С.М. Степняк-Кравчинский. – М., 1987. – Т. 1.
90. Стоун И. Моряк в седле. Биография Джека Лондона / И. Стоун. – М., 1962.
91. Таранов П.С. 150 мудрецов и философов (Жизнь. Судьба. Учение. Мысли) / П.С. Таранов. – Симферополь – Запорожье, 2000. – Т. 2.
92. Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М., 1998.
93. Троцкий Л.Д. Литература и революция / Л.Д. Троцкий. – М., 1991.
94. Тумаркин И.Б. Золотые россыпи: Мысли и афоризмы / И.Б. Тумаркин. – Одесса, 1961.
95. Тютчев Ф.И. Соч.: в 2 т. / Ф.И. Тютчев. – М., 1980. – Т. 1.
96. Тютчев Ф.И. Соч.: в 2 т. / Ф.И. Тютчев. – М., 1980. – Т. 2.
97. Уайльд О. Избранное / О. Уальд. – М., 1990.
98. Утопический социализм: хрестоматия. – М., 1982.
99. Федоров Н.Ф. Философия общего дела / Н.Ф. Федоров. – М., 1913. – Т. 2.
100. Фейербах Л. История философии / Л. Фейербах // Собр. произв.: в 3 т. – М., 1967. – Т. 1.
101. Философия в вопросах и задачах // под ред. Г.В. Платонова, Н.В. Хорева. – М., 1977.
102. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней / П.А. Флоренский. – М., 2004.
103. Франк С.Л. С нами бог / С.Л. Франк. – М., 2003.
104. Франк С.Л. Смысл жизни / С.Л. Франк. – Париж, 1925.

105. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме / И.Т. Фролов. – М. – 1989.
106. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М., 1998.
107. Чаадаев П.Я. Отрывки и афоризмы. Соч. / П.Я. Чаадаев – М., 1989.
108. Чехов А.П. Избр. соч.: в 2 т. / А.П. Чехов. – Т. 2. – М. – 1986
109. Швейцер А. Культура и этика / А. Швейцер. – М., 1973.
110. Шелгунов Н.В. Воспоминания / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. – М., 1967. – Т. 1.
111. Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр // Соч. – М.; Харьков. – 1998.
112. Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. / А. Шопенгауэр. – М., 1900–1910. – Т. 1, Т. 4.
113. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии / Г.Г. Шпет // Соч. – М., 1989.
114. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Маркс К. Соч. – Т. 2.
115. Энгельс Ф. Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Маркс К. Соч. – Т. 19.
116. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в германии / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Маркс К. Избр. произведения. – М., 1980. – Т. 1.
117. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека. Философские произв / П.Д. Юркевич. – М., 1990.